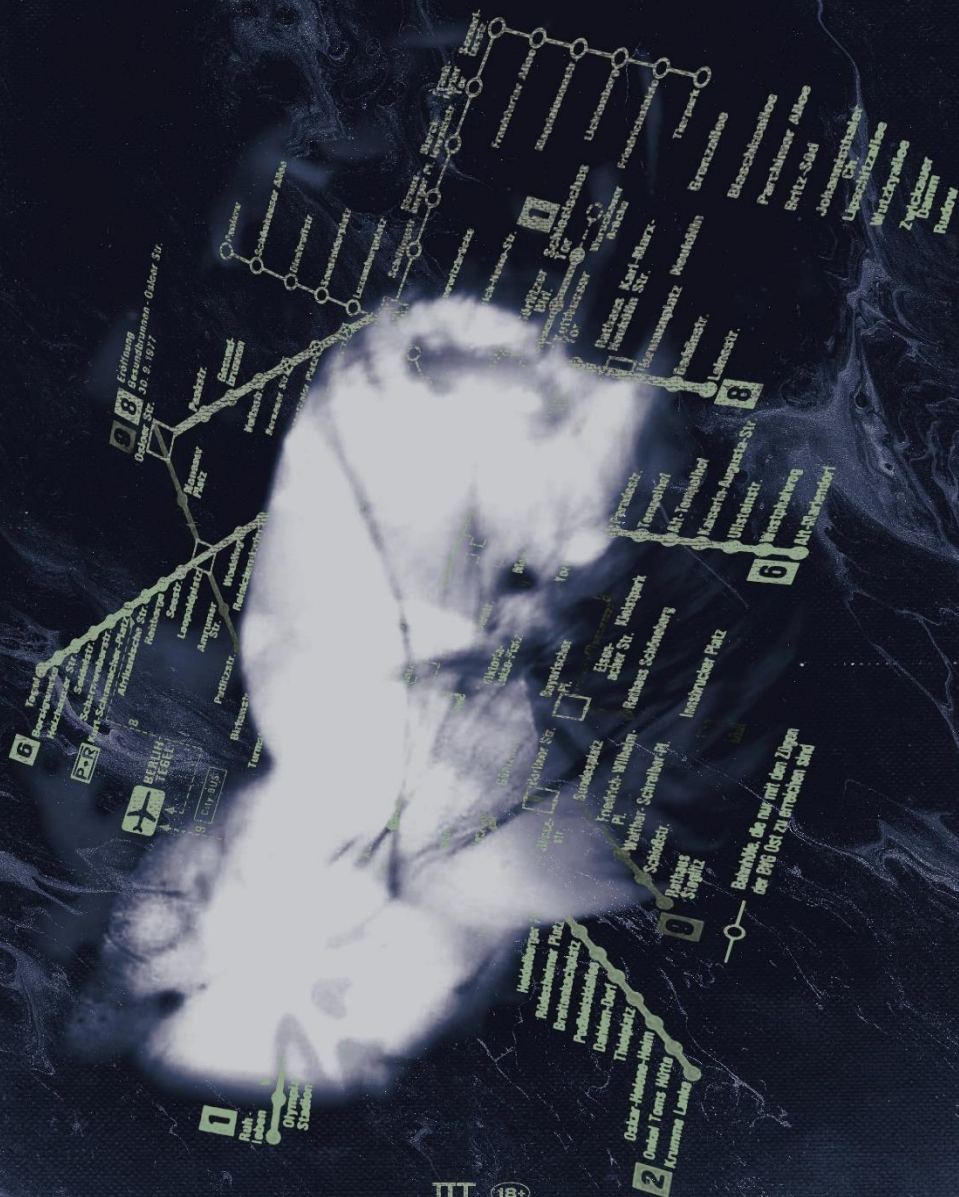

БЛИЗОСТЬ

ДАНИЛ ВОЛОХОВ

БЛИЗОСТЬ

ПСТ

ДИСКЛАЙМЕР

Герои данного романа употребляют табачные изделия, алкоголь и наркотики. В ходе повествования так же присутствует неоднократное описание употребления всего перечисленного.

Автор ни в коей мере не романтизирует употребление наркотических веществ, алкоголя и табака. Упоминание тех или иных наркотических средств не носит характер пропаганды.

Автор выступает против употребления наркотиков, оставляя читателям возможность считать поступки героев, их мысли и чувства руководствуясь собственными моральными принципами и представлениями читателей о самих героях.

Благодарности:

Маме, Любе, Славику, Ольге, Юлии, Вике, Олегу, Игорю,
Володе, Жене, Виталику и всем друзьям.

Пролог

Достав из кармана джинсов уже порядком износившиеся карманные часы, Алекс снова забуравил взглядом минутную стрелку.

«Опаздывают на пятнадцать минут» - подумал он. А после - поднес аппарат к уху, чтобы услышать их тиканье.

«В последнее время начали сдавать»

Старая советская «Молния» никогда его не подводила. Нужно было лишь несколько раз в день заводить аппарат, чтобы без труда услышать звучное тиканье механических часов. Насчитав разницу в пятнадцать минут, Алекс оттянул заводной механизм и слегка прокрутил часы до нужной отметки.

Кофейня. Подобные новомодные места наводили на него уныние. Переехав в Берлин в начале 90-х, он все еще помнил город таким, каким он и был тогда: почти мистическим местом, еще не испытавшим на себе технологизацию нулевых. И отдавшего пост-гдр-овщиной в отдельных его частях.

Марцан стал для него домом еще пару лет назад. Там он жил, когда только приехал в Берлин, и там он оказался теперь.

«Мое личное убежище», - любовно называл он маленькую квартиру, в которую впервые въехал много лет назад. И та самая, куда он вернулся уже «после», но сознательно.

Минуту-другую Алекс с большим вниманием изучал пачку Marlboro на столе, затем закурил.

«Да, бросить курить было явно плохой идеей. Рано или поздно все равно вернешься к этому»

После смерти жены он решил бросить все пагубные привычки: перестал покупать сигареты, засиживаться в местном баре с приятелями и даже слушать привычный для него рок-н-ролл по вечерам. Он не был верующим, но вскоре начал исправно молиться и даже читать Библию. Старые привычки постепенно ушли в прошлое, образовав в его жизни пустоту. В былые годы, эта пустота парадоксально заполнялась то переездами, работой, семьей. Но вместе с женой, которую он так любил, ушла и часть его самого.

«Сколько же минут прошло?» - снова задал он вопрос сам-себе. За соседним столиком несколько клерков обсуждали растущую проблему эмиграции в Германии. Налоги. Негодование висело в воздухе. Но стоило ему перевести взгляд на улицу – проблемы этих людей казались ему мелочью. Где-то там, на встречу спешила девушка, хотевшая записать его историю. После стольких лет.

Алекс никогда не был особо пунктуален и не намеревался приходить слишком рано. Да и внешний вид говорил об отсутствии у него пунктуальности. Выстиранная футболка

Alice In Chains, потертые джинсы и простенькая куртка – внешне, он напоминал типичного гранжера образца 90-х.

- Хотите чего-нибудь ?

- Нет, спасибо. Я жду друга.

Девушка-бармен откинула выкрашенные в розовый цвет пряди локоны. А после – подлила кофе, сидевшим неподалеку клеркам. Повернувшись, она прошла вдоль помещения. Алекс все смотрел ей вслед, вспоминая дочь – такие же розовые волосы уже не-девочки-подростка.

«Ева...какая же она теперь?»

Этим вопросом Алекс часто задавался ночами, лежа в маленькой кровати своей квартиры. Смерть жены фактически убила его дочь. Хотя, конечно же, он был неидеальным отцом, и Алекс знал это. Но вместе с ней ушли они оба. Он и Ева.

Дочь, которая казалось должна была быть целым миром для него, теперь была потеряна, утонув в реке своих комплексов.

В молодости, он то ли дело заливал горло алкоголем, соблюдая все приличия рок-н-ролла. Хотя все же девочка явно любила его. Миловидное лицо, как у матери. Она была вполне симпатичной девушкой. В тоже время совершенно непохожей на него. Время от времени Алекс вспоминал, как ведя дочь в школу, она вырывала свою руку из его, и весело скакала по дороге. «Какой милый ребенок».

Тихое кафе, несмотря на кричащий дизайн все же, как нельзя кстати, способствовало размышлениям. Будто странности всего мира настигли его в одном месте. И это был не душ, где он бывало зависал часами, вспоминая былые годы своей юности, или кровать, в которой проводил все больше времени, размышляя о судьбе дочери. Это тихое уединенное место в миг разрушило представление Алекса о мире.

- Алекс ? Добрый день! Простите мое опоздание! Чертовски неудобно!...Быстро нашли это место?».

Тонкий женский голос послышался рядом. Еще миг - девушка присела прямо напротив него, широко улыбаясь. Они пожали руки, следуя привычному в обществе официозу. Алекс представлял ее совсем другой. Типичная фанатка рок-музыки в выцветшей футболке «Metallica» куда бы больше подошла на роль девушки-журналистки, чем похожая на его собственную дочь девушка.

- Два кофе, будьте любезны! – поспешила она сделать заказ, - Еще раз, простите за опоздание! Я надеюсь, вы без труда нашли это место...

- Все в порядке, Эмма. - сказал он.

К тому моменту, как официантка принесла кофе, Эмма уже успела выложить блокнот и диктофон на стол. Тяжелый ком в горле заставил Алекса съежиться. Он старался не сосредоточивать свой взгляд на журналисте, переводя взор с девушки на окно, открывавшее проходим вид на заведение,

расположившееся в нескольких метрах от банка. Его взгляд все же то и дело зависал на ней. Светлые волосы, которые она по-видимому никогда не завязывала, придавали Эмме некую привлекательность. По виду ей было слегка за двадцать. Сам Алекс представлял «Эмму-журналиста» куда старше.

«О чем мы собираемся говорить?» - на какую-то долю секунды Алекс задумался о том чтобы покинуть это кафе со всеми его «обитателями», и закрыться в глубинах своей квартиры. Закрыться в своей привычной скорлупе.

- Я думаю можно начинать, если вы готовы...

- Конечно, давайте.

Согласие Алекса послужило сигналом для включения диктофона. Взяв его в руки, девушка нажала одну из кнопок, после чего вернула его на прежнее место – прямо между двумя чашками кофе, в самой середине стола.

«Вы были участником, наверное, единственной в своем роде группы в СССР– «Неврология». Вас называли настоящим голосом поколения, как нельзя лучше повлиявшим на альтернативную музыкальную культуру. Расскажите о вашем первом концерте?

Эмма в этот же миг, посмотрела ему прямо в глаза, вызвав у Алекса настоящую волну чувств. Этого вопроса, он, надо сказать, ожидал. Лежа ночью в приступе бессонницы, Алекс все же раздумывал, как ему стоит ответить на него, что рассказать. «Не важно что ты скажешь, главное, чтобы это была

правда», - такой совет дал ему добрый друг, с которым он беседовал по телефону за несколько дней до этого. Совет и вправду был хорошим, хоть Алекс не представлял, с чего следует начать.

- 197... -

Было уже около двух, но тем ни менее, вся тусовка еще стабильно оставалась на своих местах, несмотря на начинающийся дождь. Я стоял посередине – будто бы в центре фотографии, сделанной на отечественный «Зенит». Слева – мой лучший друг, Игорь. Худой, немного безбашенный. Наверное, его единственного можно было назвать «лидером компании». Среди нас всех, пожалуй, его и выделила эта глупая улыбка, которую он бывало показывал представителям противоположного пола. Мы с ним знали друг друга уже много лет. Помню тот момент, когда увидел его в первый раз. Нам четыре года, мы с отцами прогуливаемся воскресным днем, наматывая круги по нашему району. Помню, тогда как раз прошел дождь и влага, казалось, не впиталась полностью в землю, придав ей темные оттенки. Такие, как если на чистый лист бумаги капнуть приличной дозой акварельной краски. Черный цвет сразу же растечется вместе с водой. Немного расплывшись по краям, он все же сохранит свою причудливую природную структуру. Мы с Игорем познакомились в один из таких дней – когда в воздухе стояла влага и свежесть, а опавшие листья, постепенно накрывали лужи на асфальте. Наверное, странно вспоминать каким ты был много лет назад. Может именно поэтому я так мало размышлял о том дне. Но вот проходит пять минут – наши отцы уже разговаривают как старые друзья. В этот день они впервые встретились, как и мы с Игорем, но в отличие от двух маленьких мальчуганов – стояли в сторонке и разговаривали совершенно непринужденно, будь то были знакомы всю сознательную

жизнь. Мы тем временем устремляемся к уже потрепанным временем качелям и принимаемся раскачиваться на них как мартышки. Помню тот самый момент. Такие вещи случаются редко, но когда происходят, ты все же понимаешь что-то. Когда мы с ним встретились взглядами, я увидел ту самую искорку в его глазах. Именно под этим предлогом меня чаще всего наказывали учителя – из-за той самой искорки в глазах, которая не давала мне усидеть на месте, а тем более мыслить подобно всем окружающим. А родители в свою очередь всегда пугали маленького меня, говоря о том, что не быть мне добропорядочным пионером. Но все же, каким-то образом я сумел разглядеть это самое в нем. Думаю тогда мы с ним и стали настоящими друзьями.

Подняв голову, я как следует оглядел всех присутствующих. Как всегда, в начале рядов стояло несколько парней. Я никогда прежде не говорил с ними. Но все же знал, что это за ребята. Периодически два бугая, похожих на мартышек, стояли в начале рядов – там, где вероятней всего могла быть облава. И при малейшей опасности, они свистели. Бывало это и в шутку, конечно. Когда буфетчица из торгового центра, решала немного подзаработать на фарцовщиках и устремлялась к нам с передвижной тележкой, доверху забитой пирожками и горячим чаем что бы за несколько минут сбывать добрую долю своего товара. Хотя, чай там все же был так себе. Но при малейшем появлении этой женщины, они умудрялись за секунду известить всех присутствующих об этом, после чего толпа растворялась, словно гонимая ветром, куда-то далеко-

далеко. Так случилось в этот раз. Но мы все же не двинулись с места. Слишком опасным мог быть для нас этот день.

- Ну так что, смотреть будете? – послышался из-за спины слегка веселый голос. Он тут же прервал наши размышления, заставив нас с Игорем обернуться и обратить на него внимание.

Высокий, чуть сгорбившийся от дождя. Ему было около пятидесяти и было странно, что именно он прятался с нами за одним из кооперативных гаражей, тщательно озираясь. К тому моменту я знал Федора уже несколько лет. Хотя каждая встреча с ним была чем-то новым и необычным. Мы знали его как человека, время от времени толкавшего нам винил. Подборки были самые разные. То какая-нибудь семидюймовка, то забористый рок-н-ролл, уже на привычном виниле.

Легкая залысина у Федора выделяла его среди большинства фарцовщиков, с которыми мы общались. Хотя, в отличие от них, смотря на него я все же приходил в недоумение. До сих пор я отчаянно не мог понять – зачем же он занимается этим? У человека была хорошая должность директора крупного книжного магазина, семья и как следствие из первого – стабильный доход. Но тем не менее, его, как и всех нас, страстно тянуло сюда – в эти копошащиеся ряды людей, где каждый пытался найти что-то новое. Может в перспективе быть пойманным, что-то радовало его. Легкий азарт, как будто в казино ставишь все на «красное» или «черное». Я знал его уже пару лет, как директора крупного книжного магазина и мелкого контрабандиста. Периодически мы встречались и он, со свойственной ему доброжелательностью, одаривал меня

лучезарным взглядом, говоря что-то вроде: «Ко мне тут пришел груз книг из Питера». Эта фраза всегда означала хорошие новости для нас. По условиям уголовного кодекса СССР, Федор мог легко стать мишенью милиции и КГБ, как распространитель контрабанды. Впрочем, и не он один. Так или иначе, он то ли дело подчеркивал слово «книги» в разговоре, чтобы все присутствующие могли в полной мере ощутить и услышать то, что были должны. Подобные вещи случались нередко. Но мы все понимали, что в грузе были не только книги.

Наконец наш спутник немного воровато обернулся и открыл спрятанный под плащом «дипломат». Дождь постепенно утихал, хотя всё же успел залить присутствующих, как и само поле, оккупированное продавцами дефицитных товаров. Мы находились будто на отшибе от основного рынка и стоя там, знал, что где-то, среди рядов, бродит моя мать, отчаянно выискивая, что приготовить на ужин. Однако сейчас меня больше всего интересовал этот самый дипломат. Выглядел он весьма потертым, но все же не потерял вид. Федор тем временем церемониально поднял застёжки, удерживающие две его части и медленно раскрыл, тут же показав нам. Опять пауза...опять он обернулся, тщательно вглядываясь в толпу. Мы с Игорем знали, что при малейшем движении, нам все же не удастся убежать от милиции, как бы мы не пытались. Однако именно на этом поле происходили загадочные вещи. Торговцы контрабандой напоминали мне эдаких магов и чародеев. Ведь стоило в какой-то момент появиться милиции — как они тут же испарялись. Каким-то образом, часть толпы

будто бы знала, когда, во сколько и в каком количестве прибудет милиция. Пока у власти были коммунисты, над всеми нависала легкая угроза быть пойманными, а Федор, с множеством всевозможных связей, сразу же попадал в группу риска. Риска быть арестованными и отправленными в лагерь или еще куда хуже... И, хоть его вид мог быть несколько пугающим, его все же выдавал добрый блеск в глазах. Этот блик ты чувствовал, как только разговор заходил в нужную ему тему. Группа Rush, Rainbow или же Black Sabbath, которых мы с Игорем просто боготворили.

Мы внимательно вгляделись в желтую обложку, блеснувшую среди множества разнообразных Rolling Stones и различного хард-рока.

- Что это? - Федор тут же лукаво усмехнулся, одарив нас весьма неоднозначным взглядом.

- Ребята, да вы отстали от жизни. Это же Sex Pistols. Самая крутая группа в мире и мое главное открытие.

— Звучит слишком хорошо, чтобы быть правдой» - подумал я. После этой фразы я сразу внемлил желтой обложке. Так как ее, он нечасто обозначал вещи. Бывало, конечно, он мог сказать что-нибудь о Pink Floyd, говоря «послушай третий трек!», но такого я раньше не слышал.

- Хорошо, сколько? - тут же добавил Игорь, в то время как я стоял, разглядывая ярко-желтую обложку. Я внимательно смотрел на его лицо, на все эмоции, которое оно выдавало.

Засунув обе руки в карман, он принялся отстукивать ими какой-то непонятный нам ритм, громко позвякивая ключами в кармане плаща.

- Сорок рублей. - выпалил он.

- Не пойдет! - тут же вмешался я.

- Ну а сколько? Ребята, ну не держите меня за дурака...это же фирма...- сказал он, протянув последнее слово. Мы с Игорем тут же перекинулись взглядами, в то время как Федор старался сделать как можно менее выражающее лицо, сведя все свои привычные эмоции к простому покачиванию головой.

Продавцы всегда назначали цену за импорт куда выше, нежели за наши издания. Ты без проблем мог купить какую-нибудь печатку «на костях» с песней «Tutti Frutti», но как только дело доходило до чего-то посерьезнее, приходилось поднапрячься и тщательно поискать то, что тебе нужно. Избегая различных жуликов – вроде тех, кто продавал «паленые» пласты без обложек. Или наоборот, всовывали внутрь обложки пластинки с народной музыкой. Мы с Игорем это прекрасно знали. И Федор тоже знал, что скорее всего согласившись, мы первым делом полезем в конверт, для изучения внутренностей покупки.

- Послушайте...давайте решать. Не буду же я тут стоять с этой контрабандой», - продолжил он, явно собираясь убирать пластинки в дипломат.

- Я понимаю. Сорок рублей. А цена для нас? - Он тут же усмехнулся. Конечно, я знал его уже пару лет. С тех пор, как впервые купил у него пачку потертых пластинок, нарезанных «на костях».

- Ладно, раз для тебя – 37. Уж извините парни, больше сбросить не могу! - продолжил он. Протянув руку к дипломату, я выудил оттуда пластинку. Красно-зеленое яблоко тут же показалось на свет, приняв на себя несколько капель дождя. “Virgin”, гласила надпись, возвышающаяся над ней. Пробежав глазами по канавкам на пластинке, мы плавно перевели взгляд на список песен, пока я наконец не наткнулся на одну из них “Anarchy in the U.K”.

Было понятно, что подобный экземпляр будет стоить недешево, но все же мы смогли сторговаться на тридцати семи рублях. Эту сумму мы копили целый месяц. Игорю, который учился в консерватории по классу флейты, приходилось куда сложнее. Я всегда лишь догадывался почему он выбрал этот инструмент. Хотя он и умел играть на балалайке и еще на чем-то, но тем ни менее, его похоже это устраивало. Небольшой футляр, в котором он хранил свой уже повидавший виды кларнет и сейчас ловил мои воспоминания, в то время как он сам продолжал торговаться с Федором за заветную пластинку.

Прошло несколько недель, с тех пор как мы ликуя, принесли пластинку домой к Игорю. Несколько пластинок с речами Брежнева, предварительно взятых из дома, смогли скрыть ярко-желтую обложку, которую мы завернули в газету. Но стоило там только развернуть ее, как глаза тут же устремились к

обложке. Ярко желтая. С почти сплошным текстом «Never Mind the Bollocks Here's the...» и здесь виднелась уже розовая «табличка» с желтыми буквами «Sex Pistols». До того момента, ни я, ни он, не слушали панк.

«Панк, что это за слово такое?» - спрашивал Игорь меня.

Толстые стены дома, в котором он жил, хорошо скрывали звуки разгорающегося веселья. Да и сам его дом походил на того же Федора: красивая лепнина и темные окна. Он будто прятал что-то сокровенное в своих недрах. То, что не предназначалось никому кроме него. То, что должны были знать лишь несколько человек. Которые как сейчас – собрались в этом месте. Окинув взглядом комнату, я принялся рассматривать каждого из присутствующих. Кого-то из них я хорошо знал, то и дело, встречая на филфаке – где я учился. Кого-то видел в первый раз. Ребята, будто окружив проигрыватель, оккупировали всю комнатуху. Кто-то уселся на подоконник, куря в окно. И тем самым наполняя воздух приторным запахом дыма и дешевых сигарет. Кто-то встал в перегородке, громко перешептываясь. А кто-то, как несколько девушек, уселись прямо на полу, стараясь вслушаться в каждую ноту пластинки. Мы крутили ее уже третий раз за день, а я все еще не мог свыкнуться с мыслью, что слышу именно то, что наполняет всю комнату и каждого из нас по отдельности. Тяжелый, но в то же время такой легкий звук исходил из колонок резкими приливами, выбивая дух из каждого из нас. Переведя взгляд с черного диска, вращающегося на проигрывателе, я принялся с интересом рассматривать каждого

из присутствующих. Их лица, мимика, все в них говорило о том, что я итак знал. Хотя, будь здесь Федор он бы, наверное, продолжил вести себя как обычно и все так же манерно общаться со всеми, демонстрируя эдакий образ «полуаристократа». Со всеми его привычками, которые я никак не понимал, к примеру курение самокруток или легкость, с которой он общался со всеми, кого знал.

Пока мы сидели, застелив собою весь пол, ребята по очереди вертели глянцевый конверт, передавая его друг другу. Постепенно пластинка доиграла, и мы вновь поставили ее, лишь бы услышать эти звуки.

Кто-то присоединялся к нашему «квартирнику», а Игорь то ли дело влетал в комнату совсем приглушая звук. Так, чтобы открыв дверь, музыка не разнеслась по подъезду. Я услышал хлопок двери. Вот он повернул замок и послышались шаги. Хотя звука и не было слышно – все как один, таращились на пластинку, которая все еще играла, отдавая тихими проигрышами и голосом вокалиста, будто слышимым не в самой комнате, а где-то на фоне. Как постепенно затихающий саундтрек к фильму о нашей жизни. Дверь снова распахнулась, и хозяин квартиры не особо церемонясь начал переступать через множество вытянутых ног, лишь бы сделать погромче.

- А у вас тут весело, смотрю!

Мне всегда удавалось узнать этот голос. Среди всех, наверное, этот бас с легкой капелькой «смешинки» было легко узнать. «Здоровяк», как мы нежно его называли, тут же протиснул

голову между толпящимися в коридоре людьми. После чего, ступив в комнату, принялся пожимать всем руки. Некая детская наивность в его лице, служила главной причиной расположения людей к нему. «Добрый день! Как поживаете?» - пару раз мы даже слышали как он блистал французским, которого никто из присутствующих не знал. Парни были рады его видеть. Даже те, кто лицезрел нашего художника в первый раз. Мы с Сеней познакомились много лет назад. Еще до того, как я встретил Игоря. Хотя...если подумать, то это было одно и тоже время. Помню, как увидел его в первый раз. Слегка лохматый, весь перемазанный гуашью, выступившей жирными следами на фартуке художника, он сидел на стуле – намного ниже мольберта, так что было видно только копну его волос. Ноги маленького художника не доставали и до пола. А сам он, смешивая один цвет с другим, принимался хлестать акварелью во все стороны. Его мать тогда работала в художественной школе, где я учился. Мать привела меня туда в четыре года, решив занять меня на долгие семь лет. Хотя в детстве я был еще тем растеряшкой – бывало забывал свежкупленную акварельную краску. Именно в один из таких дней в дверь нашей квартиры постучали, а мать, открыв ее, удивилась, увидев там все такого же, перемазанного краской, чумазого мальчика. Я никогда не знал точно, чем занимался его отец. Знал, что Сеня был порядком старше меня, и мог вести разговоры о совершенно неизвестных мне вещах – импрессионистах, кубизме, или Малевиче.

- Нет, вот не понимаю я его, - сказала одна из девушек, к которой он обратился. Тут же на лукавом лице блеснула улыбка и готовность сообщить что-то важное:

- Нет, Малевич конечно гений. Безусловно...Ведь нет ничего сложнее самого простого. Супрематизм ведь достоин этого – я не прав?

Однако вместо ответа девушка лишь выдала что-то неоднозначное. Пара секунд передышки, за которые она аккуратно убирает волосы с лица, и поправляет рубашку. Этого времени ему хватило чтобы завести разговор с новой силой:

- Основная беда Казимира – это то, что он придумал гениальное, на мой взгляд, течение, но не смог его внятно объяснить.

- Честно говоря, я и половину из того, что ты сказал не поняла,- тут же сказала девушка.

В ее взгляде явно читалась раздраженность. А Сеня, кажется, уже оставил идею выйти из дома Игоря под ручку с новой знакомой, и схватив на столе лист бумаги и карандаш, принялся что-то рисовать. Помню как-то он сказал мне, что почерк художника можно увидеть сразу. То, как он держит карандаш, как выводит линии: «легким штрихом...а не ведя сплошной».

Это все в достатке чувствовалось в его движениях. Я посмотрел на пальцы художника – там где ногти переходили в подушечки пальцев, виднелись слегка темные пятна засохшей краски. Должно быть он опять не смог вымыть ее полностью. А

тыльная сторона ладони была слегка замазана. «Следы от карандаша» - подумал я. Тем не менее, его похоже совершенно устраивал собственный диковатый вид, как и такое положение дел. Он потратил несколько секунд, а мы лишь смотрели на рисующего что-то Сению, который старательно вырисовывал контуры будущего шедевра супрематизма, в то время как на фоне играли все те же Sex Pistols. Немного сгорбившись, как всегда, здоровяк, зажав в толстых пальцах карандаш, ловкими движениями что-то вырисовывал.

- Ну как-то так, - эту фразу я слышал на протяжении многих лет и уже по его интонации мог понять каков был исход работы художника. Когда работа не удавалась он, немного покусывая карандаш.

- Мда...право нужна другая перспектива...Хотя, если позволите, я добавлю пару деталей»-, после чего принимался продолжать работу. Естественно, парой деталей он не ограничивался и тут же принимался перерисовывать свое загубленное творение заново.

- Вот, посмотри.

Он протянул ей рисунок. Мы с девушкой тут же уставились на это странное произведение искусства. Черный прямоугольник. Несколько линий и квадрат в углу. Должно быть, он долго думал над тем, что же здесь изобразить. Внимательно рассмотрев «шедевр», я сначала перевел взгляд на девушку, которую прежде не видел. Темные волосы завязаны в тугой хвост, под глазами небольшие мешки, демонстрирующие всем ее легкое недосыпание. С ними, а также с пустоватыми карими

глазами, она выглядела слегка печально. Наверное, поэтому Зельцин вдруг решил, что сможет поднять ей настроение своей заумной беседой.

- Нет, ну а что такого?

- Действительно! - ответил я, в шутку скопировав его интонацию.

Был уже почти ноябрь. Сентябрьские дожди постепенно прошли, смыв с улиц, типичную для сезона, легкую жару. Что-то светлое, оставшееся с лета вдруг ушло, заставив нас всех застегнуть куртки до горла и оставить привычку засыпать с открытым окном.

- «Бубновый валет» - это великая вещь...как-никак! — продолжил он, прервав мои размышления.

Как обычно мои занятия в пятницу заканчивались около двенадцати — никто из нашей группы не знал почему так рано, хоть и терялся в догадках. Возможно, это была прихоть чудаковатого профессора, который вел у нас основные предметы. Либо же таков был порядок обучения на втором курсе. Так или иначе, отведенного времени мне хватало, чтобы спуститься через несколько пролетов и встретить Зельцина возле корпуса факультета. Выкрашенное в белый, здание по своему напоминало античный храм. С его чудаковатыми колоннами и некой мрачностью тех времен.

Выйдя на главную дорогу, мимо остановки троллейбуса №10, мы постепенно огибали центральный универмаг и доходили до пустынной аллеи – там, где располагались фонтаны, а каштаны, особо красивые в это время года, придавали всему, атмосферу ранней осени. По обе стороны от мощеной дороги виднелись лавочки. Уже потрепанное дерево в капельках дождя, все же не смущало всех тех, кто приходил сюда. Бывало это были мужчины за 40 – видные деятели партии. Рубашки, пиджаки – по сути они выглядели так же, как и мы. Партийные значки поблескивали в лучах солнца, в то время как ненавязчивых шахматистов тут же окружала толпа интересующихся людей. Чем дольше они играли, тем больше становилась толпа вокруг них. Хотя, по правде говоря, я и не умел играть в шахматы. По крайней мере так, как Игорь или Зельцын.

- Партия проиграна, - тут же сказал он, едва заглянув за плечо одного из зевак.

- С чего ты взял? - я мало разбирался в шахматах. Но глядя на доску, мог лишь видеть, как противники выдвигают фигуры, постепенно, шаг за шагом заполняя собой доску. Им было около семидесяти. Морщинистые пальцы касались фигуры, и делали очередной ход, вертя ее на поле. Будто бы сомневаясь. Я наблюдал за этим несколько минут, ожидая ответа от Зельцына, который тем временем докуривал очередную самокрутку.

- Какая цель шахмат?

Ну вот. Очередной вопрос, которым он начнет докучать мне, в этой его привычной манере. Нас всегда веселила его наигранная эрудиция. То умение, с которым Сеня принимался окучивать девушек, или же преподавателей. Но, когда художник обращал свое умение на нас - это превращалось в пытку. Тем не менее, я начал думать над его вопросом, выбирая наиболее рациональный ответ.

- Посмотри на те четыре поля. - сказал он и чуть отошел. Присутствующие не обращали на нас внимания, в то время как здоровяк тщательно пытался объяснить мне сакральный смысл игры в шахматы. Его лицо в который раз осветилась дурацкой улыбкой, а правая бровь, слегка приподнялась.

- Смысл в том... - театральная пауза... - чтобы занять те четыре поля... - продолжил он указывая мне на D4, D5, E4, E5.

- Тот, кто правильно расставит фигуры – победил.

Было в его словах что-то фатальное, что заставило меня оторвать взгляд от шахматной доски и уставить его куда-то вдаль. Хотя Зельцын похоже не ощущал неловкости от только что высказанной «порции мудрости».

- Слушай, у тебя бумаги не найдется?

- А? Что? -

- Бумага, дорогой. - сказал он, скорчив рожу. Мои мысли в этот момент занимала шахматная доска, на которой разворачивалась целая баталия. Трудно было представить, что

вся «битва велась» лишь за четыре поля, расположившихся в центре доски.

Порывшись в портфеле, я с присущей небрежностью протянул ему записную книжку. Ее мне вручил Игорь на прошлый день рождения. Но несмотря на прошедший год, книжка все же не кончилась. Бывало я вскакивал посреди ночи – когда свет уже был выключен, а на улице был слышен лишь легкий шум, издаваемый гравием. В эти дни я принимался записывать туда брошенные в голове мысли, случайные словосочетания из которых потом складывались целые трактаты, «ломаной» поэзии. Зельцына мои размышления похоже совсем не волновали. Чуть отойдя в сторонку от общей толпы, художник принялся за очередную свою зарисовку. В то время как я был лишь невольным наблюдателем для этой картины. Пару минут постояв на одном месте, он чуть отошел – выйдя на травянистую трассу, позади игроков в шахматы, где присев, он принялся с серьезным видом выводить пропорции игроков. Помню, как он только вернулся из армии. Кажется это было пол года назад. Мы с Игорем тогда только-только заканчивали первый курс. Игорь – в консерватории. А я – на фил.факе. Отслужив положенные ему два года, Зельцын тут же вернулся домой и продолжил работу как представитель союза художников СССР. Работа была ему в радость. А я был рад время от времени сопровождать художника по его делам.

- Вчера мы разрисовывали корпус вашего иняза. Ну там и чувихи, однако. - я переглянулся посмотреть, не услышал ли кто его фразу.

- Сеня, ты бы еще громче сказал!

- Мир и любовь...мир и любовь...

Сам он не слишком вдавался в эти подробности, а сейчас и вовсе пересказывал их со смехом, будто бы это был какой-то анекдот.

-...было это еще до того, как я ушел в армию. Я тогда еще не знал толком что такое эти «хиппи». Знал только, что это чуваки, бомжеватого вида. Да и видел их периодически. Ребята, с чем-то рваным, бывало ходили туда-сюда. Но самый отличительный знак был – это как они пили пиво. - сказал он и тут же схватил бутылку показать. Зельцын приставил бутылку к щеке и вытянул губы в сторону начав пить из нее. Конечно же, у него ничего не вышло. Но мы, глядя на этот спектакль, всегда смеялись.

- Ну что, мой друг, я закончил! - тут же прервал он мои размышления. Сфокусировав взгляд, я внимательно вгляделся на получившийся эскиз. В то время как в голове неизбежно проскочила мысль – неужели я отсутствовал так долго? За несколько минут Зельцын успел буквально оживить сидящих перед нами персонажей, запечатлев их на бумаге. Толпа постепенно рассасывалась. Люди шли по своим обычным делам, растворяясь в потоке случайных прохожих. Однако на его рисунке все было в точности, как в тот самый момент, когда мы подошли. Разве что четыре поля, размещенных в центре уже не были так заняты. А тяжелая баталия между двумя стариками забрала жизни многих их воинов. В расход пошли

пешки, кони, несколько ладей, а также один ферзь. Подержав рисунок в руках, я тут же перевел взгляд на двух стариков, которых как казалось окружающим – не интересовало ничего кроме шахмат, после чего старался найти сходство с рисунком Сени. Грубые линии, которыми он отчертил контуры фигур, очков. Безусловно он был хорошим художником, обрисовав все в деталях на этом буквальном «клочке бумаги».

Я не мог сказать, что круг его общения состоял из некой богемы. Скорее все было совсем по-другому. Сеня общался с несколькими ребятами из «Дома Художников», которые там и жили, а также периодически выставлял картины в местной галерее, в которую временами заходили как любители живописи, так и частные коллекционеры.

- ...вот даже взять художников. Мне на прошлой неделе один знакомый – Петренко, рассказал кто торгует приличными джинсами.

- И кто? - тут же спросил Игорь.

- Да не знаю...вроде бы какой-то парень. Петренко что-то о нем рассказывал, я слушал вполуха. Ездит в ГДР...где-то там это достает.» - «товарищ Петренко», как Сеня его называл, был как раз и правителем «Дома Художников», а также героем всех его частых историй. Мы с ним даже как-то раз встречались – достаточно милый парень. Хотя парнем его было сложно назвать, скорее мужчина под сорок. Очки от солнца, которыми он старательно скрывал свои глаза, помогали художнику скрывать свой возраст, в то время как достаточно

узкие джинсы, на которые все смотрели с неким недоверием, делали из него настоящего, что ни есть «хиппаря». Я не сомневался, что «товарищ Петренко» кем бы он ни был, в прошлом не раз становился мишенью обыска от следователей из КГБ и явно знал больше, чем рассказывал. Равно, как и Сеня, который общался в этой тусовке.

- Ну, Сеня, Германия – большая страна.

- ГДР, Игорь, ГДР... - сказал он, тут же поправив его. Затем, хлопнув себя по коленям, сказал обращаясь ко мне:

- Слушай, у тебя тут нет нигде акварельки?

- Посмотри в ящике стола. - Несмотря на то, что Зельцын сидел на этом столе, он тут же подчинился моему приказу и увидев содержимое ящика, довольно прокомментировал:

- Ух ты...футы-нуты. - филолога внутри меня тут же передернуло.

- Сеня, по-русски пожалуйста.

- А...Да нормальные краски! Ты похоже и не слишком ими рисовал, правда? - довольный, Сеня, прищурившись принялся рассматривать маленькие «коробочки» с цветами, внутри футляра.

Любви к живописи, у меня в прочем никогда и не было. Хотя, глядя на Зельцына, который деловито бегал по квартире – налить воды, разложить краски у меня на столе, я сомневался в том, что этот субъект до конца осознает существование людей,

которым чуждо искусство, в отличие от этого «признанного всеми» художника. Однако что-то нас с ним роднило. Может то, что у нас обоих не было отцов? Либо же просто банальная детская дружба, которая выросла между нами за много лет.

- Блокнот, пожалуйста?

- Что ты собираешься делать? - тут же спросил Игорь.

- Мы с Сашей стали свидетелем отличной сцены. Хочу добавить в эскиз немного красок...Ребята, пока поставьте мне какую-нибудь пластинку.

Тут мы с Игорем улыбнулись. Уже неделю как он одолжил мне альбом «Пистолз» - тот самый, который мы купили у Федора, спустив на нее все деньги.

С тех самых пор, мы полюбили эту пластинку. Вынув черный виниловый диск из конверта, я тут же устремил иглу к басовой канавке. Как только она стала на нее, мы услышали легкий треск, после чего прозвучала первая песня альбома – «Holidays in The Sun». «Пистолз» будто родили во мне новое чувство. Ранее неиспытанное. Лишь мелькавшее как мимолетная любовь к девушкам, которых я видел скользящими на одном из этажей факультета или прогуливающимися в одиночестве, но так и не решился подойти. Я чувствовал, что как только музыка начинает играть, в животе возникало новое чувство, которое с мощным потоком крови поднималось к голове. Будто эдакий диковинный наркотик, опьяняя и вводя в экстаз. Сене похоже было все равно – как всегда, толстяка, усевшегося на табуретку,

интересовал лишь его рисунок. Скинув пиджак прямо на пол, он закатал рукава рубашки и с неподдельным интересом к двум шахматистам, принялся оживлять его с помощью красок. То ли дело, Игорь отвлекал его от работы, задавая адекватные, по его мнению вопросы и дурацкие по мнению Сени. И тем самым безуспешно пытался вывести художника из себя.

- Сения, а зачем так много воды? - ответа не последовало. Посмотрев на меня, сквозь свои уже немного изношенные очки, Игорь тут же повторил вопрос «Сения...». Прошло около минуты, а группа уже доиграла одну из своих песен, когда здоровяк наконец ответил.

- Акварель любит воду, Игорь.

Мне казалось он слишком выделил его имя в конце, буквально подчеркнув его. Тем не менее таким образом он тактично продемонстрировал, что интересуется его лишь мой блокнот и акварельная краска.

- Слушай, сделай лучше погромче. И хватит задавать мне вопросы. - сказал он, после чего Игорь как по команде повернул одну из ручек на стареньком усилителе, тут же придав мощности звуку.

- Что вообще играет? - тут же подал он еще один признак жизни.

- Сения, это же «Пистолз», мы тебе сто раз говорили.

- «Пистолз»?

- Ну да, посмотри на обложку.» - с этими словами я протянул ему обложку пластинки, которую сжимал в руках все это время. Сеня нервно отбросил кисточку, отложив ее на пластиковую крышку. Перепачканный и хранящий следы моих экспериментов с цветами, еще со школьных лет, он был весь покрыт расплывчатыми пятнами акварели, придававшими этому простоватому предмету еще больше уникальности.. Повернувшись ко мне, он вгляделся в желтую обложку, которую я ему протягивал.

- Ребята, слушайте, у кого вы купили ее?

- Я не понимаю, к чему этот вопрос?

- Вы же знаете, что они запрещены у нас? - продолжил он с более серьезным видом. Мы с Игорем переглянулись. Кажется, он, как и я пытался понять к чему здоровяк клонит, но видимо его тонкий намек был чересчур сложен для нас. Как картины Малевича, о которых он твердил без конца.

- За эту пластинку... - громко начал он. Затем выхватил у меня из рук желтый конверт и сказал - ...вас запросто могут посадить.

- Сеня, ну у нас страна такая! Тебя и за ношение джинсов могут взять!

- Нет, ребята, я вам серьезно говорю. - продолжил он, но уже с более выразительной интонацией. По лицу художника было понятно, что он и вправду взволнован, в то время как мы

воспринимали эту ситуацию настолько серьезно, насколько могли. По крайней мере пытались.

- Выключи, блин! - тут же сказал он, повернувшись к Игорю. Несколько секунд мы оба смотрели на пластинку, которая все еще играла. До конца первой стороны оставалось всего пара песен. Тут наш общий знакомый, подчинившись воле художника, все же привстал и выключил пластинку.

- Ребята, вы меня знаете. Я не хочу, чтобы вас посадили. - сказал Зельцын, подчеркнув последнее.

- А теперь поставьте мне Чайковского и продолжим нашу беседу...

- Сеня, объясни мне одно, - сказал я, в который раз прерывая художника. В руках у меня уже красовался «Детский альбом». Который моя мать периодически любила слушать. Спокойные нотки композитора явно успокаивали ее, на это видимо и рассчитывал Зельцын.

- Да?

- На улице тысячи пластов. Куча всякого древнего рока «на костях», который валяется даже у тебя дома...

- ...с тех времен как я учился в школе...

- Объясни мне, почему именно за эту пластинку нас могут посадить?

Вопрос как ни странно рассмешил его.

- Сеня, мне кстати тоже интересно. Объясни... - продолжил мою идею Игорь. Но художника похоже серьезно развеселил наш вопрос, даже слишком. Несколько минут ему хватило чтобы собраться, после чего он обернулся и краснеющим лицом сказал:

- Да потому что это панк!

- Ну я не знаю, что здесь еще можно придумать...

Игорь еще раз отвел взгляд от могильной плиты с именем «Айзек Гершман. Профессор.»

- Фу!

- Что такое?

- Не знаю, как-то это неправильно находится здесь.

- Ну...тебе ни привыкать...ты же здесь работаешь.

- Мда..

Он скорчи недовольную мину. Было уже почти девять. Мы с Игорем шли с кладбища, где он работал. Множество лиц ежесекундно мелькали перед взором, стоило лишь отвести его от ботинок и опавших на тропинку листьев. Запланированные похороны еще не закончились, но он уже спешил убраться из этого места, ровно, как и я. Энергетика этого места в совокупности с его антуражем угнетала меня – странные

ощущения, вызывающие беспокойство, стоило лишь задуматься о том, сколько людей было похоронено на этом кладбище. Сойдя с главной дорожки, мы устремились по мелкой тропинке – так было проще всего выйти к проезжей части. Казалось бы, там расположился город.

До сих пор не знаю, как он находил работу на кладбищах, но так или иначе такая халтура ему подворачивалась. «Халтурой» он сам называл свои периодические походы на кладбища, явно пытаясь подчеркнуть этим что ничего сложного в этой работе для него самого нет.

- Да на самом деле ничего сложного. На первом курсе нас всех «гоняли» по стандартным вещам, вроде Марша Мендельсона. Или траурного марша Чайковского.

Я не знал, как проходила его работа и особо не интересовался. Родители Игоря тоже поначалу не были в курсе, пока одна из сестер его матери не увидела его на очередных похоронах. В семье Потемкиных были достаточно натянутые отношения. Во всяком случае, если у меня с матерью существовала некая субординация, то у Игоря в семье все вели себя более чем отстраненно. Я с детства знал его мать и отца и уже успел хорошо познакомиться как с их характерами и чертами, так и с внутрисемейными отношениями. Мать не очень общалась с ее сестрами, откровенно говоря, они ненавидели друг друга. Поэтому каждая их встреча, будь то встреча в магазине или на кладбище с Игорем, служила поводом для неожиданных звонков.

- Я не особо вникаю, что у них там...Мать не любит своих сестер, как ты знаешь.

Для Игоря, который отчаянно не хотел искать подработку где-то еще, это был один из немногих шансов заработать. Он выступал на различных свадьбах со знакомыми-музыкантами, либо же с отцом, который к тому же являлся частым гостем на подобных мероприятиях. И хоть я уже успел изучить их семью достаточно хорошо, все же не мог похвастаться тем, что знал отца друга хорошо – наши нечастые встречи откладывались в памяти приятным впечатлением от общения. Тем не менее, я хорошо помнил, что он был дирижером, и не последним в своем деле. Пару раз мы с Игорем проходили на различные концерты, которыми он управлял – взмахивая туда-сюда тонкой палочкой, этот человек неизбежно заставлял всех слушателей почувствовать музыку, такой, какой она была, со всеми ее вибрациями и неровностями.

Несмотря на нечастую работу на свадьбах, Игорю все же приходилось подрабатывать на похоронах. С началом войны в Афганистане, кладбище разрослось в значительной мере. Повсюду я наталкивался на могилы с лицами молодых парней, или же других людей, смотрящих на меня в форме. Никто из наших знакомых не имел отношения к участию в конфликте – Сеня уже давно отслужил, и в достаточной мере обсыпал нас множеством рассказов о том, как же проходила его служба в армии. Хотя, судя по его рассказам – Зельцын вообще мало что там делал. Служа возле кухни, он к тому же умудрялся при любой возможности бегать к повару за добавкой борща, а сам

тем временем, проводил большую часть своей службы, рисуя карты местности в части. Что он в целом хорошо умел делать. Смотря на все это, великое множество лиц, взгляд которых был устремлен на меня, я вдруг задумался – у каждого из этих ребят было что терять. Возможно близкие, любимая девушка, или банальная идея патриотизма, которая жила в нас всех, сияя образом очередного Секретаря ЦК КПСС, который занимал эту должность. Я думал об Игоре, который приходил сюда и играл похоронный марш, пока в могилу опускали свежую «коробку», прибывшую под грифом «Груз 200». Хотя впоследствии все же решил не забивать голову подобными мыслями и развеять находящую на сознание меланхолию расспросами друга о его сегодняшнем заработке.

- Так сколько ты заработал? - внезапно прервал я молчание. Он к тому моменту уже успел выйти на дорожку, петляющую по холму и благополучно ждал меня. Кладбище находилось на приличном отшибе, тем не менее сюда можно было доехать за пятнадцать минут, сев на первый встречный троллейбус.

- Около десяти рублей.

- Прилично!

- Да, нужно как-то отбивать деньги, которые мы потратили на пластинку.

- Как тебе то, что сказал Сеня? - после нашей беседы мы так и не обсудили, что будем делать дальше. А попрощались холодно. Впрочем, Сеня периодически впадал в депрессивное

состояние. Мы списывали это на отсутствие сил после работы. Временами он занимался оформлением различного рода мест, включая наш университет. Членство в Союзе художников давало ему многое. Но и отнимал, безусловно, тоже.

- Не знаю, давай подумаем хорошо.

Где-то вверху пролетел самолет. Хотя это было на высоте нескольких тысяч метров, казалось мы отчетливо могли слышать гул двигателя и заторможенность пассажиров.

- Знаешь... - продолжил я беседу. - Моя бабуля ведь живет здесь недалеко. Помню в детстве, когда кто-то видел пролетающий над домами самолет, любой стоящий на улице ребенок мог закричать на всю улицу «самолет», а все остальные сразу же вылетали из домов и задрав голову принимались смотреть вверх. Каждый хотел увидеть самолет... Вот мы стоим здесь сейчас. А никого нет. - Игорь рассмеялся.

- Ну почему никого. А они? - сказал он кивнув на нескольких женщин, облокотившихся на мраморные постаменты. У них в руках было по паре связок цветов. Раньше я не обратил на них внимание, но тут Игорь заставил меня отвлечься, переключив мысли на них. Слегка цыганская внешность. Должно быть они жили неподалеку. Эта часть города, граничащая с шахтами, была совсем пустынной — множество терриконов, разбросанных то тут, то там. А также частные дома, в одном из которых жила моя бабушка. Мы не виделись уже много лет, а мать не общалась с ней, как собственно и я. В детстве мне казалось это странным. Ведь я помнил, как хорошо они

общались, как бабушка присылала мне милые письма с нарисованными в них цыплятами – знак того что их несушка успешно сделала свое дело и обзавелась новым потомством. А также короткой надписью: «А теперь внучек, посчитай сколько всего вылупилось цыплят.»- казалось что она любила меня, но тем не менее вот уже пять лет я не видел ее. Я знал, что живет она все там же, работает во все той же старенькой, будто бы революционной школе. В которой по ее рассказам, когда-то располагались конюшни красногвардейцев.

- Мне все равно нужно вернуться в консу. Может поехали со мной? Там и подумаем.

Потом добавил:

- Ты же вроде ходил в музыкальную школу..?-

- Да, ходил...как-то в детстве.

- Помню ты рассказывал. Так почему бросил?

- Да...по времени не особо и выходило. - поспешно бросил я. После чего добавил:

- Так куда мы едем?

- Слушай, нам нужно сойти на площади. Это через три остановки. - Я и не заметил, как мы проехали большую часть пути. Консерватория располагалась в дальней части города, фактически возле промзоны. В которой,помимо всего прочего, стоял массивный завод.

- Ну и?

- Вообще до того, как ты позвонил, у меня не было особых планов. Я собирался порепетировать. В любом случае ты можешь просто составить компанию.

Ведя меня за собой, так же, как и на кладбище, Игорь провел через центральный холл Консерватории. Маленькое помещение с расписанными стенами. Лишь бросив взгляд на них, я тут же отчетливо представил то, что здесь обязательно должен был приложить руку Зельцын. Который по собственному утверждению «оформил пол города», что в целом не было преувеличением. Маленький холл, несколько зеркал. И консьержка, что-то внимательно читала. В воскресенье здесь никого не должно было бы быть. Но на лестнице тут же показалось несколько человек с футлярами нестандартных размеров. Поздоровавшись с Игорем, они молча прошли к выходу.

- Идешь? - тут же сказал он.

- Да, да.

Поднявшись на второй этаж, мы тут же свернули налево по длинному коридору. Множество выкрашенных в белый, самых обычных дверей, явно выделялись из того антуража, который создавал первый этаж заведения. Дощатый пол был уже как следует потрепан и изношен. Словно толпа музыкантов в один момент протащила по нему не одну тонну инструментов. Я шел медленно, в то время как Игорь как будто торопился куда-

то. Завернув за угол в конце коридора, до меня начали доноситься какие-то едва различимые звуки.

- Это ваш оркестр?

- Ну... что-то вроде.. - ответил он, улыбаясь во все зубы.

Приоткрыв дверь, мы оказались в просторной аудитории. Пройдя вперед, мой спутник подошел к единственному стоящему в аудитории столу и тут же уселся на него. В угловой части комнаты располагался старенький рояль – слегка потертый, исписанный множеством вырезанных на нем надписей и с заметно постаревшим деревом. Его явно нигде не выставляли. Должно быть он провел большую часть своей жизни стоя здесь. Тем не менее крышка его была приподнята, через нее можно было увидеть тщательно налаженный механизм. А на подставке для нот красовалась серая папка, из которой выглядывали вручную написанные ноты. Переведя взгляд с рояля, я увидел того, кто издавал эти самые звуки. Хотя казалось, что мы меньше всего интересовали парня:

- Олег Олегович, это вы?

- Нет, Лева. Это я. - громко сказал Игорь. Казалось комната, несмотря на свой потрепанный вид, создавала шикарную акустику, будто невидимое зеркало – увеличивая объемы в несколько раз. Здание консерватории было старым и не один год служило складом для различных вещей. В другом углу комнаты, примыкая к окну, я увидел множество сваленных в кучу шопитров, будь-то побросанных в спешке. Как новых, так

и сломанных. А склад из стульев стоявших друг на друге, буквально заходил на крышку рояля. Данная комната, со всеми потертостями на обоях и массивным шкафом прямо на входе, определенно, не могла служить местом для репетиций оркестра. Тем не менее она им была.

- А, привет! - тут же сказал он. Барабанщик был низенького роста, и нагнувшись, что-то старательно изучал в самом низу своей установки.

- Чего ты там забыл, ноты ищешь?

- Да, нет! Педаль скрипит. Никак не могу подправить звук.

- Смажь маслом. - вмешался я.

Он тут же прекратил свои копошения и выпрямившись, помахивая отверткой, вдруг выдал:

- Ага, неплохая идея! Спасибо!» - затем добавил, обращаясь к моему другу:

- Игорь, посмотри в столе. Оно где-то должно быть.

Мой спутник тут же слез со стола и аккуратно принялся осматривать ящики, слегка выдвигая их, будто бы боясь потревожить кого-то внутри стола.

- Оно должно быть где-то там. В пакете. - добавил барабанщик.

Выглядел он весьма обыденно, не выделяясь объемами Зельцына или же простоватыми очками Игоря. Вязаный свитер доходил ему до горла, а коротко подстриженные волосы

создавали ощущение, что парень уже несколько месяцев как вернулся из армии. По-видимому, они не были близкими друзьями, но знали друг друга по участию в оркестре и общим парам.

- Слушай, но тут какой-то пакет. Посмотришь?

- Давай. - сказал он, после чего Игорь легким броском кинул ему бумажный сверток. Минуту, другую барабанщик все же возился с ним, распаковывая и извлекая содержимое.

- Спасибо! То, что нужно! - сказал он, доставая маленькую «пипетку», для масла. Напоминала она обрезанный круг. Металлическое основание уже было потрепанным – как видно, она долго пролежала у кого-то в гараже или возле швейной машины, перед тем как попасть сюда. Наклонив ее к ладони, он прислонил один из пальцев к длинному пластиковому носику, проверяя наличие жидкости внутри приспособления.

- Ну как?

- Все хорошо! - радостно сказал барабанщик, давая Игорю масло, с просьбой вернуть жестянку на место. Затем добавил:

- Не знаю кто твой друг, но спасибо!

- Саша. Без проблем!

- Я – Лева! Прости, пожал бы тебе руку, да я сейчас весь в масле.

- сказал он, вытягивая вперед, покрытые маслом кисти.

Игорь, бросив взгляд на футляр для кларнета, затем на меня добавил:

- Слушай, я позанимаюсь пару часов и пойдем. Если хочешь – можешь меня не ждать. Здесь в принципе делать нечего.

- Все нормально.

- Так что тут ? - слышал я от него. Игорь продолжал осматривать несколько футляров пока не дошел до продолговатого.

- Ого! Круто! Бас-гитара!

Открыв футляр, он внимательно осматривал гитару, лежащую там. Она напоминала привычную для многих электрогитару. Я часто видел подобные на обложках различных пластинок, которые скрупулезно изучал. Нельзя было сказать, что она была уж слишком старой. Но по-видимому, гитара провела достаточно времени замотанной в простынь, в каком-нибудь ДК. Основание ее уже успело немного потрескаться – особенно в том месте, где краска, переходя от темных оттенков, а более светлым. А одна из частей – будто бы вовсе отсутствовала – там, где основание постепенно расширилось, приобретая полукруглые черты – была эдакая «выедена» - словно изготовитель, оставшийся недовольный результатом работы, взял и спилил этот кусок. Там, где начиналась белая основа ее корпуса, виднелись несколько рычажков – здесь она уже больше напоминала то, что все мы привыкли видеть на обрывках газет или еще чем-то таком. Гриф ее был достаточно

длинным и в значительной степени отличал ее от привычных всем гитар. Но все же, похоже кто-то ухаживал за ней – инструмент выглядел достаточно хорошо, с новым ремешком, который выглядывал из-за ее основания.

- Я не буду отсюда убирать. Пусть полежит здесь. Все равно думаю ты много места не займешь.

Взяв несколько маленьких футляров, напичканных различными флейтами и тому подобным, он в спешке переложил их на стол, совсем забыв закрыть крышку футляра найденной гитары. А я так и остался стоять, осматривая инструмент.

- Ты садись. Это надолго. - Тут же сказал барабанщик, обращаясь ко мне. Судя по всему, он же устал отбивать ритмы и бить по тарелкам, и с интересом начал наблюдать за нами. Взяв один из стульев, я поставил его в нескольких сантиметрах от ударной установки. Чехол с гитарой лежал раскрытый, так что протянув руку, я смог продолжить ее осматривать, но уже сам. Игорь тем временем уже собрал свой инструмент и что-то увлеченно наигрывал, пока мы оба слушали его. Легкие проигрыши и мотивы, которые долетали до нас напоминали мне песню The Doors, которую мы раньше любили слушать – «Riders on the Storm». Не знаю почему, она всегда нагоняла на меня легкую меланхолию. Тем не менее, его игра звучала совершенно аутентично. Ноты были более легкими. Лева норовил сыграть с ним в паре, но как только он вступал, громко ударяя по тарелкам, кларнетист тут же переставал играть и начинал метать молнии, сквозь свои очки. Положив руку на

основание баса, я прошелся пальцами по уже потрескавшемуся от времени корпусу и начал перебирать ноты. Делал я это легко, почти не слышно, боясь отвлечь Игоря от мелодии, которую он старательно репетировал.

- Игорь, посмотри, может язычок сполз. - сказал ему барабанщик. Мой друг тут же перестал играть и принялся осматривать кларнет, на предмет сползшего язычка. Никаких отличительных черт он явно не давал. Хотя внимательно, оглядев металлические «тиски», которые прижимали деревянный язычок к основанию кларнета, он все же смог выдать что-то вроде:

- Похоже на то...

Лева тут же наклонился ко мне и принялся рассказывать историю из жизни оркестра:

- ...дело в общем было на прошлой репетиции. Перед этим все побегали — дирижер заставил нас сидеть здесь до ночи, отрабатывать один из кусков. Пару секунд, а мы возились часа... Три?

- Да, где-то так...

- Ну в итоге все пришли на репетицию. Ноты все побросали. Пианистка наша еще психанула и чуть не сломала пиюпитр. Вот он валяется. - сказал он, указав мне на один из сваленных в куче. «В итоге, в следующий раз приходим. Отыгрываем тот же кусок. Дирижер останавливает всех, подходит к кларнетам и заставляет каждого проиграть отдельный кусок. Ясное дело,

что кто-то не попадает...В итоге очередь доходит до Игоря...Он тянул ноту, наверное, минуты три.» - в этот момент Лева разразился невиданным смехом, и со слезами на глазах продолжил рассказ. «Никогда не видел его таким! Все лицо красное. Смотрит на Олеговича из-под лба. В итоге последний берет ноты и «Ой, это партия гобоя!» - сказал он и покраснел от смеха.

Я не особо понял смысл данной шутки. В те редкие моменты детства, когда мы с матерью приходили домой к бабушке я часто сидел у нее в комнате, перебирая струны старой гитары. Она была учительницей и часто использовала ее на уроках. Я то ли дело проявлял нескрываемый интерес. К этому предмету, правда никогда не решался взять в руки. Пока она не сказала мне: «Слушай, не хочешь – пробуй.» - она и показала мне те аккорды, которые я сейчас пытаюсь наигрывать, одной рукой теребя ноты гитары. Хотя, все же эта гитара была немного другой. Четыре толстые струны, длинный гриф. Безусловно это было что-то новое и необычное. Закончив смеяться, Лева вдруг посмотрел на меня.

- Умеешь играть?

Сказал он кивая на мою левую руку, которая легко, почти безумно дергала за струны.

- Немного умею. Но на обычной гитаре.

- Да, это бас-гитара.

Кажется, Игорь, как и Лева до нашего прихода был сосредоточен своим инструментом и совсем не замечал нашего разговора.

- Если хочешь – возьми и попробуй. Она здесь давно лежит – никто особо не играет на ней.

Не знаю почему, но в какой-то степени его слова смотивировали меня. Игорь, только-что закончивший поправлять язычок, теперь остановился и с интересом продолжил наблюдать за нами. Взяв гитару с двух сторон – за основание и за тяжелый гриф, я вытащил ее из футляра.

- Так, теперь возьми ремешок и просунь туда голову.

Я послушно продел ремешок через голову, взяв гриф гитары в левую руку. Она была не слишком тяжелой. Туго затянутый ремешок поднял ее немного выше моего пояса.

- Ты знаешь аккорды?

- Я знаю несколько, но не особо.

«Игорь. Давай научим его?» - в отличие от прежнего раздражения, Игорь тут же повеселел с готовностью отложить кларнет.

- 2017 -

- Ева! Ну сколько можно тебя ждать?

- Иду-иду! – ответила она Мике, уже в который раз звонившей в домофон девушки.

Достав из-под кровати свою типичную походную сумку, девушка тут же сложила в нее несколько привычных вещичек. Первой в сумку полетела уже потрепанная карта Берлина. Ева прожила в этом городе достаточно долго, но как всегда полагала – его она никогда не узнает в полной мере. Так или иначе, она брала в привычку периодически покупать подобные безделушки. Это было своего рода манией – девушка постепенно изучала все уголки и закоулки города, знала про те места, о которых не пишут в других путеводителях.

- Так, нужно проверить карманы!»

Тут же сказала она сама себе и начала нащупывать вещи. В левом кармане – телефон. «Есть», в правом кошелёк «Ага» - тут же произнесла она. И хоть девушки и предпочитали сумки, Ева всегда считала это лишним багажом. Она не любила проявлять свою женственность и редко приходила на работу в платьях или на каблуках. Ее обычным гардеробом служили различные пиджаки и рубашки – то в чем она могла бы чувствовать себя удобно и представительно. Это было странно, наряжаться как парень – чаще всего так говорили о ней, стоило Еве показаться в куртке.

- Тебе бы пора сменить гардероб, дорогуша. На нас уже начинают люто смотреть. - отпучивалась Мике в ее адрес.

Уже несколько лет они были лучшими подругами. «Ну...по крайней мере одна из нас так считает.» - думала Ева. Нет, она конечно же любила Мике...по-своему. Но уже несколько лет она старалась свести свою социальную жизнь к работе: задерживалась допоздна, пока уборщица – Фрау Лоренц уж совсем не выставляла ее.

Домофон снова зазвонил, оторвав ее от размышлений в выборе одежды.

- Ну что тебе ?

- Евааа! – тут же начала Мике. – Отключай свою «капушу» и поехали! Нас уже все заждались! «Боже, ну ты и тварь!» - подумала она тут же. Мике любила ее торопить. Она можно сказать была ее стимулом в работе...да и в жизни вообще. Именно она порой знакомила подругу со множеством своих «друзей», описывая Еву как идеального спутника жизни для молодых немцев. Красивые, накаченные – они были все как на подбор. Но в последнее время Еве нужно было не это – а немного уединения. Наконец, она встала с корточек и закрыла нижнюю дверцу шкафа. Купленный в ИКЕЕ, он в достатке вмещал весь ее многочисленный гардероб. Хотя, в последнее время девушка начала делать много покупок. Именно по этой причине часть вещей пришлось переложить в нижнюю часть шкафа – та, которая обычно предназначается для обуви или зимних курток.

Белая, слегка выцветшая надпись «MARKY RAMONE'S BLIT'ZKRIEG», тут же растянулась на груди Евы, будто ярко горящий опознавательный знак. Кажется, футболке было уже несколько лет. Хотя, Ева и не считала себя фанаткой панка, но она отчетливо помнила где купила ее. Смутно припоминая название улицы, которое они с Мике называли таксисту пару лет назад. Она тут же вспомнила клуб «C-Club», где выступала группа. Был один из концертов, на который ее сподвигла Мике. Ева никогда не чувствовала особую любовь к панку, но смутно помнила свое детство и отца, с которым она не общалась вот уже пару лет. Тем не менее панк для нее, таким какой он был – закончился. Постепенно ушла и розоватая краска с волос, которые она и совсем перестала красить, следуя давней привычке юных лет. Панк – стал частью той ее стороны, которую она предпочла забыть, скрыв за хорошо накрашенным миловидным лицом и большими очками, которые она временами одевала на работу, давая глазам отдохнуть.

Квартира, которую Ева арендовала не была слишком уж большой: две комнаты, маленькая кухня с видом на Ораниенбургитрассе, придавала ей больше значимости. Квартира не была местом куда девушка любила водить друзей или немногочисленных любовников. Тем не менее периодически в ее жизни кто-то появлялся. Часто это были парни, которых она встречала на работе, либо же те немногие, с которыми ей все же удавалось познакомиться на различных вечеринках или презентациях книг. С последним парнем она разорвала отношения больше полугода назад. Это было

достаточно странно, как она всегда думала лежа поздно ночью в кровати и поглаживая любимого пса, лежал у другого конца кровати согревая ее. С тем парнем она познакомилась на презентации очередной книги издательства. Начитанный, умный, веселый, хозяин книжного магазина. Они быстро нашли общий язык. Ева даже позволила ему некоторые вольности, которые ранее не позволяла парням. Вроде секса на заднем сидении автомобиля. Или же знакомства с его родителями, которого она всегда старалась избегать.

- Ой...забей! - в конечном счете сказала Мике, затягиваясь очередной сигаретой «Dunhill».

Именно это она сказала и сделала, как только узнала о расставании с этим симпатичным швейцарцем. Хотя прошло уже полгода, Ева все же помнила те моменты близости, которые были между ней и парнем и по-своему тосковала по ним. Тем не менее, она не ощущала никакой тягости от расставания, по крайней мере такой, какую она чувствовала в период первых отношений и последующих. Зарывшись от всех в просторной квартирке, с видом на Шоссе, она то и делала, что работала в последние несколько месяцев, а также изредка выбиралась из дома, с целью сделать свое гнездышко немного уютнее. Частые вылазки на блошинные рынки города, помогали девушке скрашивать досуг и понемногу «захламлять» свою квартиру, как выражалась ее подруга.

Это было не более чем ее гнездышко, на которое она заработала сама. Конечно приходилось отдавать приличную долю зарплаты за ренту. Все в квартире дышало и пахло ею

самой. Начиная от дивана, найденный на помойке, и тщательно застеленный несколькими одеялами. Заканчивая полками с множеством книг – среди которых, несколько тех, которые ей когда-то купила мама. Большинство книг Ева все же получала от одной из соседок – «фрау Анна», так она ее называла. Они были похожи, вплоть до того, что Анна, как и она сама была русской, по большей части. Жила она одна, в своей квартирке четвертом этаже дома – как раз напротив нее. До какого-то момента, они лишь перебрасывалась фразами с дамой, пока та не позвала Еву к себе в гости на чаепитие и не дала стопку самых разных книг. Их Ева постепенно размещала в квартире, мало-по-малу читая и перечитывая. А идя на работу она брала какую-нибудь книгу из стопки и убивала те несколько минут, пока доезжала от своего дома, до Кройцберга, где находился главный офис издательства. Там она не была самым большим «боссом», как Мике, которая с присущей ей жесткостью руководила отделом рекламы. Тем не менее, ее знаний хватало о том, чтобы периодически выпускать различные путеводители по «андеграундному Берлину» и руководить работой нескольких авторов, в качестве редактора. Однако что-то в работе их издательства пугало ее. Суматоха и множество новых лиц могли выбить ее из колен. В то время как Мике лишь упивалась наслаждением при возможности показать свой пылкий характер.

- Да мне плевать кто он такой! Я скидок не делаю!

Подобные разговоры обычно доносились из стеклянного офиса девушки, заставляя всех присутствующих приковать

внимание к яркой персоне, нервно постукивающей каблуком в такт своих же криков. В свои «двадцать с хвостиком», Мике успела поработать на достаточном количестве рабочих мест, тем самым создав себе определенную ситуацию. Она не вела уж слишком разгульный образ жизни. Однако жизнь в Шарлоттенбург-Вильмерсдорфе, где у девушки была квартира, во многом соответствовала ей. Множество ярких кафе, освещенных улиц, на которые выходило ее жилище.

Все это в некотором роде теснило и привязывало Еву, вызывая желание тут же вернуться в свой уютный уголок. Она любила свою квартиру, даже больше, чем могло бы казаться. Ева не слишком то любила куда-то выбираться – дорога сильно изнуряла ее. Хотя, в прошлом году они все же выбрались в Лиссабон, когда наступил ее отпуск, но поездка выдалась довольно изнурительной для нее. В конечном счете, этот отпуск она планировала провести дома с очередной книгой и любимым питомцем. По крайней мере, этого хватало ей и малышу-лабрадору, который появился в жизни девушки несколько месяцев назад.

Она прислушалась - на улице слышались несколько недовольных звуков «Наверное Мике сигналит. Психичка!».

Тщательно зашнуровав свои уже как следует поношенные Dr.Martens , она склонилось над любимым питомцем и заглянула в его глаза. Немного грустные глаза посмотрели на девушку, встретившись взглядом с ее зеленоватыми глазами. Малышу было всего несколько месяцев, но выглядел он уже почти как взрослый. А сама Ева была только рада новому

питомцу. Будда не обременял ее, скорее делал жизнь ярче, становясь тем самым существом, любовь которого она чувствовала на себе. Его ярый, еще щенячий характер успокаивал ее, а мягкой поскуливание, слышимое дождливыми ночами давало ей повод заботиться о ком-то, кроме себя самой. Послышалась отчаянная тирада сигналов.

«Мике...нужно приучить ее вести себя по сдержанней...хотя, какой в этом смысл?»

- Не волнуйся, малыш. Я скоро вернусь.

Ева потрепала питомца по холке. Облокотившись о ее начищенные ботинки, пес, тоскливым взглядом проводил девушку, уже натянувшую сверху теплый, твидовый пиджак. В какой-то момент она думала остаться дома, забыв про сигнализирующую внизу Мике. Перспектива выйти из зоны комфорта пугала Еву больше чем все остальное. Это было некоторое испытание, которое ей предстояло пройти. «Я выдержу этот вечер» - хотя на самом деле, она понимала, что в перспективе провести с Мике пару часов ничего плохого не будет. Ей не нравилось общество, в котором приходилось прибывать. Множество людей толпящиеся в их таком привычном, но в то же время – таком «другом» офисе. «Напыщенные индюки» - так всегда говорила она, сама себе.

Провернув ключ в двери три раза, она по привычке одернула ручку, боясь что опять где-то запуталась. Ева не была параноидной, скорее это было банальное желание сделать все по правилам. «Хотя бы сейчас.» думала она.

- Ну что ты так долго, капуша?

«Снова не в духе» - подумала Ева, после чего ответила:

- У меня вечно проблемы с этим дурацким замком.»

- Ну так замени его. В чем проблема, дурочка?»

Мире облокотилась на кузов своего старенького «Volkswagen». Аромат раскуренной сигареты «Dunhill» стоял в воздухе.

«Отличная машина для такой девушки, как она, хоть и не всегда соответствовала ее темпераменту.» Ева всегда смотрела на Мике снизу-вверх. Ведь если она была тихой и спокойной, то Мике представляла собой ту ее половинку, о которой девушка неизбежно предпочла бы забыть. Несколько татуировок, видневшиеся на запястьях и в области шеи, сразу отпугивали от и без того воинственного Мика. Ее образ был слегка чудаковатый – приличного вида девушка, но со множеством «гакаканов в голове» - как она сама себе любила говорить.

- Ну так что, куда поедем?

Она знала, что Мике готовит ей какой-то сюрприз, но спросить не решалась.

- Все как обычно.

Мике была ее единственным другом в холодном Берлине. Она знала, что Еве необходимо изредка появляться на публике и регулярно выводила ее на различные вечеринки, устраиваемые их издательским домом. Презентации книг, открытия клубов и различные поэтические вечера, которые проходили в

различных кофейнях возле офиса издательства. Постепенно это все, как и сама Мике стали обыденностью для Евы. Однако в отличие от последней, Ева не была восторженной любительницей выпить и завести легкие отношения, которые неизбежно вели к быстрому исходу – быстрому, какой была и сама Мике. Эта схема, проработанная девушкой, вполне подходила для ее образа жизни: легкий секс, несколько свиданий и разрыв были верхом для двадцатидевятилетнего Мике, которая умудрялась вместиť несколько таких схем в неделю своей жизни. В то время как общение Еве давалось весьма непросто. Последний парень, с которым встречалась девушка, никак не мог понять ее. Хотя они и были чертовски похожи. Интеллигентный вид, всегда в чистых, наглаженных рубашках. Хотя, прошло уже полгода, так что она уже успела забыть имя парня...тем ни менее, Ева все же помнила ту теплоту отношений, которую она испытывала с ним, но несмотря на это, как любила повторять Мике: «Жизнь продолжается, мать ее!»

- Ну так как там у вас с тем парнем?»

- С каким? - возбужденно спросила Мике, выезжая на трассу. Ее взгляд иной раз перескакивал с дороги, усеянной машинами, на меланхоличное лицо подруги.

- Ты мне сама говорила, дурочка.

- А... - протянула она. И добавила:

- Лукас?

- Да, кажется он.

- Ничего особенного. Все как обычно..., впрочем, ты же меня знаешь.

«О, да, действительно.» - подумала Ева.

Отношения Мике, в ее глазах напоминали нескончаемые американские горки. На входе вам давали несколько блоков сигарет, алкогольные напитки. После чего Мике сладко обнималась с очередным для нее парнем. Ева всегда завидовала ее легкости в общении, хоть и сама когда то была такой.

Поглядев несколько минут на начищенные желтые «Мартенсы», Ева принялась строить планы на этот вечер. «Вечера», устраиваемые их руководством, отличались веселым времяпровождением – все веселились и общались между собой. По сути это было единственное место, где встречались все четыре этажа, занимаемые компанией в стеклянном небоскребе. Периодически руководители отделов, такие как Мике, сталкивались на собрании руководства, после чего принимались обсуждать положение дел на рынке, торговые контакты и все подобное. Мике не слишком распылялась о том, что там случалось. За исключением тех случаев, когда она пыталась вывести из себя одного или нескольких членов руководства компании.

Старые улочки ночного Берлина напоминали Еве, обжитый по-новому, клоповник. Эдакий микс стилей и направлений архитектуры время от времени проскакивал где-нибудь, будь-

то Берлинская телебашня, которая большим маяком возвышалась над этим урбанистическим пейзажем. Выстроенные СССР дома, по дизайну не превосходящие простую бутылку водки, шикарные районы с модными бутиками, или же «East Side Gallery» проскакивали мимо вас, будто ингредиенты еще одного выпитого где-то в баре коктейля. По крайней мере, так Ева видела этот город. А покинутая много лет назад квартира, вдруг обзавелась новыми владельцами, которые выкинув старые бабушкины ковры, тут же принялись обставлять квартиру сборной мебелью из «ИКЕА»...или же горами барахла, купленными на распродаже. Хотя, немцы явно не тяготели ко всему старому, в отличие от нее самой. Регулярные походы на блошинный рынок помогли девушке разнообразить свое жилье украсив его множеством безделушек. Старые ключи, прибитые на деревянной дощечке на входе, бабочки в стеклянной рамке. Несколько незамысловатых столиков, которые она расставила возле кровати, поместив туда большую часть книг фрау Анны – квартира была ее собственным Берлином, который отличался от того грязного города, каким она в свое время его запомнила. Мысли Ева не решалась высказывать Мике, бывшей коренной немкой. Хотя кажется, она и подозревала о русских корнях подруги, это не имело большого значения. Она родилась и выросла в Берлине, и всегда думала о нем как о месте где она и умрет. Пожалуй, это был главный плюс Мике, как подруги. Прямо там, в своей уютной квартире с шестью комнатами. « Наверное, меня найдут в луже собственной мочи...а может я передознусь...» - эти мысли всегда вызывали у Евы нервное подергивание. Впрочем, Мике всегда могла встретить

очередного парня, подобно ей самой, не воспользоваться контрацептивами и разродится парочкой детей. «Не слишком то и густо»

- Да ладно, тебе, отличный план. - Подначивала ее Ева, посмеиваясь над собственной фразой. Она знала, что вероятней всего Мике встретит свою смерть где-нибудь в деловой части клубов, среди множества яркого неона. Яркого, как и она сама.

Намного проще было представлять свою жизнь в виде диковинного голливудского фильма, где ее персонаж бы стал неким немецко-русским эквивалентом Бриджет Джонс, а комичные ситуации только скрашивали жизнь. Однако в отличие от Бриджит у нее не было нескольких любовников и запутанной любовной истории, которая 100% привела бы к какому-то мало-мальски положительному исходу. Большую часть времени Ева и в правду заставляла себя так думать.

- Черт! Это мой телефон! - ответила Мике, одной рукой доставая из сумки мобильник.

- Это какая-то новая песня.

- Да нет, все тоже –The Pixies...Да, дорогой! Мы почти подъезжаем... - она бросила еще один многозначительный взгляд на Еву. Сразу стало понятно - она разговаривает с главным редактором. Издательство, в котором работали девушки не было самым крупным в Германии, но имело

коммерческий успех, как одна из компаний подобного рода, существующих еще со времен республик.

- Им обязательно закатывать вечеринку каждую неделю?

- Ой, да брось, Ева! Ты итак не особо часто появляешься там.

- Ну...не надираться же мне каждую неделю...

- Ну так никто об этом и не говорит! Слушай, не будь занудой. Мы приедем, выпьем по коктейлю. А дальше уже будешь сама разбираться со всеми делами. Что ты там хочешь...или не хочешь. Я лично еду развлекаться, чего и тебе советую.

- У меня были планы на вечер...

- Ой! Знаю я твои планы. Погулять с собакой да почитать книжку...Все будет нормально, подруга.

«Возможно она права.» - подумала Ева. Подобные мероприятия вполне стали обыденностью для нее. Коллектив издательства был достаточно разношерстным: от дам в возрасте, которые занимались правкой текстов, до бородатых дизайнеров, с ног до головы покрытых татуировками. Ева же в свою очередь не занималась ничем подобным. По крайней мере до того момента, как полгода назад Петер –директор компании не позвал ее к себе. Достаточно милая беседа, чашка чая, сумели вызвать у нее хорошее расположение к стареющему немцу. Тем не менее, он все же хорошо знал девушку и понимал, что ей нужно. Поэтому предложил оставить прежнюю деятельность по работе с рекламными компаниями, в которой она

безуспешно умирjala пыл Мике и начать работать с авторами. Работа в целом была достаточно простая – ей нужно было общаться с авторами, давать им какие-то советы и все в таком духе. По сути она была для них другом. И Еву это конечно же волновало. Она не была широким автором, но после того как несколько лет назад опубликовала пару заметок о жизни Берлина, Петер пригласил ее работать в издательство. С тех пор, периодически она выпускала различные гиды для нескольких миллионов туристов, ежегодно посещавших столицу Германии, в которых давала различного рода советы. Например, в котором часу лучше идти на телебашню, чтобы попасть без очереди. Либо где стоит искать лучший кофе в городе. Все в таком духе. Однако, написание подобных туристических путеводителей не особо радовало ее в последнее время. В работе со своими авторами она нашла себя, как сама полагала. Это не было чем-то монументальным и, безусловно не поднимало ее авторитет, скорее она была просто рада тому, что может кому-то помочь, будь то один человек, купивший ее путеводитель на автобусной станции, или же целая куча туристов.

Через пару минут безуспешных попыток Мике выбраться из пробки, движение все же начало приостанавливаться. «Надо было поехать на метро.» тут же подумала девушка. Впереди стоящий автомобиль резко затормозил, заставив Мике, отвлечься от очередного телефонного разговора и резко нажать на тормоз.

- Куда прешь ?! - выкрикнула неугомонная немка, тут же высунув голову из кабины «Жука». Было понятно, что она хочет побыстрее попасть на вечеринку, освободившись от всех забот и оставшись в компании какого-нибудь качка из отдела рекламы.

- Полный беспредел на дорогах... - тут же продолжила она: Ну так вот...о чем это я...Черт! Связь сорвалась! Ладно, продолжим потом. - сказала она, бросив телефон на приборную панель. «НТС» начальника отдела рекламы выглядел достаточно потрепанным: разбитое стекло, а также множество наклеек облепивших заднюю часть корпуса явно не украшали его.

- Дорогуша, это моя племянница...

Сзади слышалось недовольное библиканье, на этот раз сигналили Мике.

-...Никак не могу содрать эту дрянь...ОЙ, ДА ЗАВАЛИ ХЛЕБАЛО!

Похоже Мике нервничала так как они задерживались, но Еву это мало волновало. Уткнувшись лицом в окно она меланхолично разглядывала стоящие рядом машины. Кто-то спешил на ужин, на свидание, в ресторан. Хотя, как только она начала раздумывать об участии всех этих людей движение вновь возобновилось.

Посмотрев на и без того вздернутую подругу, Ева решила сменить тему.

- Руководство опять напивается?

- Все, как всегда. Ты же знаешь. Хотя, для тебя это хорошая возможность познакомиться с кем-то...»

- Хм.. - протянула Ева. А после добавила:

- Домой, или в офис?

- Домой. - сухо ответила Мике.

Кажется, в этот момент движение интересовало ее больше, чем что-либо еще. Постепенно поток машин начал рассасываться, а Ева начала терять концентрацию, погружаясь все глубже в свои мысли.

Она четко представляла себя утро после субботнего торжества – хорошо обставленная двухэтажная квартира директора издательства – Петера Кошвица, расположенная на Моабите, среди множество баров и каналов. «Хотя...все-таки, там не так уж и плохо.» - отношения с Петером у Евы сложились сразу, как только они познакомились. Низенький, лысый, с приятными чертами лица и хорошим чувством юмора, он сразу же становился частью любой компании. «Интересно, он на самом деле поляк» - вдруг задумалась девушка.

Хотя на самом деле, этот фактор не имел никакого отношения к их взаимоотношениям с Петером. Он не был требовательным начальником. Наоборот, он прекрасно знал Еву, как человека, и давал ей советы, относительно ее работы. «Тебе нужно зацепить читателя! Так, как только ты можешь!» -

восхищенно повторял он. Они знали друг друга уже много лет, и Ева в свою очередь была обязана начальнику многим. Он помог ей, как никто другой, чем вызывал смущение у девушки, стоило им встретиться посреди офиса. Хотя, несмотря на это, он был единственным человеком во всем издательстве, которому Ева могла доверять. Он знал о ней то чего никто не мог знать, те подробности ее жизни, о которых даже Мике не могла догадываться.

Квартира Петера, расположенная в старом полуиндастриальном доме, возле моста Хофмана, казалось, как нельзя лучше соответствовала ему самому. Достаточно просторная, хорошо обставленная, квартира Петера регулярно собирала внутри себя множество гостей. В то время как сам хозяин апартаментов принимался расхаживать по ней, приветствуя всех и заводя непринужденные беседы с гостями. Петер любил свою квартиру и этот район. И то ли дело вел оживленные дискуссии о роли архитектора в создании аутентичного дизайна района или чего-то такого.

- Как дела, девушки? – поздоровался главный редактор.

- Жесть, какие у тебя в районе водители! Я чуть не помяла свою птичку! - гневно сказала Мике, затем добавила: - Ева, ну так как насчет выпивки?

- Да, наверное, - неуверенный ответ послужил необходимым сигналом.

- Мике опять не в духе? тут же спросил он, глядя как одна из сотрудниц – удалялась вглубь квартиры.

- Да не совсем. По дороге мы попали в пробку. Чувствую теперь весь вечер нам не будет отбоя от ее эмоций.

- Ну...что есть, то есть.

Девушка принялась рассматривать его наряд. Как всегда, отличный пиджак и обтягивающая черная футболка. «Должно быть стремится показать в какой он отличной форме» - подумала она про себя. Ему было уже за пятьдесят, но одевался он всегда со вкусом и успехом. С таким же, с каким мог влезть в любую беседу, сразу приковав к себе внимание во время очередного тоста. Бросив взгляд на бокал виски в руке начальника, Ева тут же сказала:

- Ты начал пить?

Слова прозвучали осуждающе. Но не для Петера, каким она его знала.

- Ох, да...знаешь, не хочется возвращать старые привычки. Но раз в неделю я люблю посидеть с бокалом виски и книгой в руках – в некотором роде это помогает отвлечься...Как там твоя...?»

- Работа? Продвигается...

- Рад слышать. Я как раз хотел поговорить с тобой об этом.

- Оу...

- Ты недавно начала работать с авторами. Скажи, тебя это нравится? - он слегка наклонился к ней.

Вопрос был для Евы большим сюрпризом. Петер в целом был добр к ней, даже слишком. Однако не любил говорить о работе. В первый месяц стажировки Евы на рабочем месте, он отправлял засидевшуюся девушку домой, провожая ее до первого этажа, где усаживал в такси. Конечно, это выходило за рамки типичных отношений «начальник-подчиненный», но с самого начала Петер был для нее куда больше чем начальник. Мике тогда еще не работала в издательстве. Она пришла туда значительно позже Евы, хотя все же каким-то образом сумела влиться в коллектив. «Каким-то...» тут же подумала Ева.

- Да, ребята большие молодцы!

Затем, замешкавшись Ева добавила:

- Что, с кем-то проблемы?

- Да нет-нет. Что ты ?

Петер немного поболтал виски в бокале.

- Я хотел немного расширить твои обязанности. Если ты конечно не против...

- Оу...

- В любом случае думаю, нам лучше будет обсудить это в понедельник. Как ты на это смотришь?

- Да конечно, Петер.

- Не буду дальше тебя напрягать. Веселись! - сказал он, наконец отпив из бокала.

Пройдя еще несколько метров, он подошел к следующей порции гостей. За вечер хозяин квартиры делал множество таких кругов. Обходя два этажа, с бокалом виски и общаясь со всеми своими разношерстными знакомыми.

Мике тем временем принималась обниматься с каждым встречным, одаривая парней объятиями, а девушек привычным поцелуем в щеку.

Редакторы издательств, журналов, несколько телеведущих. Хотя, конечно же основной аудиторией были работники издательства. Они мелькали среди толпы людей, которые в течении вечера неустанно заполняли квартиру директора издательства.

Выйдя на балкон, Ева, потягивая принесенную Мике «Кровавую Мэри» продолжила рассматривать район, который уже успел погрузиться в темноту берлинской ночи.

- Эй, дурочка! Ты тут ? - Мике легонько покачиваясь. Было видно, что вытянутый бокал, в ее руке был явно не первым. В то время как Ева лишь «клевала носом» свою «Кровавую Мэри». Облокотившись на кованные перила балкона, девушка чувствовала дуновения весеннего ветра на лице, который с каждым днем становился все теплее. Дожди в Берлине постепенно прекращались, хоть Мике про себя и не

переставала называть город «помойкой». Однако сейчас, стоя на балконе квартиры Кошвица, Ева все же чувствовала ту энергетику, которая исходила от города. «Хотя...возможно это лишь банальное опьянение. Плевать!» - сказала она сама себе и одним глотком осушила коктейль.

- Хватит тут сидеть. Пойдем поздороваемся со всеми!

Новые люди все прибывали, постепенно занимая пространство двухэтажной квартиры Петера. Постепенно холл, перетекающий в открытую гостиную заполнился. Старые уходили, а новые появлялись временами лишь, мелькая в толпе в компании хозяина апартаментов. Порой на подобных приемах появлялись нужные издательству поставщики, либо же хозяева андеграундных книжных лавочек, расположенных где-нибудь в индустриальном квартале.

- Это что, Матео ?

- А, да...наверное он.

- Прости подруга...я побегу. Должен же кто-то оплатить нам обратную дорогу!» - Мике жила относительно близко к Петеру. И преспокойно могла оставить своего излюбленного «жука» возле его дома, вернувшись домой на такси. В то время как Ева периодически ночевала у нее в квартире, решив не тратить лишние деньги на такси до дома. Однако теперь у нее появился малыш Будда, тосковавший без хозяйки. Пока она стояла в толпе различных авторов, издателей, владельцев магазинов и попивая «кровавую Мэри» рассуждала о разговоре с Петером.

«Интересно. Что же он хотел мне предложить ?

Бросив взгляд в сторону такой же открытой кухни, она увидела «бородачей» из отдела дизайнеров. Три парня стояли, собравшись вокруг вытяжки над духовкой и курили. Она знала их всех еще с тех времен, когда только устроилась работать в издательство.

- Привет, ребята. - сказала Ева, подойдя к троице. Бородачи в ответ поздоровались. Они были больше похоже на трех братьев, каждый из которых хотел все же немного походить на другого. Прическа а-ля люфтваффе. Длинные бороды и татуировки. Она точно не знала, кого из них как зовут. Мике и все остальные называли их в шутку «друзья Франца» - так звали начальника отдела дизайнеров.

- Привет, дорогая! - протянул четвертый из них. Франца она знала довольно давно. Легонькая небритость, маленький рост, рыжие волосы и такие же, как у нее самой очки. Он подошел к ней, движимый силой алкоголя и упал в объятия девушки.

- Как твоя жизнь ? - спросил он недовольно кривляясь. Когда Ева только пришла в издательство, Петер закатил одну из своих вечеринок. Все «бородачи» уехали, оставив начальника отдела дизайна отсыпаться на диване. Ева тогда тоже скучала, и чтобы скоротать время сидела за столиком возле окна, выслушивая его рассказы о «шикарном парне из Моцуштрассе».

- Я держался за него как мог! Не так-то просто найти порядочного парня сейчас...а тут еще и Новый Год на носу...я хотел познакомить друзей с кем-то. В итоге...» - оборвался он всхлипывая. Примерно так Ева провела вечер. Они не беседовали много. Лишь изредка выдаваемые ей фразы вроде «Ну...все обзавестся.» или «В мире полно геев.» служили признаком их общения. Через пару недель у них с Францем уже появились свои общие шуточки, а также походы в гей-клуб, где он временами отвисал. «Радуга» - Ева вспоминала тот вечер, каждый раз улыбаясь. Мике тогда не пошла с ними, а Франц знакомил ее со всеми своими друзьями, которых встречал: травести-актриссами, разодетыми в кожу парнями и бармэнном, которого он порой любовно брал за руку. В конце концов, Ева очутилась дома у Франца, вся в блестках и с огромным боа из перьев, которое теперь валяется без дела в гардеробе девушки.

- Потрясающе выглядишь, дорогая!

«Дорогая» было одно из тех слов в его лексиконе, которые он то ли дело применял в отношении как мужчин, так и женщин.

Бородачи недовольно покосились на него, заиграв мускулами. Отношения в отделе дизайнеров были достаточно разношерстными. Ева точно не знала, откуда ребята пришли в издательство. Кто-то из них закончил академию художеств, а еще один провел несколько лет рисуя граффити в Кройцберге. Кого-то из них она встречала в метро, слушающими всякий экстремальный метал, или же в музыкальных магазинах вроде

«Yellow Dog» в Кёпе, где продавали всякий хардкор и который так кстати располагался напротив ее любимой кофейни.

- ...слушай, вечеринка просто отпад! Я выпил три коктейля! Познакомился с директором «Русского Берлина»! Он – настоящий русский...- Франц довольно захихикал.

- И как тебе ? Симпотяжка ?

- Право не знаю...подбородок слегка грубоват. А тебе идут распущенные волосы!

Краска с волос уже почти слезла, и наружу начал проявляться чистый «блонд», как его называла мать девушки. Она не часто баловалась такими экспериментами, в отличие от Мике, которая в период бурной молодости успела обзавестись тремя татуировками, которые теперь украшали ее руки и заднюю часть шеи.

- Ты думаешь ?

Около двух часов ночи девушка спешно повернула двойной замок на двери квартиры. На миг Ева дернула ручку – дверь не поддавалась. После чего она вспомнила один из секретов данных ей соседкой – фрау Анной: «Нужно слегка нажать плечом на дверь.» Что она и сделала. Слабый щелчок – похоже замок наконец поддался. Квартиросъемщик, сдававший ей эту квартиру, был достаточно милым человеком. За пятьдесят, слегка напоминавший Петера. Несколько лет назад у него

умерла внучка, которой должна была отойти эта квартира и моментами Еве даже казалось, что в ней он неизбежно видит покойную. «Тем не менее, он не слишком то торопился ремонтировать замок... Хотя парень он славный. Всегда предлагает кофе, когда я отношу деньги за ренту. Ведет со мной достаточно милые беседы.» - раз в месяц Ева относила положенные несколько тысяч евро на площадь Жандарменмаркт, в районе которой жил владелец квартиры. Он то ли дело ее встречал, хотя в последнее время совсем отказался от этого, предоставив ей счет, на который она преспокойно клала указанную в договоре сумму.

Питомец, выйдя из спальни весело устремился к ней, прыгая на колени и норовя вылезать ее миловидное лицо своим языком.

- Фу, Будда! Перестань! – сказала она, зайдя в прихожую. Отделавшись от «Мартенсов» Ева последовала на кухню, следуемая любимым питомцем.

С Мике они расстались пол часа назад.

«В целом вечеринка была еще более или менее. Мик предприняла несколько попыток познакомить меня с парнями. Хотя, кажется сейчас мне кажется это совсем не нужно. Плюс ко всему Петер... Что же он хотел мне предложить?» - эти мысли крутились в ее голове с самого вечера, однако до этого она не решала озвучить их. Ни в такси, в котором они с Мике ехали, ни позже, когда она сталкивалась с Петером. Однако, после встречи в начале вечера они не обмолвились ни словом.

- Как думаешь, малыш, что он хотел ? - спросила она пса. Будда тем временем сидел возле девушки, ожидая сочного куска мяса, который она старательно разогревала на сковороде.

- Знаешь, в детстве мама готовила мне так. Она всегда считала, что если разогревать еду на сковороде, то получается вкуснее. Правда нужно сначала смазать ее сливочным маслом.

Масло под кусочком мяса в этот момент бурлило, подогреваемое газовой плитой.

- Раз он спросил об авторах то возможно это может быть как-то связано с ними....

Работу с авторами Петер предложил ей сам, после того как девушка издала первую книгу. Конечно ее сложно было отнести к числу популярных авторов. Но в целом это была одна из «обязанностей» их издательства, которые они выполняли. Изредка издательство выпускала путеводители для туристов, которые тут же разлетались по вокзалам и аэропортам где попадали в руки множества туристов. Еве не слишком нравилась эта работа. Но в конце концов это был ее способ рассказать свою историю о Берлине. О том городе, который она знала лучше кого-либо. Тем не менее, Петер кажется был доволен ее работой. Настолько что предложил работать с несколькими авторами. В основном девушка переписывалась с ними обсуждая различные моменты, связанные с издательством. В ее подчинении было несколько человек, каждый из которых имел свою собственную жизнь.

Никого из них она ни разу не видела дальше никнейма в «Telegram», либо же имени в электронной почте, которую она использовала для связи с работниками. Ева часто гадала – кто же эти самые люди, которые скрываются за мониторами. Хотя, периодически ей удавалось найти нужную книгу в кабинете Петера, на задней части которой красовалась типичная черно-белая фотография. Либо же короткое описание, предоставленное самим издательством. Чаще всего именно она писала подобные вещи, вроде «Ульрих Вайс стал известен в прошлом году, с публикацией романа «Красные маки», который быстро завоевал популярность. В этом году свет увидел второй роман писателя «Дальние берега», действие которого берет начало в период второй мировой войны...»

Будда весело залаял, увидев, как положенный ему стейк переместился со сковороды на тарелку.

- Ну что мальчик, будем кушать ?

Как всегда, услышав в ответ молчание она протянула питомцу одну из его тарелок, с изображением маленькой собачки. Купленной на барахолке, куда Ева сама часто заходила. Будда тут же с благодарностью принялся чавкать, уплетая разогретый кусок говядины. Самой Еве не слишком хотелось есть. Она следила за рационом и старалась не есть ничего позже десяти вечера. Хотя девушка могла засидеться за какой-нибудь заметкой для издательства или сериалом вроде «Black Books». На следующий день у нее не было особых планов. Конечно если не учесть обещание сходить с Мике за покупками на этих выходных. В конце рабочей недели Ева

обычно выбиралась куда-нибудь, с Мике или друзьями из издательства – такими как Франц. Хотя, нельзя было сказать, что у нее было уж слишком много друзей. Она даже не знала может ли назвать Петера другом. Она знала его уже много лет, и часто размышляла над тем, кем же он стал для нее за все это время: лучшим другом ? Наставником ? Учителем ? Неформальным отцом ? Возможно последнее и было преувеличением с ее стороны. Но, он так по-отцовски проявлял интерес к жизни девушки, временами прямо-таки заставляя ее отвлекаться от работы. Чавканье Будды все усиливалось. «Должно быть мальчик проголодался». За несколько часов своего отсутствия Ева без конца вспоминала Будду. Хотя, она уже давно привыкла оставлять его дома – периодически находящее чувство беспокойства не покидало девушку. Закончив трапезу Будда как всегда принялся вылизывать тарелку, взяв инициативу по уборке в свои руки. «О, Боже, перестань мальчик.» - сказала Ева рассмеявшись. Ей нравилось наличие питомца. Это значило то, что она явно не будет скучать по нехватке парней. Плюс ко всему, если бы в ее жизни появился ухажер он должен был бы сперва пройти проверку у пса.

Утром первым делом Будда принялся вылизывать ее лицо.

- Ой, прекрати малыш!

Пес приучился делать это с первых месяцев жизни у девушки и видимо не внимал ее просьбам прекратить. Открыв глаза, девушка тут же ощутила субботний прилив эмоций. Солнце еще не встало над Берлином, но запах весны уже стоял в

воздухе, проходивший через окна и достигающий каждой щели куда он мог проникнуть он постепенно заполнял квартиру девушки, заставляя ее дышать по-новому. Ева еще «не до конца проснулась» - по крайней мере этим выражением пользовалась ее мать, так она сама называла себя в эти моменты. Тяжесть вчерашней вечеринки постепенно проходила, и хоть она вернулась домой совершенно трезвая Ева начала припоминать, что под контролем Франца выпила куда больше чем одну «кровавую Мэри». «Кажется там было три коктейля..Или около того...».

Перевернувшись на бок, она тут же посмотрела на часы. Начало десятого.

«Похоже утро в Берлине все же наступило.» - призналась она сама себе.

Будда вовсе не брал привычку будить ее. Разве что режим работы девушки «с 9 до 6» сделал свое дело в жизни песика. Поэтому, периодически он мог начать будить ее за десять, двадцать, а то и пол часа до подъема. Она вовсе не была зла на питомца, скорее положительно расценивала эти «знаки внимания и заботы» с его стороны. По выходным будильник звонит, пробуждая питомца и побуждая его к лаю. Тем не менее, ему похоже это никак не мешало периодически будить девушку, прося насыпать еще корма в маленькую миску, стоящую возле кухонной раковины. Ее она купила в первые месяцы жизни питомца, во время очередного похода на блошинный рынок.

- Интересно, как там Мике ? - спрашивала она сама себя стоя возле зеркала с зубной щеткой.

Обычно все ее процедуры, которые девушка называла «прихорашиваниями» длились около десяти минут. Расчесать волосы и распрями их. С этой задачей Ева воевала еще с детских лет. Выющиеся от природы волосы, достались ей от бабушки, матери ее отца. Она никогда не видела ее, разве что на фотографиях. Да и не особо любила вспоминать. До сих пор она не знала точно жива ли ее родственница.

- Хотя, даже если она и жива – мы все равно не слишком общались с ней. - сказала она, сплевывая добротную порцию зубной пасты в раковину.

Ева не слишком то и предавала значения своей внешности, во всяком случае не так как Мике, которую за спиной называли «Мадам Бовари». Она не знала с чего пошла такая кличка, хоть и спрашивала Франца, активно общавшегося с девушками об этом.

- Ну...это сложно объяснить, дорогая. Ты же читала Флобера ?

- Да, в школе.

- Ну...в целом, Мике...она такая...- говорил он стоя в курилке.

Ева не слишком любила проводить время в их курилке, располагавшейся на крыше здания. На маленькой обозревательной площадке, в которой собирались все те, кто работал в здании – часть издательства и еще какие-то люди,

работавшие на других этажах офиса. Франц не курил, но периодически поднимался туда, пообщаться с сопровождавшей Мике подругой.

Закончив приводить себя в порядок, Ева внимательно взгляделась в свое лицо. Кажется, зеленые за годы совсем не потускнели. Хоть постепенно роговица глаза начала терять свой фирменный изумрудный оттенок. Ее щеки слегка увеличились, хоть девушку и нельзя было назвать полной.

- Нужно перестать есть так много полуфабрикатов.

В отличие от Мике, ведущий достаточно богемный образ жизни, Ева предпочитала походам в роскошные рестораны в Мите, готовкой еды дома за просмотром сериалов. Или в худшем случае различные фастфуд.

Пройдя на кухню, девушка принялась копаться в холодильнике, пока не почувствовала вибрацию телефона, так и оставшегося лежать в прихожей, возле разбросанных на полу «Мартенсов». Посмотрев на экран, она тут же увидела сделанное пару месяцев назад селфи, где стояла с Мике.

- Боже...у нас тут совсем дурацкие лица...

Ева хорошо помнила тот самый день. В тот день она выпустила свой третий путеводитель, что Мике и решила отпраздновать, поведя ее в один из новомодных рок-клубов «Берлога». Прежде она там не была, в отличие от Мике, которая лишь подойдя к высокому черному охраннику на входе смачно чмокнула его в щеку, после чего провела девушку внутрь. Легкая атмосфера

Гарлема царила в том месте. Ева не была до конца уверена в том, что происходит, хотя после того вечера она сложила свое впечатление о клубе, которое было не таким уж плохим. Скорее это было место, где с большей долей вероятности могли когда-то выступать Morphine, а бармен в перерывах между работой мог спокойно засесть за Гинсберга, подливая травяной ликер всяким битникам, заходящим туда.

- Привет, дурочка!

- Привет, дурочка! - весело ответила Мике на их приветствие.

- Как там твои планы на день ?

Планов у Евы собственно и не было. Разве что ей нужно было погулять с Буддой и купить немного продуктов, для пустующего холодильника.

- Да особо никаких. С малышом собираюсь гулять.

- Отлично! Слушай, мне срочно нужно скупиться. Кажется, это по твоей части.

- Что такое ?

- Мы с Матео вчера разбили мою настольную лампу, на прикроватном столике. Ты помнишь ее, такая с неплохим абажуром, в африканском стиле.

- Да, помню.

Ева смутно припоминала лампу на столике.

- Погоди, Матео ?! Мы же вчера вместе возвращались.

- Все верно, но он сделал круг...В общем мне нужна новая лампа. Где там говоришь твоя барахолка находится?

Ева периодически заходила на блошинные рынки города. Собственно, началось это не так давно, скорее это было нужно для ее работы с путеводителем, но никак не для нее самой. Тем не менее, скоро эти походы превратились в регулярные события. Плетеное кресло, несколько полок и книг на русском языке – все это периодически попадало ей в руки, вызывая желания обставить собственную квартиру. Пару раз девушка даже выбиралась с любимым лабрадором, который увидев что-то интересное, моментально принимался обнюхивать вещь, вызывая недовольные взгляды продавцов.

- Эм...ну хорошо...только Будда поедет со мной.

- Без проблем, подруга. Слушай, давай встретимся через час возле дома Петера? Я как раз там машину бросила. Подъезжай на такси, а потом я отвезу вас домой. - в голосе Мике чувствовалась облегчение.

Она не слишком пеклась о собственных вещах, но тратила большие суммы на обстановку своего «гнездышка». Антикварный комод, барные стулья в ретро-стиле, а также массивное кресло от Ээро Аарнио. Все это, в купе с репутацией девушки создавало некую атмосферу вокруг ее фигуры. Хотя, Еве и раньше приходилось слышать об «хорошо проведенном времени» с бухгалтером – Матео. Это был первый раз, когда

впоследствии страстной любви они что-то разбивали. Сам Матео достаточно не нравился Еве. Стильно одевающийся, молодой, хороший собой, но совершенно бездарный собеседник и человек. Он юбил отпускать пошлые шутки, которые потом становились обсуждением в курилке компании и критики со стороны Франца - Фу...что за манеры?

Он почему-то нравился Мике, хоть был одним из нескольких ее парней.

Позавтракав типичным для нее фастфудом – пиццей из микроволновки и свежесваренным кофе, девушка поспешила накинуть на себя рваные джинсы, купленные в «Potsdamer Platz Arkaden» и рубашку в клеточку. Ева не слишком распылялась по поводу повседневного гардероба, однако за последние несколько лет, коллекция одежды девушки увеличилась. Что-то она находила в не распакованных коробках, кучей сваленных в шкафу, а что-то – покупала на распродажах удивленная необычайно высокой ценой. Нацепив на Будду привычный поводок, она как обычно заглянула в глаза псу. «Ну волнуйся дорогой. Сейчас мы пойдем гулять. И встретимся с Мике. Ты помнишь Мике ?» - умный взгляд собаки будто говорил «Помню.». Знакомство Будды с Мике было мимолетным. Она не слишком часто появлялась у Евы дома. Хотя, этим рождеством они славно пообедали.

- Что это за рождество в январе ? Рождество же давно прошло.

- Да, Мике, ну мне так больше нравится.

- Странно это...

Она предпочла не объяснять подруге причины такого празднования, заключающиеся сугубо ее «русских привычках». А Будда тем временем подбегал к гостье, запрыгивая передними лапами на ее юбку.

- Ева! Боже...Что делать?! - каждый раз вскрикивала она. Казалось бы, Мике могла уладить любой конфликт, любой сбой в работе рекламного отделения. Что уж говорить – на работе она была настоящей акулой. Но ее беспомощный вид перед псом, вызвал у Евы лишь сильный смех.

- Успокойся, дуручка. Он просто просит немного еды.

- Хорошо...дуручка. - сказал Мике и сама засмеялась.

Ева с трепетом вспоминала то рождество. Тогда они засиделись допоздна, смотря старый фильм с Робинсом Уильямсом, который ко всему прочему посоветовал Франц. «Хотя, фильм был не так уж плох. Правда после трех часов ночи Мике уже отключилась. И спала у меня на плече. А после нее и я заснула.» - рассказывала Ева, руководителю отдела дизайнеров.

Зашнуровав свои «Converse», она по привычке зашла на кухню, проверить выключила ли газ. Старая привычка, за которую она в шутку называла себя «параноиком» - все же давал о себе знать. Пройдя в прихожую, где Будда уже ждал ее, девушка вывела лабрадора на лестничную площадку, а сама принялась закрывать за собой дверь.

Дорога до дома Петера, заняла около двадцати минут. Учитывая то, что такси они поймали сразу, что в районе Ораниенбургерштрассе было достаточно хорошим показателем. От храма Святого Духа, где таксист высадил ее, до дома Петера было всего несколько минут ходьбы, которые Ева предпочла пройти пешком. Она прежде редко бывала в этом районе. В основном когда приезжала к Петеру на вечеринки, либо же ездила смотреть какие-то достопримечательности вроде видневшегося на много километров храма. Проходя по Штрoмштрассе, она временами окидывала взглядом различные строения, обращала внимания на архитектуру домов, в то время как Будда, следовавший за ней, периодически замедлялся, увидев что-то любопытное. Ева старалась не торопить питомца с интересом познававшего мир. Останавливаясь она смотрела на старые здания, больше напоминавшие древние церкви. Их архитектура и впрямь была странной. Хоть и не сильно отличалась от зданий баухауза, среди которых она сама выросла.

Будда подходил к различным парковочным счетчикам, машинам, а также столбам, принимаясь обнюхивать их, будто бы ища где-то там, заветный стейк. «Малыш не должен сильно проголодаться. Утром он съел целую тарелку корма.» - тут же подумала Ева. Она неспешно шла по улице, выискивая взглядом брошенного Мике «жука». Похоже ни она, ни хозяйка машины, не запомнили где оставили ее вчера. Подробности вечера расплывались в памяти, сливаясь с потоком новых и старых знакомых, собранных в квартире Кошвица. Казалось бы, Ева выпила больше чем думала, или же это различного

рода беседы так утомили ее. После беседы с Францем она периодически выходила на балкон двухэтажной квартиры любуясь ночным Берлином. Будто облаченный в черную одежду с множеством сияющих огней – он захватывал. Кажется, этот город, как и много лет назад, остался ее настоящей любовью. Наверное, поэтому она с таким интересом писала свои «занудные путеводители». «Хотя...не такие же они и занудные.» - говорила она сама себе. И в целом была права.

- Ева! Доброе утро! - размышления прервались знакомым голосом.

Кажется, вчерашний вечер, и не один выпитый стакан виски, никак не повлиял на Петра. Теперь он стоял перед ней облаченный в спортивный костюм. Кроссовки, шорты открывающие его накачанные икры, и легкая толстовка явно выбивались из привычного гардероба директора издательства.

- Решила заглянуть в гости ?

- Привет. Эм..нет. Мы с Мике кажется где-то здесь оставили ее «Жука» - я тут жду ее.

- Ах вот оно что! Я вроде бы видел его за углом дома. Пройдемся ?

- Да, давай...Будда, пойдем. – Ева одернула поводок, увидев, как пес наострил уши и наблюдал за парочкой голубей.

- Так о чем ты хотел поговорить ?

Вчерашняя беседа мучила ее вот уже несколько часов, в то время как сама девушка продолжала изводить себя различными вопросами «Что же он хотел обсудить?», «Неужели я сделала что-то не так?». Ведь до этого Петер ни вел таких разговоров. Разве что, когда затевал вечеринку к ее дню рождения. Тем не менее, несмотря на это она холодно воспринимала свой «праздник» - вот уже пару лет она не праздновала его совсем, называя немногочисленным знакомым, в том числе ему самые разные, первые пришедшие в голову даты.

- Эм...Я хотел подождать до понедельника. Но раз ты хочешь – скажу сейчас.» - Петер смутился. А Ева, заметив это, старалась не смотреть на лицо директора издательства.

- Видишь ли. Мы с тобой уже давно знаем друг друга. Ты хороший работник. И достаточно хорошо курируешь тех немногих авторов с которыми работаешь. Во всяком случае Ульрих Вайс остался доволен презентацией книги в прошлом месяце. Так что я подумал поднять тебя в должности.

- Что ?

Подобного поворота она никак не ожидала.

- Скажу прямо: я хочу, чтобы ты возглавила отдел отбора материалов. У тебя безусловно большой опыт, хорошие навыки писателя. Так что я хочу, чтобы ты лично занялась этим. Нам всем иногда нужна смена деятельности.

- ...Спасибо, Петер...не знаю, что и сказать...Я в замешательстве...

- Спасибо, Ева. Я тронут. Можешь ничего не говорить. Но пусть пока это будет между нами? Я хотел бы лично объявить об этом на собрании – в четверг...

- Да конечно.

- Осталось только найти машину Мике. - сказал он засмеявшись.

Ева тут же обратила внимание на то, что они остановились, пройдя всего несколько метров от подъезда к дому Петера, в то время как поводок в ее руке, медленно продолжал тянуть девушку, уводя ее в перед – к угловой части дома.

- А он ищайка!

- И впрямь...» - сказала она, заметив как ярко пес рвется к углу дома. Кажется что ночью они припарковались совсем рядом, хотя на самом деле Еве со скрашивающим ее компанию Петером, пришлось перейти несколько улиц, прежде чем они заметили брошенную машину.

- Ну...не буду мешать вам, девушки! Веселитесь. Сегодня как-никак выходной.

Следуя сменившемуся сигналу светофора, Петер удалился в противоположную сторону. Мике еще не появилась. Во всяком случае, не рядом с машиной. Обычно она любила запрыгнуть на капот автомобиля и курить любимые сигареты, засматриваясь на симпатичных незнакомцев.

- Зеленый свет загорелся. Пойдем мальчик!»

Пес тут же последовал за хозяйкой. Ева любила то ли дело общаться с питомцем. По крайней мере, он в какой-то степени ее понимал, в отличие от многих людей. Ева не страдала от этого. Скорее это было поводом вспомнить фразы ее матери, которая та говорила маленькой Еве в детстве «Ничего страшного в том, чтобы быть не как все.» - воспоминания неизбежно вызывали накат эмоций у нее, который почти всегда выливался в обильные слезы у Евы.

Обогнув «Жук», она увидела, что хозяйка машины давно сидит на переднем сиденье, старательно накрашивая лицо. Маленькое зеркальце и дорогая помада поблескивали в руках Мике, которая, казалось бы, была увлечена этим процессом, не замечая ничего вокруг себя. Будда тут же забрался лапами на одно из стекол заглядывая внутрь, в то время как хозяйка пса пыталась привлечь внимание подруги

- Привет, дурочка! Ты долго! - недовольно сказала она.

Мике похоже не спала всю ночь, хотя несмотря на это выглядела она достаточно хорошо. Ей всегда удавалось с блеском выходить из любых ситуаций, в числе которых были скандалы с многочисленными любовниками, либо же проблемы на работе. Иногда эти два вектора умудрялись пересекаться, отправляя ее в пассивное состояние, вроде того, в каком она находилось сейчас.

- Чего ты так долго, дурочка ?

- Ну прости. Твою машину не так просто найти....Так что у вас вчера случилось ?

Мике, как и до этого подвела нижнюю губу яркой помадой, затем прикусив ее довольно принялась рассказывать подробности вчерашнего вечера.

- Помнишь я тогда ушла к Матео ? Ты еще разговаривала с этим гомиком из отдела дизайнеров.

- Мике, хватит его так называть! Нормальный парень...

- Нормальный, только немного с приветом, дорогуша» - она явно пыталась копировать фирменную речь Франца. И похоже удачно.

— В общем вот. Мы изредка перебрасывались фразами, так что в конце вечера он уже во всю бегал мне за выпивкой, делал мартини и обсматривал меня всю с головы до ног.» - «Стандартная история в духе Мике». — подумала Ева.

- Куда хочешь съездить?

- Слушай, я не знаю. Ты же у нас эксперт в таких местах. Мне нужна лампа. Да и глядишь может еще, что прикуплю для своей квартиры! - весело заметила она.

Ева начала раздумывать. Большая часть блошиных рынков работала периодически. Например, в третье воскресенье месяца. И находилась в приличном расстоянии от места обитания Петера. Конечно, рядом с ее домом было что-то

наподобие блошиного рынка. Но это было скорее местом, где старушки торговали книгами или всякой кухонной утварью.

«Чертов Ебай не может убить страсть к покупкам!» - размышляла Ева.

На местном блошином рынке, она в основном покупала комнатные цветы и поделки, которые расставляла по квартире. Безделушки для антуража. Пара фарфоровых кроликов, купленных пару месяцев назад, как раз были чем-то подобным.

- Ну...мы можем поехать на улицу 17-го Июня. Там ты сможешь выбрать, то что тебе вполне придется по вкусу.

- А ты что думаешь ? - Будда явно не знал, что следует, ответит, лишь повернул голову смотря на хозяйку. А затем – на Мике, обращавшуюся к нему.

- Все нормально, малыш. Заводи двигатель, через несколько метров поверни налево.

Через несколько минут «Жук» выехал на перекресток и благополучно скрылся в потоке машин. Субботнее утро в Берлине сулило немалую суматоху, особенно если учесть то, что сам рынок хорошо скрывался в районе Тиргартена, который к тому же был одним из самых любимых мест у туристов.

- Ну в общем вот...о чем это я ? А да. Мы с тобой расстались где-то в час. В итоге я только захожу домой – мне звонит Матео. Где ты ? давай я приеду и все такое. Через пол часа он уже был

у меня с бутылкой вина и двумя бокалами. А чем все закончилось — ну ты и сама знаешь... Правда я поначалу решила немного раззадорить его и пять минут не впускала его в квартиру. Как раз после его звонка я благополучно приняла ванную готовая ко всему.

Ева никак не комментировала это, лишь кивала или вставляла свои безэмоциональные «Угу» или «Так...». Подобные истории ей много раз приходилось слышать от Мике, в том числе с фигурировавшим в них Матео. В течении нескольких минут езды, девушка подбрасывала новые подробности «беспорядочного секса», после чего будто бы подведя черту сказала.

- ...собственно так все и случилось. Лампу мы разбили почти сразу. Но после того, что мы с ним выпили, и того, что я выпила у Петера, мы превратились в настоящих животных! До сих пор помню, как разорвала рубашку прямо на нем.

- Боже мой...

Казалось, что Мике упивалась подробностями истории, вызывавшими у Евы лишь раздражение. Она не могла понять суть отношений девушки к жизни, сколько бы ни пыталась. Хотя пыталась она хорошо. Но, похоже, было, что властная подруга жила в каком-то странном мире, где все парни хотели ее.

Будда тем временем начал ерзать на сиденье, ожидающий остановки. Мике к тому моменту уже сделала последний

поворот подъезжая к парку и похоже питомец чувствовал это. Будда тут же пролез между двумя передними сиденьями и уселся на ноги хозяйке, готовый в ту же секунду выскочить на улицу. Хотя питомцем он был не слишком то большим, но все же мог наделать шуму, сорвавшись с поводка. Ева специально выбирала тот, который сможет удержать его. В итоге выбрала регулируемый – за пятнадцать евро. Практичная вещь, казалось бы, сразу пришлась собаке по вкусу, вместо старого кожаного, купленного Евой на блошином рынке, в довесок к нескольким книгам.

- Так...»- многозначительно протянула Мике, ставя своего «Жука» на ручной тормоз: - Теперь ты мой гид, дорогая подруга!

Субботним утром народу на рынке было предостаточно. Тем не менее, девушки сразу выделились из общей массы. Особенно Мике, которая как всегда сумела приковать внимание всех мужчин. Несмотря на выходной день, она оделась также ярко, как и всегда: джинсы, пиджак с футболкой, ставший неизменным атрибутом директора отдела рекламы и высокие каблуки, которые она казалось не снимала. Будда в свою же очередь, подбегал к различным столикам, на котором продавцы располагали весь свой антиквариат.

- Смотри-ка, он тоже хочет почувствовать!

- Да, похоже на то. - ответила Мике. В течении пятнадцати минут ходьбы, девушка подходила к продавцам и спрашивала, что, насчет интересовавших ее вещей. Она ничего не купила.

Ева, в свою очередь, тоже заглядывалась на несколько вещичек, среди которых были то различные бронзовые статуэтки или же декоративные голландские башмачки. Ева хорошо знала, что на этом рынке могут попасться достаточно интересные вещички, как и то, что все более или менее «масштабные» продавцы находились в глубине. Там, где множество вещей, под контролем одного-двух продавцов могли распластаться на целый ряд. Периодически она подходила и высматривала что-то интересное – старые картины, или же винтажный мольберт образца 60-х годов. Кажется, в этом месте Мике чувствовала себя не слишком удобно. Впервые в жизни ситуация была не под ее контролем, хотя девушка держалась хорошо и продолжала сверкать своим безразличием ко всему.

- Слушай, пойдем в конец. Там может быть что-то найдем.

- Давай, потому что пока – что-то не густо.

Несмотря на то, что в основной части рынка толпилось множество туристов, казалось самое лучшее он спрятал чуть подальше, где продавцы-эмигранты продавали интересные вещички. Это не был еще один рынок подобный Арконаплацу, где было множество дизайнерских вещичек, или же RAW, располагавшийся в «арт-квартале», как его называла Ева.

- Ева, посмотри что я нашла! - подозвала ее Мике. Незаметно от нее самой и малыша Будды, она успела углубиться на десять метров вперед и кажется нашла то, что ей было нужно. Среди множества столового серебра, старых бокалов и всего прочего, были аккуратно выставлены несколько приметных вещичек.

Ева тут же увидела бюст Ленина, стоявший на краю стола. Воспоминания о жизни в СССР не были счастливым временем для нее. Тем не менее, она хорошо помнила свою мать, которая рассказывала девушке о жизни в семидесятые. Рядом с бюстом Ленина, стояла Мике, вертя в руках диковинную лампу. На вид она была совсем уж безвкусной, хотя на самом деле, равно как и с Мике притянула внимание девушки. Предмет был достаточно необычный. «Даже слишком для данного места.» - подумала Ева. По форме лампа напоминала нечто непонятное. Будто одуванчик распух, значительно увеличившись в размерах. Основание его было совершенно бесформенным. Напоминала куриную лапку, выточенную из дерева. От нижней части лапки, шел тоненький прут, который постепенно подходил к резному «шару». Ева не знала точно, чем это было. Мике, наверное, тоже. Хотя так или иначе девушки вопросительно переглянулись. Выглядел этот абажур как плод какого-то экзотического растения. Подстать огромному кокосу. Однако все же он был полым. Поверхность «абажура» была полностью покрыта различными узорами. Какие-то из них уходили глубоко, открывая множество прорезов, внутри которых виднелась обычных размеров лампочка. Другие же лишь слегка прорезали поверхность, украшая ее множеством витиеватых узоров.

- Пожалуй, одна из самых странных вещей, которые я видела...

- Я тоже. Думаешь стоит взять ?

- Покупай, не думая!

Они обе довольно захихикали.

Продавец кажется, давно приковал внимание к девушкам, так как после выкрикивания Мике, он, потушив сигарету, устремился к ним.

- Слушай, ты тут разберешься? Я хочу что-то еще прикупить для себя.

- Конечно подруга. Я подойду через минуту.

Будда, казалось бы, был также доволен находкой, как и сама Мике, которая теперь позабыв все знаки приличия принялась торговаться с продавцом, который как мог уворачивался от «горячих предложений» исходивших от начальника отдела рекламы. Ева решила оставить подругу и пойти посмотреть остальные товары, располагавшиеся в этой части рынка. В конце ряда неизменно виднелись несколько вещичек из СССР, которые она легко могла узнать. Старые пачки сигарет, которые она много раз видела дома, будучи ребенком, несколько уже порядком износившихся бюстов Ленина, а также старые значки компартии. В конце стола неизменно виднелись различные радиоприборы: радио, магнитофон, предназначенный для бобин и пачка пластинок, возвышавшаяся над массивной прямоугольной коробкой.

Пластинки были сложены одна на одну, что затрудняло просмотр данных экземпляров. В то время как Будда, которому уже достаточно наскучила прогулка рвался убежать от девушек, оставив их в одиночестве. Придерживая ручку поводка, Ева

принялась перебирать пластинки внимательно изучая ассортимент. KISS, Led Zeppelin, несколько записей Pink Floyd и пластинка Джонни Митчелл. Она не была меломаном, как ребята из отдела дизайнеров, которые жадно переслушивали весь хардкор, который могли достать в различных андеграундных магазинах. Однако периодически Ева могла послушать Джонни Митчелл или какой-нибудь ненавязчивый джаз, который расслаблял ее после долгого рабочего дня. Пару лет назад, когда она только пришла в издательство, она слушала всякий рок-н-ролл, который могла найти. Это в значительной степени скрапывало серые будни Евы. Хотя бы потому что другой музыки она не знала. Петер, который был любителем закатить вечеринку, обладал весьма недурной коллекцией джаза. Во всяком случае, так думала Ева, пока однажды не заведя с ним разговор о музыкальном магазине, где продавали исключительно джаз, не удивила его этой новостью. «Должно быть даже я не знаю Берлин так хорошо, как ты.» смеялся он. «Хотя, кажется он был рад побывать там. Мы с ним правда не обсуждали эту тему. Разве что на прошлое рождество он не подарил мне CD Уэйна Шортера – достаточно неплохой альбом.» - этот CD, Ева периодически доставала и слушала. Конечно ей был больше по нраву Колтрейн, но было что-то манящее в этой обложке. Азиатская девушка, не совсем попавшая в фокус, старый джазмен на фоне и след от поцелуя выше фотографии. Пока она перебирала пластинки, воображение представляло, как сейчас на глаза попадетесь этот, знакомый альбом. Но его Ева так и не встретила. После пластинки Митчелл на глаза все больше стали попадаться экземпляры знакомые со времен ее жизни в СССР. Будда

периодически дергал за поводок, подавая признаки жизни. Хотя, все же псу явно не хватало внимания — он забирался верхними лапами на стол, желая детально изучать чем же занималась его хозяйка.

- Интересуетесь винилом?

Ева подняла глаза. На нее смотрел один из продавцов, расхаживающих там. Повернув голову, она увидела, что Мике закончила торговаться и победоносно неся лампу под мышкой, шла к ней.

- Немного интересуюсь. К сожалению, проигрывателя у меня нет.

- Большая часть пластинок была привезена из СССР. Мной лично. Редкие издания.

- Так значит вы русский ?

Она перешла на русский язык. За все годы жизни в Берлине Ева успела хорошо выучить немецкий. Настолько, что вскоре стала профи в нем. Временами она тренировала свой русский, читая те книги, которые удавалось купить на блошином рынке возле дома. Вроде «Война и мир» или «Остров Сахалин». Тем не менее, продавец явно был ошарашен ее знаниями.

- А вы не похожи на русскую.

- Я тоже не часто встречаю русских. Понимаю вас.

Несколько минут подряд они проговорили совершенно, не обращая внимание на все вокруг. Подошедшая вскоре Мике стояла и смотрела на Еву не понимая ни слова. Она переводила взгляды на подругу, которая к тому момента закончила перебирать пластинки, держа в руках альбом с надписью на русском «Соломон Берк. Возможен шанс». А Ева все общалась с парнем, испытывая истинный восторг от того, что ей удалось пообщаться с кем-то на русском. Исключение составляла разве что ее соседка – фрау Анна, жившая в квартире напротив. Но с ней девушка не часто встречалась. Эпизодически они сталкивались вместе, и Ева приглашала старушку к себе домой, где смотря как Будда грызет на кухне очередную косточку, они тренировали свой русский. Однако сейчас это было совсем другое. Речь фрау Анны была хорошо поставленной, как и полагалось интеллигентной женщине, какой она была. Можно было сказать, что она безукоризненно соблюдала звание педагога. И хоть женщина не преподавала уже много лет, этот образ продолжал преследовать ее. Продавец же, общался более простым языком и на более понятные темы. Пару минут они с ним проговорили на общие темы, вроде колтрейновского «Blue Train», который она так любила. Либо цен на такси.

- ...ну в общем вот. Если ты искала проигрыватель, то могу помочь.» - наконец-то сказал он. «Один мой знакомый слушал винил. В итоге сейчас он совсем уехал из Берлина. Я продаю остатки его пожитков. В частности эти пластинки. - сказал он кивнув на пачку, возвышавшуюся над прямоугольной коробкой.

- Ну а здесь, как раз то, что тебе нужно.» - сказал мужчина, переставляя пачку пластинок. На вид ему было не больше сорока, хотя было явно заметно, что выглядел он куда старше.

- Ева, что происходит ? - тут же вмешалась Мике.

«Должно быть это совсем сюрприз для нее.» - подумала Ева, бросив:

- Эм...ну мы тут вроде как беседуем.

- Не часто встретишь собеседника, который так хорошо знает русский, как ваша подруга.

Мике казалось была опарашена этой новостью. Она ничего не сказала, но как только она услышала это, на лице возникло легкое недоумение. Не то чтобы она питала патологическую ненависть к русским или что-то подобное – но Ева полагала, что эта новость станет для нее большим сюрпризом. Хотя, не смотря на реакцию подруги, она предпочла отвлечься от разговора, и сосредоточиться на прямоугольной коробке. Было сложно определить, что в ней хранили прежде – микроволновку или стереосистему. В одном углу девушка увидела пачку пластинок. Тщательно связанные и перемотанные пищевой пленкой, они казалось были предназначены вовсе не для продажи на блошином рынке. Будто бы во время переезда, кто-то с особым вниманием собирал свою коллекцию, отбирая от нее самые дорогие экземпляры. Возле нее Ева тут же увидела пару колонок. Они были не слишком большого размера и выглядели не слишком

потертыми. Рядом с ними стоял простенький проигрыватель без крышки. Подобные она много раз видела на вечеринках у диджеев в различных клубах куда они с Мике периодически выбирались.

-...внизу есть усилитель. И пачка пластинок для вас. Здесь ничего слишком вычурного. В основном то, что слушали в России в 90-х. Так сказать – самые хиты. Плюс ко всему парочка всем известных групп...Вообще я не хотел продавать этот набор. Думал оставить себе.

Ева знала, что это было не совсем правдой. Скорее всего раз товар попал сюда, значит у него все же была определенная цена. На миг Ева отвлеклась от раздумий о распластавшемся перед ней проигрывателе, и представила, как он впишется в ее квартиру, которую девушка понемногу обставляла. Во всяком случае, именно этому способствовали ее регулярные вылазки за антиквариатом и прочими вещами.

Чуть приподняв проигрыватель, мужчина тут же продемонстрировал ей усилитель.

- Хорошо. Сколько ?

- Все за сто евро.

На минуту девушка задумалась. Такой прием она придумала, когда однажды торговалась за одну кованную полку, которая теперь красуется у нее же на кухне. Продавец внимательно посмотрел на нее, затем добавил.

- Вообще я хотел попросить сто пятьдесят. Но так как мы с вами наплали общий язык.

Ева внезапно почувствовала, искренность в голосе продавца. Сто евро были относительно большой суммой. Но она вот уже несколько недель не выбиралась никуда. «К тому же...раз Петер планирует повысить меня, я вполне могу побаловать себя.» - признавалась она сама себе. Стоя вплотную возле выезда на магистраль, девушка ждала Мике, которая должна была подъехать через минуту, забрав ее и купленную ей, тяжеленую коробку, вместившую в себя приличную пачку пластинок и новое аудиооборудование.

Мике все же не заставила себя ждать, хоть и вела себя совершенно безэмоционально. Настолько, что Ева никак не могла понять ее реакцию. Открыв дверь и помогая подруге усадить Будду, а затем закинуть массивную коробку в багажник своего «жука», Мике не проронила не слова. Что было и после того как включив задний ход она не выехала в общий поток машин. «Когда же случится взрыв ?» - думала Ева. С минуты-наА-минуту она ожидала услышать звуки разорвавшейся бомбы, которые бы изошли от подруги с мощным потоком вопросов. Мике не заставила себя долго ждать, но все же выдержав приличное количество минут наконец выдала.

- Так ты знаешь русский ?!

- Эм...да... - смущенно ответила Ева.

- Мммм... - Смущение. Злость. Все это читалось в продолговатом звуке.

- Не злись, дуручка. Не понимаю, что тут такого...

- Я просто думала мы подруги. Делимся с друг-другом всем. «Типичное женское поведение» - подумала Ева.

- Ну ладно...рассказывай, где ты его выучила.

- Я родилась в СССР, в 80-х. Там и выучила.

- Хм...

Мике старалась сохранить некий нейтралитет. Во всяком случае, именно это читалось на ее лице. К тому моменту, она благополучно выбралась из затора и въезжала в Маобит, откуда прямым путем собиралась доставить подругу до ее квартиры в Ораниенбургерштрассе.

- И значит ты свободно говоришь на нем ?

- Я не говорила на нем лет пять. Может даже больше.

- А почему перестала ?

- Не смогла найти достойного собеседника.

Мике тут же засмеялась. «Кажется, она начала таять.» - подумал Ева. И была права. Несколько минут подурочившись, они наконец оставили эту тему, хотя легкое напряжение еще витало в воздухе. Будто бы сигаретный дым, расплывшийся по машине, как только Мике начинала курить.

- И как будет по-русски «Привет, дурочка» ?

Ева в ответ засмеялась, хотя все же удовлетворив просьбу подруги, перевела фразу.

«Привет, дурочка.» - повторила за ней Мике... : - Нет, все таки странный у вас язык. Немецкий как-то по-проще, что-ли...

Еве не всегда давался немецкий. Она помнила себя в первые месяцы жизни в Берлине. Когда она только приехавшая сюда из только развалившейся страны, маленькой девочкой без друзей. Она помнит те первые ночи, которые она провела в старой квартире родителей, в само сердце города – лежа в постели без сил заснуть, она усаживалась на подоконник, любуясь на ночной город. Полный огней, он гипнотизировал ее сладким названием «Берлин». Это было что-то совершенно неведомое для девушки, и совершенно желанное. Как будто книга на верхней полке шкафа, до которой отчаянно хочешь дотянуться. Ее отчаянным желанием было понять этот город, увидеть его таким, каким видели немцы. И кажется за годы жизни, Еве вполне удалось это. Хоть она не воспринимала свой «успех» так глобально, как это делали сотни тысяч туристов, покупающих ее путеводители в аэропорту или в различных магазинах, с которыми у издательства был контракт. Раздумывая о своей жизни в этом городе, который теперь пролетал через стекла машины Мике, Ева ожидала того что подруга перебьет ее мысли, задав еще несколько вопросов. Но она все молчала. Или как обычно вставляла свои привычные фразы вроде «Черт! Опять пробка!» или «Гребаные туристы!» - что было обыденностью для нее самой.

«Жук» подъехал к дому Евы через двадцать минут после того как Мике забрала подругу с покупками. По ходу поездки Ева посматривала на подругу, лицо которой не выражало практически ничего. Она не знала как реагировать на ее обиду, разве что чувствовала усиливающееся чувство смущение в глубине живота. Она понимала, что пройдет несколько дней и Мике скорее всего забудет об этом, однако лучше всего было разобраться с этим сейчас, пока было время и она не затаила обиду на Еву.

- Ладно, давай сделаем так. Сейчас ты поможешь мне подняться, затем мы заварим кофе и поговорим. Ты задашь мне вопросы о том, что хочешь узнать, а я скажу тебе честно и безо всяких уверток...По крайней мере я постараюсь сделать.

Мике тут же нажала на тормоз, паркуясь под подъездом для машин.

- Знаешь подруга. - начала она, необычайно тихим голосом: — «Когда мне было двадцать, я в первый раз влюбилась в парня по-настоящему...Было как-то странно, что это случилось вот так. Понимаешь? Когда ты знаешь, что где-то есть человек, настолько похожий на тебя, что вы просто не можете находится, долгое время вдали друг-от-друга. Мне тогда было восемнадцать, а ему лет шестнадцать...В итоге мы с подругами как-то пошли и напились. Я плохо помню, что мы тогда делали. Скорее уж это я напилась. В итоге я начала рассказывать им о нем. Ничего такого, просто о том, что чувствовала. О том, как просыпалась утром и ждала эмейла от него, или звонка. Об этих ощущениях...Когда тебе настолько

хреново, когда кого-то нет рядом...В общем они посмеялись надо мной, сказали, что мне нужно держать мужика в кулаке, а не позволять ему вертеть мне голову. В целом, так я и сделала – и продолжаю делать сейчас. - она улыбнулась. Открыв дверцу машины, Мике нервно закурила, в то время как Ева выпроваживала Будду сидевшего на заднем сиденье.

- Ну а что было потом ?

- Потом ?...Ну...в общем закончилось все тем, что я наговорила ему лишнего и мы расстались. Я до сих пор не могу найти парня, который любил бы меня так, как этот мальчик.

Голос подружки слегка дрожал, а Ева тут же почувствовала укол совести за то, что раньше не рассказала ей о своем прошлом. Но для нее все было не так просто. Теперь она понимала, почему Мике так обращалась с парнями, заставляя их платить за такси или покупать себе дорогие украшения, шмотки, выпивку.

Хотя через несколько минут у Евы все же пропало первоначальное ощущение от смущения, после разговора с подругой. Мике все также вальяжно шагала, держа Будду за поводок, пока Ева шла сзади, волоча попку. Повернув замок, она как всегда по привычке надела плечом на дверь, после чего та открылась.

- Как всегда, плохо поддается? - услышала она голос сзади. Кажется, фрау Анна только что покинула свое жилище, отправляясь на привычную для нее предобеденную прогулку.

Старушка стояла позади девушек и с интересом смотрела на них, только что вышедших из лифта.

- Bonjour, фрау Анна! Как ваши дела.

- Здравствуйте. - в голосе Мике чувствовался некий холод. Ева поняла, что сейчас не стоит ее напрягать и впустив девушку в квартиру обменялась с пожилой дамой парой фраз.

- Как ваши дела ?

- Да в целом как обычно. Merci! Я в последнее время смотрю на твоего питомца и понимаю, что мне тоже не помешало бы завести кого-то такого...

- Может маленького пуделя ?» - предложила Ева. Она знала, что дама в прошлом была учителем французского, и временами перебрасывалась с ней парой общих фраз, что явно радовала старушку. «Са ва?» или еще что-то такое, были способны поднять настроение даме лучше любого комплимента ее внешности или манерам.

- Прекрасная идея!

- Я знаю один питомник неподалеку. Туда часто попадают маленькие животные...собственно, там я и нашла Будду. - пес явно не хотел заходить в жилище девушки. А послушно ждал ее возле двери, в то время как Мике уже успела, скинув свои каблуки, засесть на кухне в своей привычной позе: закинув одну ногу на другую, в вальяжной манере и держа кружку в другой – туда она по привычке струшивала пепел от сигареты.

«Милая старушка» - сказала Мике, увидев, как Ева зашла в жилище, захлопнув за собой дверь.

- Хочешь сейчас что-то послушать? - тут же продолжила она.

В холодильнике у девушки был виски, который она тут же разлила по бокалам. Ничего роскошного. Обычный «Jim Beam», который продавался в любом супермаркете ее устраивал. Без излишеств. Бутылка стояла полупустой в холодильнике уже полгода. От случая к случаю Ева натыкалась на нее, ища что бы перекусить поздно ночью, когда просыпалась после того как в очередной раз заснула, смотря сериалы. Эту бутылку она купила, когда еще встречалась с бывшим парнем – так что, как сама Ева подумала – это был хороший повод выпить немного.

Достав бутылку из холодильника, она тут же плеснула добрую порцию виски подруге, после чего налила столько же себе.

- Слушай, я вообще-то за рулем. - бодро сказала Мике.

- Ну...в крайнем случае, ты всегда можешь остаться у меня...Вспомни, сколько раз я ночевала у тебя?.

Периодически девушки все же выбирались в разные клубы. Мике танцевала с различными парнями, а когда это заканчивалось, выражала недовольство фразами вроде «Какой-то он странный.» После чего они вдвоем возвращались к ней в жилище, где Ева оставалась до следующего утра. Однако теперь у нее была причина быть у себя дома – питомец, который ждал ее. Ждал каждый раз как Ева возвращалась

домой, уткнувшись носом в ботинки своей хозяйки, либо же лежа на кровати или диване в гостиной, и каждый раз выбегая, как только она открывала дверь в квартиру.

- Ну хорошо...за что будем пить?

Будда тем временем крутился рядом, выпрашивая у хозяйки очередной вкусный стейк.

- За всех бывших...и будущих.

Мике засмеялась. Видя здоровый блеск в ее глазах, Ева тут же поняла, что отныне, скорее всего, все будет нормально. Она понимала, что вернувшись на работу, Мике и дальше продолжит вертеть своими «частями» около парней, таких как Матео. Либо же каких-нибудь совсем новеньких кадров из отдела рекламы, которых она «подчиняла себе», говоря словами самой Мике. Выпив достаточно виски и накормив неутомимого пса, девушки все же решили отойти от первоначальной темы разговора. Большую часть вечера Ева старалась увести подругу от разговора об отношениях, боясь вызвать новую волну эмоций или откровений. Стоя на кухне и готовя стейк питомцу и порцию мяса по-французски, девушка слушала рассказы Мике о первых годах работы в издательстве. О том, как в колледже она подрабатывала официанткой в разных барах. А после закрытия, шла в клуб «танцевала до упаду!»

- ...Помню как в начале 90-х мы с братом поехали в Мюнхен. Знаешь, смешно – родителям он сказал, что мы едем в поход в горы. А сам повез меня на концерт Nirvana...

- Оу...- Эта история была и впрямь сюрпризом для Евы. Прежде она не слышала, чтобы Мике говорила о какой-нибудь музыке в целом.

- Да...мы тогда отлично повеселились. Я помню, как стояла посреди толпы, слушала их и плакала! Так это здорово было. – Потоки туши на глазах Евы опять дали о себе знать. Она знала брата Мике, с которым они пересекались один раз. Старше ее лет на десять лет. Низкого роста, с обильной бородой. Но при этом всем, был одет в достаточно дорогой костюм и туфли. Ева точно не знала, чем он занимался. Они собственно виделись только один раз. Когда Мике, в очередной раз отсыпалась после бурной ночи, а внезапный звонок в дверь прервал Еву, которая во всю готовила яичницу на кухне.

«Привет! Где там моя сестра ? Мы вроде бы договаривались, что она присмотрит за Магали.» - тут же из-за спины показалась маленькая девочка. Одного взгляда Еве хватило, чтобы вспомнить себя такой, какой она приехала в этот город. Светлые волосы, одета в маленький костюмчик, вроде того, какие носят девочки в католических школах. Она выглядывала из-за спины отца, будто отчаянно боясь. А Ева в тот же момент перевела ожидание на парня. Выглядел он более ухоженным и спокойным чем Мике. Наверное, в какой-то момент он все же решил остепениться, в отличие от сестры, которая в все еще не могла определиться кто из многочисленных ухажеров ей

больше нравился. Эти воспоминания витали в голове Евы, словно давно забытый сон, когда голос Мике начал просачиваться через них.

- Ева...Ева... - голос был больно знаком. «Мике, что она здесь делает?» - подумала она тут же. Хотя через пару секунд до нее начало доходить, что Мике все же осталась у нее на ночь. Сквозь сон девушка ощущала, как ее легонько тормозят за плечо, на которое она, распластавшись на диване, оперла подбородок.

- Да, дурочка... - промямлила она сквозь сон.

- Ну открой глаза. - тихонько проговорила Мике. Казалось, она не хотела будить подругу, в то время как все сильнее трясла ее за плечо. Наконец, когда Ева открыла глаза перед ней показалось знакомое лицо.

«Должно быть она смыла косметику.» - было странно видеть подругу безо всяких эффектов, которые создавали на ее лице тени, тональники и яркая помада.

- Слушай, я побегу! Спасибо за вечер – увидимся завтра на работе!

- Да, хорошо. – Ева опять погружалась в сон.

Знакомое постукивание шпилек. Мике закрыла за собой дверь и ушла. Но дух ее присутствия в квартире остался. Ева слышала, как она вызвав лифт. Как спускалась вниз. После чего, сама, открыв глаза, наконец-то проснулась. Она не часто

пила, тем более два дня подряд. В последнее время девушка избавилась от множества привычек, которые следовали ей в юности: бросила курить, а также совершать глупые, необдуманные поступки. Возможно это и стало причиной ее периодических сбоев – когда перед принятием важного (или нет) решения, Ева несколько минут раздумывала уткнувшись взглядом в одну точку. В целом это было обыденностью для нее даже сейчас – когда она, встав с дивана, все еще смотрела как поблескивала ручка двери на свету, раздумывая над событиями прошедшего дня.

Будда еще не встал. Мике заняла кровать Евы, как почетная гостя, а пес как и всегда свернулся калачиком на краю кровати – там где Ева обычно могла погладить его, протянув правую руку и сразу же нащупав холку питомца.

Пройдя в комнату, девушка увидела, что ее питомец благополучно спал на кровати. Она была заправлена, а стаканы, которые они в спешке побросали на кухне, были помыты и убраны. Было видно, что Мике проснулась намного раньше Евы, и уже успела прибраться в спальне подруги, а также вымыть всю брошенную ночью посуду. В такие вечера они обычно усаживались и смотрели какие-нибудь фильмы. Хотя Мике все же редко ночевала у Евы – она была из тех людей, которые предпочитали комфорту или атмосфере уют собственного гнезда. Но сейчас подруги не было рядом, и умывшись, Ева могла продолжить начатую уборку. Ее волосы уже пару лет как были не такими длинными как раньше. Сейчас они спускались чуть ниже ее шеи.

«Такая прическа была у мамы...» - тогда маленькой Еве не было и пяти лет. И такой она запомнила ее лучше всего – любящей и заботливой. С годами ее забота никуда не девалась, но до сих пор Ева убеждала себя, что те годы были самым счастливым временем в ее жизни. Она еще не знала ни Берлин, ни языка, но отчаянно хотела выучить и узнать все на свете. Впитывая знания как губка, и барахтаясь в этой бочке, как лягушка из сказки, которую она слышала много раз. Приведя себя в порядок, девушка вспомнила, что уходя Мике лишь хлопнула дверь, не закрыв ее на замок. Это было первое задание Евы на сегодня. Обычно в ходе уборки она пылесосила ковры, затем проходила трубой от пылесоса по одеялам на диване. Будда не слишком сильно облазил, но все же его линька давала о себе знать. Повернувшись к небольшой кладовой, где она обычно хранила все вещи для уборки, Еве вдруг попала на глаза картонная коробка. Это была та самая картонная коробка, за содержимое которой она вчера заплатила сто евро. И которую до сих пор не удосужилась открыть. «Не хочу разбудить Будду» - подумала она и принесла коробку в гостиную, принялась рассматривать ее содержимое. Сама гостиная наверное когда-то служила еще одной спальней. Она была не слишком просторной, но достаточно, чтобы уместить потертый диван, найденный на помойке, пару тумбочек и письменный стол, нужный Еве для работы. Распластавшись на полу, она принялась распаковывать содержимое коробки. Первый выбор девушки пал на проигрыватель. Она аккуратно вытащила его и усилитель, поставив их друг-на-друга. Ева не слишком то и разбиралась в подобной технике, но имела представление о том, как нужно

подключать данную штуковину. По виду оборудование было не слишком старым. Даже наоборот. Оно выглядело достаточно ухоженным, будто бы кто-то хорошо заботился за ней. До определенного момента. А затем, решив продать все свои пожитки, упаковал вместе с пачкой пластинок и отправил на ближайший блошинный рынок. Колонки от аудиосистемы казались совсем крошечными, едва ли больше человеческой ладони, они похоже были самой новой частью «системы». Расставив колонки девушка принялась за пачку пластинок. Казалось, что внутри ее ждал приз, хотя в какой-то мере это было так. Вскрыв несколько слоев пищевой пленки кухонным ножом, Ева аккуратно удалила ее. Теперь пачка пластинок оказалась в ее руках и девушка могла перекладывать их так, как она сама того хотела. Пролистав первые несколько штук, она увидела несколько хорошо известных имен и названий альбомов. «Битлз – Револювер». «Студжиз – Дом Кайфа». Несколько пластинок Yes и Kinks похоже были английскими. С винилом Еве приходилось иметь дело всего несколько раз, помимо тех моментов, когда они с Мике посещали цветастые клубы, сияющие неонами, во тьме которого люди, будто одержимые, пульсировали под непрекращающиеся звуки эйсид-хауса.

Ева перелистывала пластинки до конца, как вдруг резко остановилась. Она не помнила на сколько так замерла, оставаясь неподвижной и смотря в одну точку на обложке пластинки. Пластинка темно-лилового цвета, с выведенным на ней названием «Неврология». Эту группу она знала лучше, чем кто-либо. От этой группы она фанатела всю свою

подростковую жизнь. Тем не менее, ни эту надпись, ни звуков ее музыки, девушка не слышала больше пяти лет. Она с горьким ожиданием ждала момента, как только где-то всплывает название этой пластинки с фотографией на ней. Казалось, что снимок был сделан на одном из концертов группы. Повсюду свет и прожекторы. Фотограф скорее всего забыл навести фокус из-за чего изображение человека на обложке пластинки выглядело слегка размазанным. Одетый в рваную одежду, он, казалось, что-то увлеченно играл на бас-гитаре. Которую она так часто видела в детстве. Девушка помнила запах этого дерева, звуки, которые издавали эти струны. Все воспоминания, нахлынувшие на нее в один миг, выплеснулись в виде мощного потока слез. Она плакала тихо, практически не слышно, несмотря на, то что внутри себя, будто запертой в клетку, она кричала. Ее голос звучал настолько сильно, что мог оглушить любого. А слезы заливали всю «клетку» из плохо сваренного железа. Открыв глаза, Ева судорожно вытащила пластинку и поставила ее на проигрыватель. Включив усилитель не слишком громко, девушка тут же поставила иглу в самое начало плоского черного диска – там, где звукорежиссер нарезал несколько басовых канавок, которые с легким тресканьем оповещали о начале работы проигрывателя. Через несколько секунд воскресную тишину ее комнаты нарушил голос, который она так хорошо знала. В свое время его называли «голосом поколения», а стихи, которые он пел - «гениальными». Девушка никак не могла понять причину этой популярности, ведь для нее этот человек, не попавший в фокус фотоаппарата и сейчас нарушавший воскресную тишину ее души, был ее отцом.

Сжавшись в позе эмбриона на полу, она продолжала плакать, слушая этот мягкий и такой привычный голос. Они с отцом не общались уже много лет. Может быть пора было ему позвонить, но она просто не могла сделать это – за что и корила себя. Он в свою очередь тоже ей не звонил, давно расставив их отношения по полочкам, которые фактически исчезли за те семь лет, что они не общались. Пару раз его изображение всплывало по телевидению, во множестве репортажей, где какой-нибудь музыкальный критик отмечал рекордный прирост популярности группы или же возвращение какой-нибудь пластинки в чарты на «сто недель». Или же кто-то из отдела дизайнеров обсуждал одну или же несколько ранее неизданных песен, сразу же заставив девушку удалиться в уборную, где она приводила в порядок уже как следует растекшуюся тушь. Сейчас спустя столько лет, она снова чувствовала уколы совести. Его голос резал ее как нож, заставляя вспомнить все те моменты, связанные с ним, которые она предпочла забыть. Но теперь, будто кто-то вскрыл ей живот, вытащив это приторное чувство самоуничтожения наружу, где оно начало поедать ее. Она не звонила и не писала ему. Ева даже точно не знала где он сейчас живет. Хотя все же она знала точно одно – отец явно не хочет ее видеть. Да и у нее самой не было особого желания.

За пол часа, которые девушка посвятила самоуничтожению, пластинка полностью доиграла. Она лишь один раз отрывалась от собственных мыслей – чтобы перевернуть черный диск на другую сторону. Но услышав знакомый

щелчок, Ева опять встала и перевернула его назад – на те басовые канавки, в самом начале.

- 197... -

В прошлом месяце вместе, с очередной покупкой у Федора, нам с Игорем попался в руки диковинный западный журнал. Федор, точно знавший откуда он пришел, утверждал, что издание было американским, хоть никто из нас никак не мог это проверить. Тем не менее он, похоже отчаянно пытался избавиться от новой находки. Прошло уже около года, с тех пор как мы купили у него тот самый альбом Sex Pistols. Периодически Игорь заявлялся ко мне с намерением послушать пластинку, или же просил дать ему ее на выходные, когда у него в очередной раз собирался народ, а он, я и Сеня, усаживались на кухне и пили принесенный Зельцыным портвейн, разговаривая о том о сем. Ребята то ли дело появляющиеся в квартире Игоря, слушали этот альбом с упоением, с таким же самым, с каким мы слушали его в самый первый раз – там, дальше по коридору, сидя на корточках и сжавшись каждый в свой угол.

«Ну так что там, у тебя, здоровяк?» - начинали мы расспрашивать Сеню. В последнее время, он отказывался от различной работы, вроде оформления строящегося Дома Культуры или росписи музыкальной школы, посвящая все свое время свободному рисованию. Совет художников как мог пытался впрячь его на работу. А старый товарищ – художник Петренко, подбрасывал стоящие заказы, от которых он все также отказывался. Его основной заработок в последнее время составляла маленькая галерея «Бубновый Валет», где художник начал выставлять свои работы.

- В последнее время в мире появился интерес к работам советских художников. Я видел, как немцы приезжали туда, смотрели что-то, выбирали. Хотя...должно быть это были те немцы, которые работали где-нибудь у нас. Но факт-фактом. Немцы, выискивают стоящие картины. А через пол часа покупают мою! - радовался он.

Мы с Игорем все чаще начали слышать рассказы о том, что интерес к нему, со стороны Союза художников становился намного больше.

- ...Петренко предлагает мне устроить выставку в «Доме Художников». Сказал, что это хорошая возможность, хотя бы показать что-то из моего, вам ребята.

- Попробуй. Почему нет?

- Да вот и я думаю... - здоровяк задумался.

Мы как обычно сидели у Игоря на кухне, в то время как его квартира как обычно продолжала наполняться различными людьми, которых я мало знал. На проигрывателе по обыкновению крутилась пластинка, однако в отличие от привычных нам Sex Pistols, которых мы уже успели вдоволь послушать — это было что-то совершенно новое. Федор утверждал, что группа была еще старше чем «Пистолз», хоть и не была такой «крутой» в его понимании. Но к тому моменту Sex Pistols знали все. В перерывах между парами, я часто спускался в «курилку» с одноклассниками где слышал общефакультетские разговоры. Сам я к тому моменту не курил,

как и половина из присутствующих. Тем не менее, постепенно панк начал развиваться. Я спустился по лестнице пару дней назад и как обычно прошел в курилку с несколькими сокурсниками. Мы не были слишком близки, однако так как все учились вместе, то все знали друг-друга. Музыка была у всех в сознании, где бы мы не находились. После того как мы с Игорем и Левой начали играть вместе, эта болезнь заразилась и меня тоже. Это не было чем-то слишком монументальным. Несколько аккордов сыгранных под мой глухой перебор струн и барабанные партии вдруг оживляли все пространство, предавая этому моменту больше значимости. Но несмотря на все наши старания, лежа ночью в очередном «приступе бессонницы», я все же понимал, что такой высоты как «Пистолз» нам никогда не достичь. «Пистолз» в один миг стали для нас всем, чем только могли.

Услышав звонок в дверь, Игорь отошел. Присмотревшись в глазок, он сделал музыку чуть потише и закрыл дверь в свою комнату, после чего выпустил несколько новых человек. После порядочного числа портвейна, который мы распивали на кухне, я переставал замечать поток новых людей. Лица в моем сознании расплывались, а рассказы Зельцына, в свою очередь, становились только детальней.

- Ребята, слушайте. Вы уже больше полугода что-то там играете в консерватории. Может вам уже выступить наконец-то?

Мы втроем репетировали уже полгода, за которые пытались выучить несколько песен Sex Pistols под контролем Игоря, который лично следил за каждым инструментом, а сам

подыгрывал на акустической гитаре, найденной у себя в квартире.

- Мы еще не так хорошо играем. - ответил Игорь. Я поддержал его кивком.

- Почему? Уверен вы отлично играете.

- Сенья, но ты не слышал нас...

- Ну так у вас будет повод! Послушайте, мне это предложил товарищ Петренко. По-моему, это вполне себе неплохая возможность. К тому же, на выставке будут только «свои».

Подобный ответ предполагал, что выставка будет проходить в позднее время, а число приглашенных будет ограничено. Пару раз нам приходилось слышать о «квартирниках», хотя до сих пор мы не понимали, что они из себя представляют.

- Ты хочешь сказать, что это будет «квартирник»?

Он рассмеялся, затем, немного подождав, все же ответил мне.

- Скорее галлереиник. Но да, не вопрос. Мы и билеты можем продавать. Петренко все устроит!

Фраза, произнесенная с должной интонацией, казалось бы, должна была меня успокоить, хотя на самом деле не делала ничего такого.

- Ну что, готовы ? - сказал он здороваясь с нами. Зельцына кажется совсем не волновал наш дебют на сцене. Да и свой грубо говоря тоже. Он был как всегда спокоен, как всегда с хорошим настроением и как всегда курил свои привычные сигареты. Но если в обычные дни — это были какие-нибудь самокрутки, то похоже сегодня художник разжился дорогими импортными сигаретами. Вроде тех, на которые я выменивал страницы из журналов, купленных у Федора.

Игорь с Левой к тому моменту уже должны были подвести все оборудование в Дом Художников. Бас-гитару и гитару он все же умудрился одолжить в консерватории, поручившись за них собственным именем. Я знал, что преподаватели учебного заведения хорошо знали его, и его отца, поэтому не удивлялся такому исходу. Леве же пришлось потрудиться значительно тяжелее. Собственной установки у него не было, разве что барабан и несколько тарелок, необходимых для более или менее примитивного звука. Мы все понимали, что до уровня «Пистолз», нам все же далеко. Но все же шли туда с эдаким приподнятым чувством.

Дом художников, находился на отшибе от всего мира. Мы не знали точно как им удалось занять это место, но все же так и вышло. Пройдя несколько метров по дороге от остановки, мы углубились в небольшой переулок, где по одну сторону частично располагались частные дома — одноэтажки, которые еще не успели вобрать в себя дух перестройки, сохранив этот, такой манящий, такой первобытный вид. С другой стороны

улочки, по которой мы медленно шагали, расположились новостроенные дома, будто бы соединяющие это пространство в одно, и в то же время отделяя его от границы центральной части города. Дом Художников располагался в одном из таких домов. Мы не знали точно куда идти, лишь Сения, который к тому моменту успел выкурить несколько сигарет, то ли дело оборачивался говоря: «Нам сюда» или «Идете?». По виду это был самый обычный новострой, как те, которые стояли до него. Хотя все же он отличался значительно. Мы подошли к дому с задней части фасада и увидели, что на уровне окон первого этажа расположилось крыльцо, значительно выступающее вперед. Казалось это был отдельный подъезд к дому, о котором знали лишь немногие.

- Пришли! - объявил Зельцын.

Я оглянулся и посмотрел на Игоря слевой – их должно быть так же удивил вид этого места, как и меня. Я никак не мог ожидать, что Дом Художников, в котором Сения проводил так много времени, будет располагаться в таком неподходящем месте. Постепенно мы подошли к крыльцу, и я смог детальнее разглядеть вход в само место.

Крыльцо, наминавшее клетку состояло из гранитных ступенек и сваренной из частей различного забора «калитки», которая закрывала вход во внутрь. Внутри самой «калитки» расположились несколько диванов и плетеное кресло, на которых судя по всему отдыхали художники. По крайней мере один из них точно. Сения быстро вбежал на крыльцо и принялся общаться с «кадром», занявшим почетное место в плетеном

кресле. Вывареная футболка, кожаная жилетка и очки, наподобие тех, которые я периодически видел на радиорынке. Длинные волосы и усы безусловно украшали это выразительное продолговатое лицо. Владелец усов, подобно Зельцыну, курил похоже такие же сигареты. Это был первый раз, когда я видел «товарища Петренко» вблизи, по крайней мере ближе чем на расстоянии двадцати метров. Увидев нас, художник чуть встал и не снимая очков поздоровался с каждым.

- Это вы группа ?

- Да-да, это они. - сказал Сеня, обнажив все два ряда зубов.

Петренко казалось волновался, хоть по нему этого было почти не заметить. Наконец-то докурив сигарету, он притушил бычок о стену позади себя, и выкинул в рядом стоящую банку из-под чая.

- Ладно. Пошли, все вам покажу, ребятки. - сказал он, уводя нас в глубины здания.

Казалось, дом художников занимал небольшое пространство, но на самом деле расположился он более чем на три этажа.

- ...мы заняли это пространство пару лет назад. Тогда пришлось здорово повоевать с комсомолом и с партией. Мол мы художники, тоже люди, вот и дайте нам какое-то место. Сам дом этот предназначался для работников театра и прочих чуваков, поэтому я думаю, они были не против того, чтобы мы его заняли...

Рассказывая историю Дома, художник все глубже уводил нас в его недра, будто бы давая рассмотреть каждую его деталь. Холл был пустой и ничем не примечательный. Завернув налево, он тут же окунул нас в целую галерею. Картины самых разных размеров, увешивали эту комнату, в то время как маленькое окошко, расположившееся возле самого потолка, пропускало лишь маленький лучик света, освещая всю эту красоту. Петренко шел не останавливаясь. Он знал каждый закоулок в этом доме, каждую мышиную норку. По крайней мере так мне казалось. То ли дело кто-то из нас останавливался, а Сеня, шедший сзади, подгонял ребят, давая понять, что подобные экскурсии в доме устраиваются не часто. Периодически и я отвлекался на очередное диковинное произведение искусства, мелькавшее перед глазами. Индейский тотем, вырезанный из цельного куска дерева, змея, сделанная из куска фабричного металла. Художники находили применение любому невзрачному мусору или же брошенным вещам.

-...В общем, воевали мы с ними так полгода где-то. Потом начальник партии говорит, что хорошие ребята, благое дело делают. Видите, как стены украсили! А я тогда еще только начинал этим заниматься. В итоге одному из персонажей – какому-то рьяному комсомольцу, которого мы рисовали на фасаде технического университета, пририсовал значок мира. Краска почти такая же как и на рубашке. Я тогда был ярый борец за мир во всем мире. Сейчас и им конечно остаюсь! Но поутих...в итоге этот знак мира так и висит на парне. До сих пор не понимаю, как его не заметили!

Через несколько поворотов внутри здания, товарищ Петренко подошел к небольшой винтовой лестнице, круто уходящей вниз. Постепенно мы друг-за-другом спустились за ним и оказались на нижнем этаже здания.

- Здесь правда бывает сыровато. Но рядом котельная, так что сейчас в помещении должно быть, как раз нормально.

Художник, обвел рукой абсолютно темное помещение. Свет внутри отсутствовал, а сырость, стоявшая в воздухе, говорила о том, что «выставочный зал» был некогда заваленным подвалом, который несколько художников превратили в настоящую галерею.

- Подождите, сейчас включу освещение – сами все увидите.» - сказал он и щелкнул массивным выключателем. Помещение миг осветилось и открыло нам все потаенные углы. Оно было не слишком широким – уходя далеко вперед, оно в той или иной степени подходило для «подпольного галерейника». К тому моменту, все казалось было готово к концерту. На стенах в достатке висели картины молодого художника Арсения Зельцына, а наша барабанная установка стояла метрах в пятнадцати от нас. Тусклый свет, отражался от начищенных до блеска тарелок, которые, как и вся установка благополучно проделали путь на троллейбусе номер восемь, рядом с конечной которого и жил Лева, до галерей, располагавшейся в двадцати минут езды от его дома. Петренко тем временем молчаливо стоял, наблюдая нашу реакцию. А Сеня вышагивал по порядку стершемуся, дощатому полу, внимательно высматривая каждую работу. Он подходил к

отдельным картинам и поправлял рамку, затем отходил на несколько метров назад, рассматривая результат. Он не выглядел взволнованным, но явно хотел, чтобы все прошло как нужно, даже в таком помещении. На недавно окрашенных стенах уже появилось несколько разводов – вследствие сырости, а маленькие, окна, освещавшие этот «подвал», были завешаны кусками ткани.

- Ребята, в общем, вы тут осмотритесь. Единственное что – мне нужно, чтобы кто-то помог мне спустить колонки вниз.

Принявшийся изучать помещение Игорь не выглядел взволнованным. Временами он бросал взгляд на картины, висевшие на стенах «галереи». Натюрморты, карандашные наброски, вставленные в рамки. Здесь было практически все, что я видел или мог видеть в зарисовках Зельцына за последний год.

- Ну как тебе? - слышалось у меня за спиной. Автор выставленных работ незаметно подкрался ко мне, не оставляя и шанса уйти от разговора.

- Нормально.» сказал я рассматривая прикрепленную подпись с названием работы «Партия»

-Рад что ты доволен. - продолжил он свою экзекуцию.

Обернувшись, я посмотрел на ребят. Игорь стоял в самом начале зала, беспечно рассматривая одну из картин. Лева кажется удалился, выполняя просьбу художника с колонками.

-...Я задумался – что из этого всего выйдет?

- Ты это о чем?

- Ты сам говорил, что нас могут посадить за ту пластинку «Пистолз». А здесь мы будем играть эту музыку.

- Ну так одно дело играть, а другое дело иметь эту пластинку дома...Хотя ты в общем прав, разница есть. Но не волнуйся. Мы с Петренко позаботились чтобы здесь были все, только свои.

Перед концертом, Сеня пару раз показывал мне отпечатанные на машинке билеты. Бумага легкого каштанового оттенка. Казалось, что лента машинки, на которой их напечатали уже давно стерлась, но все же художники умудрились напечатать надписи, используя лишь расплывчатый контур букв. «Персональная выставка Арсения Зельцына. Живая музыка. Цена билета 1 рубль 50 копеек.»

Сзади слышался звон и дребезжание шаткой лестницы. Но все же было заметно, что в свое время какой-то сварщик изрядно потрудился, собирая ее. Старые гаячные ключи были приварены к перилам, добавляя им и без того сильного шарма. Постепенно в подвале показалась голова Левы, который идя впереди художника, спускал вниз две массивные колонки, из-за нагромождения которых, лишь виднелась макушка его головы. Петренко же шел сзади Левы, придерживая груз одной рукой и держась за шаткие перила другой, он постепенно спускался вниз, сияя своей длинной шевелюрой, по длине не уступавшей

привычной причёске Марка Болана. Пройдя несколько метров, Лева, ведомый художником, опустил массивные колонки на пол, где тот принялся их выстраивать, располагая на разной дистанции от нашей допотопной ударной установки.

- Так, ребята. Я думаю вы тут сами разберётесь. У нас еще есть пара часов, до начала прихода гостей. «Калитку» я закрыл. Как только люди соберутся – мы услышим звонок. А теперь – пойдемте немного передохнем.

Минуту-другую, Петренко вел нас обратным путем – обходя множество завешанных картинами комнат и скульптур, вроде тех тотемов, которые я так старательно изучал. В этот раз он не говорил ничего, а я лишь раздумывал чем же заняты мысли этого здоровяка. Хотя я не был уверен, что могу так спокойно его называть, даже в своих мыслях. Он был не таким толстым как Сеня, который благодаря солидному весу, мог вполне сойти за какого-нибудь секретаря партии. Но ростом он был выше нас всех. Настолько, что проходя мимо дверных проемов слегка нагибал голову, судя по всему в привычке. Через пару минут ходьбы по закоулкам дома Художников, мы вновь вышли в то самое помещение, которое из себя представлял холл. В углу были свалены два гитарных чехла, на которые я прежде не обратил внимание. А белые стены отдавали легкой мрачностью.

- А...- протянул художник. И добавил: - Заря моя!

Из конца белого коридора к нам шла девушка. Ей было чуть больше двадцати. Худошавая, как и художник, больше подходившая под определение «чувиха», чем «девушка». Длинные темные волосы, доходившие почти до талии только украшали ее. На волосах, на уровне лба, красовалась сложенная в несколько слоев бандана. Такая же вываренная футболка как у художника, такие же порванные в нескольких местах джинсы, и босые ноги. Подойдя к художнику, она нежно обняла его, после чего последовал поцелуй.

- Ребята, это моя супруга. Кэт – это ребята. Они будут выступать сегодня на выставке.» - его голос звучал безэмоционально, в отличие от ее веселого и звонкого. Подойдя к каждому из нас Кэт, обняла нас всех, включая Сеню, которого уже должна была давно знать.

- Я приготовила обед.

- Ты - супер! Что на обед ?» - внезапно вмешался Зельцын.

- Блины с медом. Весной Кэт их часто готовит.

Кухня в доме художников совсем не походила на «галерею», из которой мы только что поднялись. Хорошо освещенная, с множеством окон, она выходила на ту часть дома, которая казалось бы была хорошо освященной в любое время дня и ночи. Справа от входа стоял холодильник, а чуть дальше располагался длинный стол, который как нельзя лучше подходил для жилища художников. Легкая полиэтиленовая

скатерть была уже заставлена блюдом с несколькими слоями блинов, а также тарелками.

- Садитесь, ребята. Сейчас я достану еще тарелок. - привстав на цыпочки, Кэт потянулась к верхним ящикам. Солнечный свет тем временем уже достаточно напитал всю кухню, сделав ее еще уютнее для непрошенных гостей, каким мы в одночасье стали.

- Кто-нибудь из наших еще будет присутствовать? - спросил Сеня.

- Стрелочкин вроде бы был на месте. Но он как всегда, закрылся в комнате.

Мы с Игорем и Левой заняли одну половину длинного стола, а супруги и севший от них по правую сторону, Сеня – другую. Зельцын окинул нас взглядом и прервал разговор.

- В доме художников живут несколько человек. Кто-то из них как Кэт и Алексей живут здесь все время. А кто-то периодически.

- А Стрелочкин...ну такое...» - продолжила мысль Кэт.

- Стрелочкин – это вообще странная личность. - прервал ее Сеня: - Он скульптор. Периодически живет тут. А по большей части – работает где-то в котельной. Весь зимний сезон...Он мне как-то рассказывал про то, как говорил с камнями....

Мы рассмеялись. Казалось бы это должна была быть одной из стандартных историй в наборе Зельцына. Да и я был уверен, что Петренко и его супруга давно слышали.

Еще пару минут все сидящие за столом спокойно общались. Сенью похоже вообще не интересовали блины, которые мы с превеликим удовольствием поедали. Кэт то ли дело подкидывала к каждому на тарелку еще парочку, поливая их густым слоем меда. Ей похоже действительно было По душе это блюдо, в отличие от Сени, который изнывал от желания выкурить еще одну сигарету.

- Так значит вы ребята группа ?» - с интересом спросила она нас. Петренко тем временем молчал. Его, казалось, вообще никак не интересовал данный разговор. Да и сам он был похож на человека, который лишь физически присутствовал в том или ином месте, в то время как разум его витал в совсем другом мире. Переведя взгляд с него на Кэт, я внимательно вгляделся в зеленые глаза, смотревшие на меня. Игорь и Лева тем временем увлеченно дожевывали очередную порцию блинов, в то время как я сам еще не приступил к ним.

- Похоже на то...

- Это достаточно странно...

- Почему ? - опять вмешался Зельцын.

«Ну...наверное потому-то сейчас не слишком то много групп.» - сказала она, откинув волосы. Я наблюдал за этой девушкой, который блистала своим изяществом на все вокруг. Она

откинула свои темные волосы и принялась разрезать блины ножом и вилкой, в отличие от нас, которые ели все руками.

- В целом ты права...Только они панк-группа. А таких уж поверь, нет в наших краях.

- Ну тут ты дело говоришь - сказала она, с определенным очарованием. Колкие реплики Зельцына, которые он как мог, пытался сделать более заумными, отскакивали от этой девушки.

- А как вы называетесь?

- Ты о чем ? - вдруг подал голос Лева.

- Группа же должна как-то называться... - закончила она мысль.

Мы с ребятами переглянулись. Сеня вдруг задумался, а я, Игорь и Лева, как следует напряглись.

- Знаешь, мы об этом как-то не думали...Точнее не то чтобы не думали...просто времени не было.

- Игорь, дорогой, эту проблему можно решить в один момент.
- нервно сказал Сеня.

- Тебе есть что предложить?» - Зельцына рассердил его вопрос. Здоровяк заскучал и судя по всему принял этот вызов без особого труда.

- Ладно, хорошо, Игорь. Александр, в каком отделении работает ваша мать? - сказал он обращаясь ко мне.

- Называй его Алекс...Так же лучше. - поправила его Кэт.

Я никак не учувствовал в разговоре. Но теперь все посмотрели на меня. Даже Петренко, который до этого момента был занят двумя вещами – блинами и своими мыслями.

- Неврология...

- Ну вот вам и название группы! «Неврология» - это очень хорошее название. Как все просто! - смеялся Зельцын от своего превосходства над остальными.

Да. Хорошее название для группы. - добавил Петренко.

На минуту я задумался, действительно название было хорошим. Чертовски, мать его, хорошим. Просто отличным! Повернувшись к ребятам, которые в трансе уставились на Сеню, я понял, что действительно, оно идеально подходило нам - хоть этого никто и не сказал.

...Стрелочкин мне на неделе показал новую скульптуру. Планирует ее музеем продать, как я понял. Во всяком случае – слишком уж она большая для «Бубнового Валета».

- Ну так можно сделать фото. » - Зельцын открыл одно и закурил еще одну сигарету из добытой им пачки импортных.

- Да, я ему так и сказал, на что он ответил, что его «Икар» явно больше подойдет для музея.

Они вели беседу на темы, которые мы никак не могли понять. Скульптуры, живопись, состав красок. В какой-то момент Сеня перескочил на тему политики – уже ближе к концу, когда почти докурил свою импортную сигарету, превратив ее в полубычок.

Кэт тем временем благоговейно уставилась на дно кружки, наполненной уже остывшим чаем. Она была похожа на художника, разве что уходила в свои мысли не так глубоко. Нередко она бросала «нежные взгляды», окидывая взором сначала супруга, а затем и Зельцына, кутившего возле подоконника.

- Ребята, вы как-то вы слишком заскучали. - обратился к нам Петренко. Это был первый раз, когда он по-настоящему улыбнулся, в моем присутствии.

- Давайте поставлю пластинку. Заря, ты не против?

- Конечно. Поставь им ту, новую!

На несколько минут он ушел из комнаты, погрузив кухню в молчание. Поднимаясь по лестнице на третий этаж, я обратил внимание на такие же ряды комнат как на первом этаже. Длинный холл разводящийся во множество сторон, каждая из которых хранила свой неповторимый секрет. Постепенно до нас начали доходить знакомые звуки. Треск басовых канавок на проигрывателе, а затем и музыка. Это было, наверное, самое странное, что я слышал. Звуки никак не походили на привычный нам с детства хард-рок. Было что-то другое, совершенно аутентичное.

- Нравится? - спросила нас Кэт, через пару минут.

- Что-то знакомое. Что это? - Игорь был ошарашен этой музыкой не меньше меня. Конечно, мы уже порядочно привыкли к «Пистолз» и не слушали другой музыки.

Периодически мы с ним покупали разный панк, который попадался в малом количестве – вроде разных сорокопяток, либо же альбомов, за которые Федор просил непомерно высокую цену.

- Hawkwind. - ответил Петренко. Музыка играла не слишком громко. Судя по всему, дабы не раздражать соседей, этими звуками, доносящимися через открытое окно.

- Все нормально. Соседи у нас хорошие. Здесь в основном живут музыканты. Дирижеры, пианисты. Они и сами любят послушать что-то на полной громкости. Поэтому психоделом их не удивишь. - Кэт будто прочтала мои мысли, сидя напротив меня и все также, помешивая ложкой чай.

Через час я открыл глаза и как следует проморгался. Это был один из тех моментов, которые периодически наступают у людей. Когда ты стоишь и думаешь «Кто я и что я здесь делаю?» - однако у меня в голове не было этого вопроса. Это было лишь волнение, которое чувствовалось в животе и всем теле, проявляясь в виде легкой дрожи по всему организму. Свет больно резал глаза – должно быть это было следствие моей продолжительной бессонницы. Но сейчас я старался об этом не думать, обходя взглядом потолочные лампы и рассматривая посетителей галереи. Вокруг было около двадцати человек. Они все казалось не замечали трех человек, стоящих посреди «галереи» с инструментами. Зельцын стоял в самом начале, возле лестницы, приветствуя каждого и вместе с Петренко проверяя билеты. В то время как количество людей все увеличивалось. Каждый из них чем-то походил на художника,

чем-то на Кэт, и чем-то на Сеню, который как всегда вел задушевные разговоры с многочисленными знакомыми. Парни и девушки в вываренных футболках, джинсовых куртках и таких же как у меня джинсах. Кто-то пришел в порванных на коленях брюках, демонстрируя свою неизменную любовь к хиппи культуре. Кто-то как Кэт, носил множество фенечек на руках. Она сама тем временем прогуливалась по дощатому полу. Все так же босиком. Периодически подходя к некоторым и душевно, как и нас тогда, обнимая посетителей. Петренко подходил ко мне пару минут назад — только тогда он вспоминал о том, что мне понадобится микрофон, который он собственно и соорудил за пару минут отсутствия. Судя по всему, микрофонной стойки в Доме Художников не было, поэтому художнику пришлось использовать подручные средства, как он сам выразился. Микрофон был примотан солидным слоем изоленты к стандартной треноге, которую обычно использовали фотографы. Конструкция казалась устойчивой и вполне пригодной к работе, хоть мы так и не опробовали ее. Игорь слевой тем временем стояли позади меня, все также рассматривая работы.

- Ты как, все нормально ? - спросил я у Левы, озадаченного отсутствием стандартного набора барабанов, на которых играл в оркестровой.

- Все путем, Алекс. — а затем добавил: - Смотри, Петренко опять идет к нам.

Мы все обернулись и переключили внимание на художника, который быстрым шагом двигался к нам.

- Уже почти все пришли. Я сейчас буду объявлять вас. Вы как, готовы ?

- Да... - Игорь перебирал струны гитары. Колонки были выключены, но несмотря на это, ему все же удавалось привлечь внимание одного-двух человек.

- Хорошо. - художник внимательно обсмотрев нас всех: - Слушай, ты как, нормально ?

- Бывало и лучше. У меня в последнее время бессонница. Глаза сильно устают. - Петренко давно заметил мои покрасневшие белки глаз, но после моего ответа призадумался.

- Понимаю тебя...Ну, из того чем могу помочь, могу предложить только это. — он достал из кармана жилетки солнцезащитные очки-крутяши.

Очки сели ко мне на переносицу. Не так чтобы полностью закрывать лучи света, но достаточно, чтобы белки глаз ощутили облегчение. Дискомфорт сразу исчез, а цвета потускнели. Я обернулся посмотреть на художника, который о чем-то переговаривался с Сеней. Они, похоже, были готовы начать эту выставку. Хоть казалось посетители за двадцать с лишним минут уже давно должны были все внимательно изучить. Но несмотря на это, люди периодически подходили к определенным картинам, рассматривали их, затем проходили дальше. То ли дело попадался кто-то, выделявшийся из толпы хиппарей, заполнивших галерею — мужчина или женщина среднего возраста, одетые в костюм, которые с интересом

рассматривали ту или иную работу молодого художника, переводя взгляд с картин, развешенных на стенах на нас. Лева сидел за ударной установкой, готовый начать играть, равно как и Игорь, который переминался с одной ноги на другую. Перед выступлением, Кэт наредила им глаза черной подводкой, сделав ребят похожими на эдаких мрачно-диспрессивных клоунов, решивших начать карьеру музыканта. Посетители периодически окидывали меня любопытными взглядами, рассматривая мою, «декорированную» молодым художником Арсением Зельцыным, рубашку. Левый рукав был надорван, открывая плечо черной футболки, которую я хранил для будущих занятий физкультурой. Лицевая часть рубашки была украшена множеством красочных пятен, которые художник нанес, размахивая кисточкой в разные стороны.

- Я начинаю. - сказал Петренко подходя к нам.

- Итак, господа! - сказал он и все внимательно затихли. Толпа постепенно собралась вокруг, переводя взгляды с нас, скромно сгруппировавшихся в одном месте на художника.

- ...Я рад приветствовать вас всех на ПЕРВОЙ!...Персональной выставке человека которого мы все знаем... - на секунду он застыл, давая присутствующим переварить услышанное. И продолжил: - ...Арсения Зельцына. Сеня, подойди-ка сюда!

Зельцын тем временем подбежал и занял второе почетное место – справа от товарища. Я слегка выпятился, вперед смотря

на лестницу, по которой неумолимо спускались люди. Несколько человек, тут же подоспели к общему собранию, став поодаль от самой толпы. Увидев их, Сеня кивнул ребятам, после чего переключил внимание на коллегу-художника.

- ...на данной выставке представлены работы, сделанные нашим мэтром за более чем два года. Масло, акварель, карандашные наброски. Кажется, товарищ Зельцын изрядно попотел все это собирая, так что давайте поаплодируем юному художнику.

Послышались аплодисменты.

- ...А теперь, предоставляю слово моему коллеге.

Петренко неспешно зааплодировал, после чего сделал шаг назад уступив свое место Сене. Его шаг был пропорционален несколько для здоровяка, который слегка покраснев, перенял лавры главного художника на сегодня и накачав грудь воздухом, принялся к своему привычному повествованию. Говорил он громко и внятно, хоть и делал это не так как Петренко. Тот, в отличие от Сени не старался расположить людей к себе. Они все слушали этого великана, который лишь одним своим ростом привлекал внимание зрителей. Я постепенно перевел взгляд с Петренко, который скромно стоял позади глаголющего Сени и постепенно померк в стеклах моих очков. Свет уже не так резал глаза, но я все же периодически закрывал их на пару секунд, давая себе возможность проморгаться.

Игорь вдруг похлопал меня по плечу:

- Похоже, он сейчас начнет. Запомни - Лева делает три удара палочками, как мы репетировали. Потом вступаем.»

- Понял.

Я перевел внимание на Зельцына, который тем временем кажется подходил к концу своей тирады.

-...В заключении, хочу поблагодарить всех, кто пришел сегодня. И...Ах, да! Сегодня нас музыкально поддержат мои гости и хорошие друзья – группа «Неврология». Давайте ребята!

Прошла, наверное, доля секунды между аплодисментами зрителей и тем как Лева три раза ударил палочками над головой. Все будто застыло, а время превратилось в камень. Я поворачиваюсь посмотреть на ребят. Игорь уже вздернул руку в сладком ожидании сыграть первые несколько аккордов, а Лева тем временем разгоняет воздух над головой ударяя палочки одну о другую. Через сотую долю секунды мы начинаем играть. Я плохо понимаю, что происходит, лишь в беспорядке дергаю струны, не обращая внимание на спадающие на лицо волосы. Их я не стриг уже год. Год, который прошел для нас под девизом «Анархия в СССР». Мы каждый день слушали «Пистолз» и не думали, что когда-нибудь станем такими же. Или хотя-бы наполовину похожими. Но вот я стою здесь, ощущая подошвой обуви этот уже потертый, дощатый пол. Люди начинают отходить от нас, то ли в панике, от громкости звука, который фактически доходит до предела, то ли в желании еще раз взглянуть на работы, под звуки панк-

рока. После десяти ударов я начинаю петь. Строчки плохо ложатся в голове, а мои руки сильно потеют.

Сквозь солнцезащитные очки, которые уже порядком сползли, оказавшись на самом кончике носа, я наблюдаю за публикой. Вот Сеня, стоит в самом начале «галереи» - кажется его так и подмывает покурить, он переводит взгляд с художника Петренко, стоящего взглядом на меня. А я всеми силами стараюсь найти ту самую точку куда можно было-бы взглядеться, застыв на несколько минут. Помню, как мы все рассказывали стихи в младшей школе. Учительница периодически выходила из класса, стараясь придержать, постоянно закрываемую ветром дверь. А я тем временем становился прямо, как эдакий солдатик, и смотрел на рамку картины, висящей на противоположной стене. Фокус состоял в том, чтобы не отвлекаться и смотреть на одну точку. Но сейчас я не стоял в классе и не рассказывал стих. Публика вокруг то ли дело расходилась, рассматривая картины, а потом опять собиралась. Я снова перевел взгляд на Сеню, который к тому моменту уже живо общался с девушкой, и зафиксировал взгляд на ней. Казалось, что до этого я не видел ее среди толпы, хотя и внимательно успел рассмотреть каждого. На спине у нее висел обычный школьный портфель, отлично сочетающийся с кожаной курткой в стиле металлистов, которых я видел на обложках разных западных журналов. Из-под кожаной куртки выглядывала юбка, которая выбивалась из общего имиджа девушки. Одной рукой она дотянулась до волос и заткнула прядь за ухо. Светлые волосы спускались ручейками, закрывая миловидное лицо, которая девушка будто бы скрывала.

Почувствовав мой взгляд на себе, она обернулась и посмотрела на нас, в беспорядке пытающихся подражать мировым панк-легендам. Затем бросив быстрый взгляд девушка повернулась к Сене, продолжив беседу с ним. Опять зажмурившись я стоял там, посреди галереи и в беспорядке смешивал мысли воедино. Текст песни, ноты, которые нужно играть и блондинка, стоявшая возле спуска в подвал. Все это казалось нереальным. Будто сон, который периодически повторяется, вводя тебя в ступор и заставляя задуматься – было-ли это на самом деле или же нет?

Игорь сидел на корточках с бесконечно красным лицом. Он все тянул одну и ту же ноту, а Лева без конца трещал по тарелкам, которые, казалось бы, уже должны были расплавиться. Наступила тишина. Люди тут же зааплодировали нескольким музыкантам, которые изо всех сил старались хоть отчасти походить на “Пистолз».

- По-моему вышло ничего.

Зельцын благоговейно положил руку мне на плечо и стоял довольный рядом с нами. Повернувшись к нему, я снова увидел эту девушку, но теперь уже близко. Она стояла прямо напротив меня и аплодировала вместе со всеми. Ее взгляд был устремлен где-то позади нас, как будто бы теперь ей выпала возможность рассказывать этот стих. А я все стоял и пытался разглядеть черты лица незнакомки.

- Bravo! - Петренко, стоящий в сторонке принялся аплодировать нам. Окинув взглядом галерею, я почувствовал

дикое облегчение, глядя в лица всех этих людей. Казалось, что я был там, где должен был быть. В то время как поток энергии, который вырвался вперед, обжигая все тело. Лева тут же побросал палочки и принялся пожимать руки нам с Игорем. Мы сделали это втроем, и облегчение наконец-то достигло нас всех.

- Ты как, в порядке? - внезапно спросил меня художник. До сих пор мы с ним не особо разговаривали, исключая те моменты, когда он в роли гида рассказывал нам об устройстве жилища в этом месте. И нашего выступления.

- Кажется я переволновался.

- Это нормально...Знаешь, вы классно сыграли последнюю песню. Что это было? Похоже на Hawkwind...

-Если честно я сегодня в первый раз слышал их. – кажется, мой ответ явно ошарашил Петренко. Его сигарета к теперешнему моменту уже заметно прогорела, превратившись в маленький бычок, зажатый между средним и указательным пальцем.

- Погоди, сейчас...схожу за пачкой и перекурим. - сказал он, вставая с насиженного места.

Я не курил, но видимо видя его энтузиазм, никак не мог отказаться от предложения послушать его истории об этой группе, раскуривая импортные сигареты, которые они с Сеней похоже разделили на сегодня.

Петренко, разминавший ноги пару секунд, зашел в открытую дверь, оставив меня наедине со своими мыслями.

- О, привет! Уже уходишь?

Он прошел всего пару метров, но сквозь темноту я видел контур его фигуры.

- Да, мне уже пора. – ответил ему женский голос.

- Как наш «галерейник» ?

- Сеня молодец! И ребята шикарно играли! Как раз та музыка, которую я люблю!

- ...Панк, Алиса, панк.» - повисла неловкая пауза. После чего Петренко добавил: - Ты со своих репетиций?»

- Да...И я думаю бросать!

«Серьезно ? Есть о чем задуматься. Я вспоминаю как мы с Зарей смотрели твоё выступление...Года три назад это было. У тебя отлично получалось.

- Знаю, но времени много отнимает...

Петренко похоже обдумывал ее слова, ища что сказать. Пару секунд он выдерживал паузу, судя по всему обдумывая сказанное и ища ответ на подобную реплику. Судя по всему, разговор зашел туда, где он был бессилен, так что, выдержав пару секунд, художник наконец-то сказал:

- Ну что же...рад был тебя видеть. Заходи как-нибудь на неделе...

- Ага - бросила собеседница. После чего выбежала вперед Петренко, который к тому моменту освободил ей проход. Девушка двигалась быстро, грациозно. Подойдя к лестнице, она вдруг замешкалась. На левом плече - висел кожаный портфель. Такой же, какой я видел на плече блондинки. Я постепенно рассматривал ее.

Светлые волосы свисали в беспорядке. Они были не слишком длинными, спускаясь чуть ниже шеи девушки, но все же в полной мере закрывая все то же миловидное лицо. Почувствовав чье-то присутствие, она резко повернулась ко мне, застыв на пару секунд. Я был во все той же одежде. Сдекорированная Зельцыным рубашка, с оторванным рукавом.

- Ой, прости, я тебя не заметила. — она рассмеявшись.

Губы девушки были подведены темной помадой, а на лице, мелким слоем проскакивали веснушки. Это была ее едва заметная черта, и на редкость выразительная. Девушка, похоже почувствовала некую неловкость и все также сияя улыбкой, сказал:

- Я - Алиса.

- Я Саша...Алекс... - она снова рассмеялась. Тихий смех, был почти детским, не таким, какой бывает у взрослых людей. Правда она совсем не выглядела как ребенок. На вид ей было не больше двадцати.

Смотря на девушку в своем тихом смущении, я не мог ничего сказать, лишь чувствовал странную дрожь, которая постепенно поражала все тело, от коленей до ключиц, где ощущения сворачивались медным комом, не давая мне проронить и слова.

Под черной курткой-косухой, у нее была хорошо выглаженная рубашка, заправленная в юбку, а в правой руке красовалось что-то, что я никак не мог разглядеть. Очки от солнца болтались на одном из карманов рубашки, куда я их поместил, так-что обзору мешала разве что резко спустившаяся тьма. Чуть наклонившись, я попробовал разглядеть, что же сжимала девушка, пытаясь продолжить беседу. Она похоже это заметила.

- Это мои пуанты. - сказала Алиса, опять рассмеявшись. Затем добавила: - Рада была познакомиться...Саша...Алекс. Еще увидимся!

Пройдя несколько метров, она добавила:

- Кстати, классный концерт!

Светлые волосы все также спадали черную куртку-косуху, а сама девушка быстро шла не оборачиваясь. Ее силуэт маячил впереди, контрастируя с лучом уличного фонаря на холме – там, где дорога раздваивалась, и одна из частей вела в сторону школы. Как только она вышла на столб света, глаза машинально наехали на то, что она сжимала – это были балетные туфли. Перевязав ленточки на паре, она несла их

держа за тонкие каемки, которые балерины обычно использовали, шнурюя эту обувь.

- Ты чего это вскочил ? - послышалось сзади меня. Петренко по-прежнему было не видно, и как и раньше в темноте виднелась лишь медленно горящая сигарета.

- Держи. – Он протянул мне сигарету, оставив свой вопрос без ответа..

- Что...раньше не курил? - весело спросил он, увидев как я начал закашливаться, подпалив сигарету его зажигалкой – Zippo.

По правде говоря, это была моя первая сигарета. К этому моменту я уже успел порядочно надышаться дымом в курилке филфака, но до этого никогда не брал ее в руки.

- Это пройдет. - по-дружески сказал Петренко, затем добавил: - Ладно, пошли хотя бы сядем.

Мы все еще стояли посреди дороги, а я все смотрел на тот луч света, который отбрасывал фонарь.

- Слушай, у меня вопрос.

- Да ?

- Когда ты уходил за сигаретами, ты встретил девушку. Кто она?

- Хм...Алиса...Это племянница Кэт. А что...она тебе понравилась?» - сразу же спросил он. Я вглядывался в фигуру в

плетенном кресле и никак не мог разглядеть лица художника. Его интонация ничего не говорила, лишь горящий окуроч поблескивал в темноте, выдавая присутствие Петренко.

- Она...кажется...милая. Но это так, просто к слову. - я старался сказать это как можно более нейтрально, стараясь не выдать своего интереса к девушке.

- Ну...просто к слову... - протянул он, затем добавил...Они с Кэт примерно одного возраста. Забавно правда? Но у нее с братом разница больше двадцати лет. Так что они с племянницей подружки.

- «Фуууххх.... - запыхавшийся Игорь вышел на крыльцо, следуя за толпой людей, покидающих помещение. Они, как и все прочие представляли собой типичную смесь завсегдатаев Дома: банданы, рваные джинсы и брюки. Кто-то из них был одет в приличный пиджак, которые я без конца видел, прохаживаясь по коридорам университета и филармонии. «Серые люди» - проскочило в сознании.

«Ну как там?» - спросил я его, как только гитарист плюхнулся на диван. Он выглядел до мочи измотанным и совершенно по-другому. Впуская в легкие очередную порцию дыма, я пропускал через сознание картинку нашего концерта, как Игорь, ошпаренный новым звучанием гитары, играл эти самые рваные ноты, которые так шокировали публику.

- Надеюсь ничего, что мы здесь заночуем...

- Да без проблем, ребятки. - тут же сказал Петренко. К тому моменту он уже успел докурить свой бычок и благополучно кинул его в кладбище ему же подобных, размещенное в банке из-под чая.

- Места здесь хватит на всех. - сказал он, затем выдержав паузу, добавил: - Пойду посмотрю кто там из гостей остался...

Мы с Игорем остались вдвоем. Мои мысли уже порядочно перемешались, напоминая эдакое экзотическое блюдо, которое подавали в самых дорогих ресторанах мира. Игорь, Лева, Сеня, Петренко, Заря, выставка, странные аккорды, мой бас, Алиса. На последнем мозг будто встал и я начал кадр за кадром прокручивать взгляд девушки в тот момент, когда наши глаза встретились. Мои – скрываемые очками-кругляшами, которые теперь болтались на кармане рубашки и ее которые смотрели на меня осторожно, будто бы боясь нарушить атмосферу того места.

- До сих пор не могу поверить, что мы это сделали... - сказал Игорь.

Он как следует, растянулся на потертом, уже облезлом диване, бесцельно вглядываясь в козырек, накрывавший нас от дождя.

- Да... - это было, пожалуй, единственное что я смог выдать из себя.

-...Я вот думаю...А что если нам попробовать еще?

- Ты это о чем?

Вопрос адресованный мне прозвучал достаточно странно. В глубине сознания, я понимал, что он имел в виду, но все равно хотел услышать ответ от него лично.

- Ну...концерт. Как думаешь, мы сможем организовать это еще раз ?

Дурацкая мысль о том, что на следующий концерт я вполне могу пригласить Алису, пронеслась по сознанию прежде чем я ответил ему:

- Было бы неплохо...Кажется сегодня у нас получилось.

В коридоре слышался шум. Голос Зельцына как всегда был слышен на несколько метров вперед, отражаясь от всех поверхностей в виде эха. Тотчас на свет показались несколько человек. Как и прежде, я никого из них не узнавал, за исключением одного.

- Саша, здорова!

- Привет! - сквозь свет ко мне потянулась рука, а вместе с ней и больно знакомое лицо. Гришу я знал уже года три. Мы вместе учились на фил.факе и пересекались на парах – когда занятия проходили в одной общей, большой лекции. Он учился на специальности журналистики и достаточно много знал о всяких группах. Вплоть до Black Sabbath, пластинку которых, я однажды одолжил ему.

- Классный концерт! Не знал, что ты играешь!

- Ага...как ты здесь оказался?

- Да мне билет предложили. Сказали, будет живая музыка. Я и думаю – ну схожу, послушаю. А тут ты!

Наше общение по большей части сводилось к обсуждению предметов или тех сплетен, которыми Гриппа не мог не поделиться.

- Слушай, вот видишь того парня. Нет, левее. Герасимов, да. - сказал он причмокнув губами. Я знал, что за этим жестом непременно последует какая-нибудь история из серии «ты не поверишь». «...В общем сидели мы на прошлой паре на физфаке. Ну ты знаешь этот корпус, да? – Ага. – ну в общем, перед парой он ругался с женой, стоит божится ей, что пить не будет. А у самого рожа – красная! Я же стою это наблюдаю. Ты знаешь меня – мне такие вещи не интересны. Но кабинет один – мы стоим, ждем препода. А он уже успел ей написать расписку. Я мол такой-то, Руслан Герасимов, бросаю пить ради любимой жены. Ну мы же заходим на лекцию, садимся. Я как всегда сел ближе к середине – возле окна. Так, чтобы побыстрее оттуда свалить. В итоге проходит лекция, мы все встаем и с верхних рядов падают несколько бутылок пива – как раз там, где он сидел.» - рассказывал он мне, заливаясь хохотом. Я знал Руслана Герасимова не лучше его – полный, с носом-пяточком, периодически стреляющий у первокурсников сигареты. Мне он был никак не интересен, в отличие от Гриппы, который следуя «кодексу профессионального журналиста», старался знать все и обо всех.

- Слушай, я пойду. Рад был тебя видеть!

- Взаимно - сказал я, пожимая его руку.

- Ну а вы как ? - тут же сказал толстяк, плюхаясь в кресло рядом со мной. Петренко тем временем скрылся в глубинах Дома Художников, судя по всему приводя в порядок галерею после наплыва посетителей. Легкий дождь тем временем прошел, а в воздухе чувствовалась влага, оставшаяся от него.

Сеня тем временем старательно пытался подкурить сигарету. Вот спичка чиркнула и чистый вечерний воздух вновь смешался с уже привычным мне запахом табака.

- Ну так... - сказал здоровяк, по-светски закидывая одну ногу на другую: - Как вам выставка?

Мы тем временем молчали не проронив не слова. Зельцын же не спешил курить свою сигарету и вскоре встал:

- По мне так – супер! Отлично кстати сыграли.

- Сеня. Мы тут обсуждали... Как думаешь, есть шансы еще один концерт сделать ? Но уже более полноценный ? - мой вопрос казалось бы как следует опарашил его.

- Ну... - начал он, заметно закатив глаза. Было похоже на то, что Зельцын внезапно решил освоить умножение на трехзначные числа в уме, чего прежде не делал:

- В целом, у вас хорошие перспективы...Вы не думали записаться ?

- В смысле ?

- Ребята, ну что я вам как детям! Запишите что-нибудь. Дайте народу послушать. А потом сможете организовать концерт – люди же будут вас знать... Ну или... сделайте наоборот. Думаю, из этого что-то может выйти.

Придя домой, я тут же раскрыл блокнот начал писать. Я не знал, о чем именно, это было, пожалуй, самым странным. Мысли постепенно складывались в слова, слова в строчки, а ритм, который я не прекращая настукивал, стал музыкой в моей голове, на которую и ложились эти стихи. Периодически я бросал взгляд на те или иные вещи, как и все люди, созерцая и познавая этот мир, а потом, поздно ночью, лежа в постели, вскакивал и под светом настольной лампы, записывал все свои мысли. Я не мог понять и объяснить, как они ложились в строчки, но каким-то образом этот процесс все же проходил. Хотя казалось, что толстый, как томик того самого Бродского, блокнот Кэт никогда не кончится. За несколько дней я умудрился исписать всего пару страниц, отделяя одни стихи от других жирными линиями. Периодически работа останавливалась и поставив какую-нибудь пластинку на проигрыватель, я все с тем же пустым выражением и взглядом, глядел в потолок пытаясь найти свое вдохновение. Девушка со светлыми волосами... Алиса. Да, периодически я вспоминал ее, выискивая кожаную куртку-косуху и пуанты в руке, среди прохожих, которых встречал на улице, но каждый раз я обязательно ошибался.

«Эй, Новиков! Как дела?» - говоривший, тут же плюхнулся на скамейку напротив моей, засияв привычной для него улыбкой. Я сидел в столовой технологического университета, находившейся в нескольких минутах ходьбы от корпуса филфака. Столовой у нас в универе не было, поэтому периодически, когда у меня было окно, либо же во время пары физкультуры, я прохаживался до седьмого корпуса технологов и проводил час-другой в столовой, размышляя над последними событиями. Одногруппники хорошо знали это место и периодически заходили сюда, заказывая борщ или что-то еще, дабы скоротать время и хорошо поесть.

«Привет, Гриша.» - вяло ответил я. Субъект напротив казался неестественно возбужден. Причину этого я решил не уточнять – он явно что-то хотел от меня, и ждал своего момента, чтобы вывалить суть своего дела на стол. Он был как всегда опрятен – одетый в привычный костюм, твидовый пиджак и освещающая все слегка лукавой улыбочкой.

«Слушай, хотел тебе тут кое-что показать.» - сказал он, протягивая мне несколько листов бумаги. Сложенные вдвое листы привычного формата А4 представляли собой небольшую книжку – в подборке было примерно десять-пятнадцать таких листов. А сверху красовалась обложка, напечатанная на зеленой бумаге «журнал КОСМОС – первый выпуск!». Печать была стертой, и плохо различимой, а все буквы на обложке были отпечатаны таким же шрифтом, который я уже успел увидеть на билетах к нашему концерту – плохо-отпечатавшиеся буквы, и едва различимый снимок на

обложке. Он казался мне уж больно знакомым, так что оторвав все внимание от тарелки с дымящимся борщом я взял журнал в руки, начав его внимательно изучать. На обложке красовалась фотография, которую я видел много раз. Ее мы с Игорем и сеной кропотливо изучали и на нее смотрели, часами слушая ту самую, «яркую» во всех отношениях, пластинку. Это было фото «Пистолз», стараниями Зельцына распространившееся в молодежных кругах. Сейчас я начал вспоминать, что несколько таких фотографий я сам продал в курилке фил.фака, так что не удивительно, что она оказалась на обложке этого журнала. Подняв глаза, я бросил взгляд на Гришу, который не отрывая глаз, смотрел на меня с присущим ему самодовольством.

«Ну как тебе?»

Я изучал журнал медленно, сантиметр за сантиметром. Переведя взгляд с плохо различимого снимка, я принялся вычитывать различные надписи, покрывающие обложку.

«В этом выпуске: Sex Pistols, Slayed, новый альбом Deep Purple и первый концерт группы «Неврология.»» - сердце у меня тут же сжалось, а к горлу подступил паралич. Гриша кажется понял это и рассмеявшись принялся кивать, как-бы подтверждая мои догадки.

«Да ладно?» - тут же возбужденно сказал я ему. Однокурсник же, лишь выхватил журнал у меня из рук и пролистал несколько страниц, пока не открыл нужную ему. После чего разложив его на стол, принялся читать вместе со мной. Мне казалось, что он знал этот текст наизусть, но похоже это была привычка

журналиста — за каждым прочитанным мной словом и стройкой парень следил, периодически бросая на меня взгляд, как будто удостоверяясь в том, что я еще читаю.

«На этой неделе, отечественная команда «Неврология», дала свой первый концерт во всем известном «Обиталище творчества». Утверждение о том, что панк-рок не может жить в стенах Советского Союза, также противоречиво как музыка этого трио, которое на своем первом концерте показало высший класс. Лучшие хиты Sex Pistols, а также двадцатиминутная импровизация от самой группы, смогли вогнать слушателей в настоящий панк-роковый ступор. Под аккомпанемент взбивок и жестких аккордов, а также вокала Алекса Новака.»

«Алекса Новака ?» - тут же спросил я. Гриша Казалось был доволен всем исходом, после чего откинувшись на спинку стула, принялся отвечать.

«Ну...певцы они ведь берут псевдонимы.» - сказал он, повышая голос в конце предложения.

«Ты спрашиваешь?»

«Вообще да, но сейчас не об этом. Ты же заметил, что мы не упомянули «Дом Художников.» - сказал он с видом бывшего немецкого шпиона.

«Ой, спасибо Гриша.» - начал я, напуская на свою речь все больше ноток сарказма. «Без твоей конспирации никто бы не догадался где это проходило, и кто такой Алекс Новак.»

«Ну так...» - вновь самодовольно произнес он. Я смотрел на лицо довольного однокурсника, который во всю сиял улыбкой и задавался извечным вопросом: так может у нас и вправду есть шанс? Об этом я размышлял ночи напролет...как и Игорь и Лева. Мы все были увлечены группой, хоть с момента первого выступления прошло всего пару дней, я все еще помнил легкое дрожание колен и мою нервозность, те звуки, которые мы выдавали, которые периодически «включались» у меня в голове, заставляя начать выстукивать ритм нашей импровизации.

«Слушай, ну статья крутая.» - в конце концов подвел черту я. Гришу похоже мои слова не особо интересовали. Он был доволен одним исходом того, что несколько страниц под рукой студента-журналиста, стали полноценным журналом.

«Так кто это придумал?»

«Не хочу тянуть на себя одеяло, но...я!» - в этом я и не сомневался, хоть ничего не сказал ему. Гриша был одним из активистов специальности «журналистика». Он участвовал во всех спортивных соревнованиях, учился на отличные оценки, его любили преподаватели и в целом знали все. Я не понимал зачем ему нужен был этот журнал, который в виде нескольких сложенных листов бумаги с отпечатанным на них текстами теперь лежал передо мной.

«...хотя конечно у нас работают несколько человек. Кельсову ты же знаешь?»

«Ну да.»

«Ну вот она, плюс еще пару человек с моей специальности. В целом все вроде бы неплохо... Журнал хорошо продается. Мы планируем сделать еще выпуск.»

«Я могу забрать этот экземпляр себе?» - осторожно спросил я.

«Да конечно. Он твой.» - Гриша к тому времени уже встал и захватив свой портфель, сказал: «Спасибо за материал, Алекс.» - он, как и многие, подчеркнул мое имя, измененное благодаря Кэт.

Этим вечером мы с Игорем собирались в очередной раз послушать несколько пластинок из нашей старой подборки. Периодически мы с ним делали вылазки на радиорынок, где обзаводились педеврами, но так как я отказался от подработки у Семена по воскресеньям, когда был основной завоз товара, приходилось довольствоваться лишь половиной моего регулярного жалования. Я не жаловался, этих денег мне вполне хватало. Хотя все же нашей с Игорем общей суммы, не хватало на приличную, импортную пластинку у Федора. Втягивать кого-то то стороннего мы не хотели – у нас не было других более или менее «хороших» знакомых, кроме Зельцына, который не проявлял особого интереса к музыке, хоть и знал о ней больше чем мы все.

Здоровяк стоял на пороге квартиры. Как всегда, с хорошим настроением, судя по довольному лицу. Рядом с ним стояла

девушка, которая во всю о чем-то беседовала с Игорем. Увидев меня, Зельцын тут же устремил свой довольный взгляд, подмигнув мне.

«Ага! Еще одна рок-звезда! Гляди кого я привел с собой.» - рядом с ним стояла Алиса. Девушка вдруг прервала беседу и явно смущенная, поздоровалась со мной. Ком в моем животе постепенно сжимался, вызывая немедленное желание что-то сказать.

«Привет. Рад тебя видеть.» выдавил я из себя. Я не знал что говорить ей и как быть. Глядя на эту девушку, не слишком высокого роста, на ее светлые волосы, которые она по привычке отбросила за ухо, на куртку-косуху, в которую она была одета, я чувствовал как начинаю краснеть. Сения похоже все понял, лишь бросив один взгляд на меня и перехватив инициативу, сказал:

«Ну что ребята! Пойдем на кухню!»

Алиса тут же обернулась и бросила еще один неспешный взгляд ко мне в след. Но в отличие от предыдущего, он был не случайным. Я тут же последовал за Зельцыным. Закрыв дверь на кухню он тут же обменялся рукопожатием слевой, после чего широко распахнув окно, принялся курить свои привычные самокрутки.

«Слушай, тебе нужно это почитать.» - Лева тут же вручил здоровяку выпуск самиздата, который тот принялся читать. Алиса тем временем сидела на моем месте – прямо напротив

Левы, и подперев подбородок ладонью, окидывала взглядом кухню.

«И часто вы здесь собираетесь?»

«Я тут во второй или третий раз. Лучше спроси Алекса, или хозяина квартиры.» - Лева кивнул в мою сторону. Игорь тем временем как обычно убежал в свою комнату, настраивая привычный для всех панк-рок на нужную громкость.

Я во всех подробностях, принялся рассказывать ей обо всем, что здесь происходило. О периодических покупках винила, о том как мы слушали «Пистолз» в первый раз, снова и снова переворачивая пластинку на начало игры. О том, как мы с Игорем илевой начали играть, о названии неврология.

«Вообще, это название придумал я.» - подал голос, Сеня. «Слушай, я закончил читать. Статья просто улет! Ребята, вы же теперь звезды.» - сказал он хлопая Леву по плечу.

Через несколько секунд, Игорь присоединился к нашему обсуждению. Он первый увидел статью и кажется был доволен больше нас всех. Хотя, я как мог, старался скрыть свой восторг от данной новости.

«Слушайте, ребята, вам определенно надо записаться!» - продолжал подбивать нас Зельцын.

«Да, но Сеня, ты забыл одну важную вещь —мы ничего в этом не смыслим.»

«Ой, ладно. Тут ничего сложного нет, Игорь» - вмешался Лева. Я старался не влезать в их спор, похоже, как и Алиса, которая переведя внимание с журнала, взяла в руки мой блокнот и со всей присущей ей задумчивостью, принялась читать. Я был тихим наблюдателем, который не сводя взгляда, любовался этой девушкой. По привычке она откинула волосы за ухо, распрямила спину, и водила глазами по строчкам. Вот она остановилась и перевела взгляд на ребят, затем на меня. Голубые глаза резали меня, как нож, обнажая мое смущение и заставляя краснеть. Мой взгляд тут же метнулся на Сению, который устав спорить с Игорем, потребовал моей помощи.

«Прости, ты о чем?»

«Мне тебе все повторить что-ли?» - раздраженно сказал он.

«Будь так добр. И закрой окно – чего это ты тут раскурился?» - раздраженно сказал Игорь.

«Я говорил о том. Что это можно сделать легко! Возьмите бобину, микрофон и магнитофон. И запишите несколько песен. Пять-шесть. Сколько там у тебя уже песен?» - сказал он, обращаясь ко мне.

«Не знаю, нужно посмотреть.» - соврал я. Их было около шести, чего по мнению Зельцына, хватало на запись магнитоальбома.

Алиса тут же метнула взгляд с Зельцына на меня.

«Так это твои стихи?»

«Да.» - девушка кажется смутилась. Но немного задумавшись добавила.

«Слушай, мне нравится.» - сказала она. После чего добавила «У тебя отличные стихи.»

Алиса тут же окинула меня взглядом, после чего нагнулась и сказала.

«Кстати, мне нравится то, что вы, ребята, тут слушаете.»

«Ты любишь панк?»

«Не то что люблю...Петренко периодически включает мне что-то новое из своих записей. Но это когда я бываю у них. А так – я в основном слушаю классику. Когда занимаюсь»

«И давно ты занимаешься балетом?»

«Да почти с детства. Это все Катя – сестра моя.» - сказал она, затем сделав паузу, добавила «Кэт» - показав пальцами кавычки.

«В реальности, она моя тетя, но мы с ней ближе к сестрам все же.»

«Так с чего ты начала?»

«Ну...после смерти матери, я постоянно жила у нее.» - я почувствовал укол в живот. Это была одна из тем, которые я никак не ожидал затронуть. Девушка слегка прижмурилась – будто бы подавляя приступ боли, где-то в глубине себя. Но все же говорила она об этом без какого-либо стеснения. Я

внимательно слушал и кивал, стараясь показать ей то, что я слушаю ее, и улавливаю каждое слово. «...Она тогда училась в академии и снимала квартиру. Мы все жили в одной коммуналке, а ей это мешало. Хотя сейчас сама живет в такой же коммуналке. Там вечно кто-то трется. Какие-то их знакомые художники. Как этот здоровяк.» - сказала она, кивнув на Зельцына, который ко всему негодованию Игоря, опять открыл окно, демонстративно закурив.

«...ну и в общем, она тогда сама интересовалась всеми этими танцами. У нее я и нашла пуанты. Помню, как разглядывала их с интересом.» - сказала она, засмеявшись. «Я еще решила их примерить — завязала как смогла и попыталась встать в позицию. А Катя только рассмеялась с меня.»

Мы проболтали два или три часа. Она рассказала мне о своей жизни, так как никто не смог бы. А я, тем временем сидел, с интересом ловя каждое ее слово и наблюдая за самой Алисой. За тем, как она откидывала волосы от лица, за тем как расправляла спину, подобно любой балерине, за тем как прикусывала губы или смеялась. Это было как смотреть твой любимый фильм. Вот оператор берет крупный план, затем отдаляет его или вновь приближает. Каждое его движение — это прямое отображение эмоции актера или действия, которое ты пытаешься уловить через этот самый объектив. Периодически Игорь выходил из кухни, переворачивая старую пластинку или ставя новую. Лева уже давно ушел в другую комнату, поболтать с каким-то знакомыми. И как мне казалось отдохнуть от перепалок двух мыслителей. Лишь Зельцын периодически

захаживал на кухню, открывая окно и впуская в свои легкие очередную дозу никотина.

«Так какая музыка тебе нравится?» - спросил я ее. Зельцын обернулся, глядя на меня, затем опять погрузился в свои размышления. Здоровяк, казалось бы, не замечал ничего вокруг, будто раздумывая над новой картиной. Я видел его таким много раз. Периодически, во время наших с ним прогулок, он мог зачеркнуть какой-то эскиз, и скомкав его, выбросить в мусорную урну. Алиса дала о себе знать длинным и задумчивым «Ммм...», после чего последовало:

«Вообще разную.» - девушка тут же, рассмеялась. Ее смех походил на что-то нервное, вроде как дрожание коленок, во время ответа на экзамене или что-то похожее. «Катя с мужем периодически дают мне послушать что-то интересное. Но в основном это всякая психоделия. А так... «Пистолз» мне вполне нравятся. Pink Floyd и The Kinks...»

«А что еще?» - она раздумывала, обратив все свое внимание на потолок, отчаянно пытаясь вспомнить названия групп.

«Ах да! Из последнего, что я слушала, безумно понравились The Clash и Specials. Слышал их?»

Когда-то я слышал о The Clash, даже большее. Как-то ради пробы, Лева решил купить магнитную ленту с записью группы, что было достаточно сложным шагом. Это был один из первых разов когда мы выбирались за покупками с ним. Барабанщик держался достаточно отстраненно, но мы как могли, старались

втянуть его в наш культ почитания панк-музыки. Хотя, конечно же Лева любил «Пистолз» по-своему – периодически он мог начать рассказывать о партиях барабанщика группы в тех или иных песнях. О том, что они легкие или же о тех местах, где нужно изловчившись сделать удар по тарелке. В тот день он казалось был рад выбраться с нами на радиорынок. Но, пока мы беседовали с Федором, Лева довольный собой подошел к нам и рассказал о том, что у кого-то из рядовых продавцов имеется запись «Клеш». Об этой группе мы мало что знали. За исключением того, что они, как и «Пистолз», были таким же панком.

Покупка бобины затянулась на целый день. Мы потратили около Сорока минут на дорогу до дома нашего барабанщика, где, ожидая когда же сможем услышать начало песни, наблюдали за тем, как он вставляет магнитную ленту в бобинный проигрыватель. Задача это была не из легких – нужно было пропустить конец бобины через систему «валиков», и проделать еще десяток хитрых операций. В конце концов, мы все же услышали тех самых The Clash. Это были не те ломаные «Пистолз», к которым мы привыкли. Звук был другим, но в тоже время таким похожим. Я не знал как зовут этих ребят, из какой они страны, и как назывался альбом, который мы слушали, поэтому увидев интерес в глазах девушки, лишь кивнул сказав.

«Мы с Игорем слушали The Clash. Правда это была бобинная запись, так-что я не уверен в названии альбома.»

«А Specials ?» - с интересом спросила она. Разговор о группах начал увлекать девушку, и она продолжала смотреть ко мне глаза с пущим азартом. Периодически Алиса бросала взгляды на Зельцына, который к тому моменту потушил окурок об подоконник и выкинул его на улицу. Он все не уходил с кухни, продолжая бездумно смотреть вдаль — любуясь линией горизонта и красотой предзакатного неба.

«Розовое...похоже нас ждут холода.» - сказал он наконец и закрыв окно, покинул комнату, оставив нас с Алисой вдвоем. Из спальни в то время доносились звуки «работающего» панк-рока, орававшего все пространство квартиры и доходившего до кухни лишь в виде вибраций и отдаленно звучащих аккордов.

«Если честно — в первый раз слышу.» - Это было правдой. Я достаточно плохо следил за современными новостями в музыкальной индустрии. Мы не слишком то интересовались той панк-сценой, которая существовала во всем мире. The Clash мы слушали всего один раз. До сих пор магнитоальбом покоился на одной из его книжных полок — там же, где и стояла пластинка Black Sabbath — “Master of Reality”. Но было занятно узнать что-то новое. Временами, во время наших разговоров с Сеней, художник называл названия групп, которые я стремглав принимался записывать в конце какой-нибудь тетрадки. «Рамоунз», «Демнед» - я не спрашивал откуда он это все знал, а здоровяк не говорил мне, хотя было понятно, что в тусовке художников кто-то да слушал тот самый панк.

«Серьезно?! Думаю, ты просто должен их послушать!» - начала она, расхваливать группу. «Недавно один знакомый сестры записал мне их кассету, которую я без конца слушаю на работе.» - Она начала рассказывать мне что работает в справочной службе. Работа была не пыльная. Периодически нужно было брать трубку и пробегаться по картотекам со всякими номерами, что было ее прямой обязанностью. Она рассказала мне о том, как примерно устроена ее работа без особого интереса, постепенно вернувшись к теме музыки... «...У нас правда есть обеденный перерыв – где-то час, по крайней мере, это то время, которое я могу «проесть» или же послушать любимых Specials....Хотя, «любимые» это в целом громко сказано. Я на самом деле не уверена какая же у меня любимая группа...»

«Почему? Много любимых групп?»

«Ну...» - на минуту она опять метнула свой взгляд в сторону, как будто ища поддержки оттуда. «Я когда-то думала, что мои любимые – это Pink Floyd. А потом муж сестры сказал мне одну умную вещь...» - одно упоминание о художнике Петренко быстро вырисовало у меня в мозгу картину: он сидящий в плетеном кресле, с зажженной сигаретой, рядом с Зельцыным. И извлекающий свою мудрость из глубин сознания. «...Он как-то сказал мне, что нельзя оценивать группы. Ведь так или иначе это же творчество. Хорошее или плохое...Да и в любом случае, я считаю, что у каждой группы есть хотя бы одна хорошая песня.» - я в ответ кивнул и старался продолжить разговор как мог. Внезапная боязнь того, что беседа ей

наскучит и девушка вдруг уйдет, оставив меня без своего внимания, заставила меня вздрогнуть. Но несмотря на мои возникшие опасения, Алиса с интересом продолжала беседу. Периодически она кидала свой взгляд то на газовую печку, то на окно. Похоже она как и Зельцын, старалась разглядеть розоватые пятна и оттенки заката, выступавшие на небе, как копоть на старой кастрюле. Я старался не смотреть на нее слишком часто, будто боясь, что от моих частых поглядываний, девушка почувствует смущение. Периодически, я как она, отводил взгляд в сторону, ища точку опоры. Холодильник, окно и журнал «Космос», который все еще лежал открытый на последней странице.

Мы просидели на кухне по меньшей мере несколько часов, прежде чем услышали «шевеление» за дверью в коридор. Зельцын тем временем в очередной раз зашел на кухню, с целью своего стандартного перекура.

«А, вы еще тут?» - удивленно сказал он окинув нас взглядом.

«Что там, Сеня?»

«Да уже семь часов. Все расходятся. Я сам уже убегаю.»

«Кто-то обещал сестре посадить меня на троллейбус» - возмущенно заплась Алиса. Я смотрел на нее, на краснеющее лицо и на легкую улыбку, которая постепенно вырисовалась на лице девушки.

«Слушай, ну у меня у самого тут дела...» - сказал он, выбрасывая очередной окурок в окно. Я не вел учет выкуренных им сигарет,

но наблюдая эту картину, представил, как где-то под окном дома, стайка голубей с интересом исследует возвышение окурков, выросшее на пол метров над землей.

«...К тому же вы с Алексом вроде подружились! Думаю, он без проблем тебя проведет.» - Сеня тут же посмотрел на меня заметно подмигнув.

Алису похоже такая перспектива никак не расстраивала, хоть она выглядела слегка смущенной. «А...ну ладно.» - сказала девушка, слегка покраснев.

В этот момент, мне стало казаться, что это все с лихвой подстроено Зельцыным. Наш разговор в Доме Художников, приход Алисы на «сходку» у Игоря. Все это было явно непросто так...

«Алекс, ты идешь ?!» - девушка слегка наклонила голову в сторону, рассматривая меня. Я стоял на верхней ступеньке лестницы пятого этажа – возле двери в «обиталище» Игоря. С нижней ступеньки площадки на меня глядела Алиса. Куртка-косуха, портфель с которым я видел ее в прошлый раз. Разве что пуанты в этот раз отсутствовали. Взгляд девушки сразу же оторвал меня от дальнейших размышлений, заставив последовать за ней. «Да...прости, я задумался.» - ответил я, после чего девушка слегка рассмеялась. Спускаясь по лестнице, она периодически оглядывалась и бросала на меня взгляды через плечо, будто бы проверяя, следую я за ней. А я тем временем раздумывал о том, что же изменилось с нашей встречи, прокручивая в голове нашу песню, ее взгляд и все

сказанное девушкой, когда я словно больной после наркоза, сидел на крыльце Дома Художников, в плетеном кресле.

«Так откуда ты знаешь Игоря?» - наконец заговорила она.

«Ну...Вообще знаю его с детства. Наши родители знали друг-друга...А потом мы вместе учились в младшей школе.»

«Я думала сейчас услышу какую-нибудь интересную историю.» - сказала она, осторожно улыбнувшись мне.

«Да нет...особо ничего такого. В начальной школе мы вроде бы немного общались. У Игоря оба родителя музыканты и поэтому он всегда разбирался в этом всем. Сейчас учится в консерватории.»

«А ты на кого учишься?»

«Я учусь на филфаке...В конце концов – это наверное учитель русского языка.»

«Ну...почему. Ты можешь работать редактором в какой-то газете.» - многозначительно сказала она.

«В целом да. Хотя учитель мне как-то ближе...моя бабушка – первая пионерка. Она всю жизнь преподавала русский язык. Так что я вот и думаю об этом...»

«Семейные корни?» - Алиса вдруг остановилась. Обойдя меня девушка стала напротив и сказала «Знаешь, думаю дети оценят такого учителя.» - многозначительно заключила она.

«А что со мной не так?» - сказал я рассмеявшись.

«Думаю это круто. В смысле днем ты будешь учителем, а вечером будешь играть концерты.» - она стояла напротив меня и мечтательно улыбалась, глядя в небо, которое к тому моменту уже утратило всякую яркость розоватых оттенков и постепенно начало покрываться ночными красками. Мы стояли молча, явно ожидая чего-нибудь. И тогда я сделал это. Сделай один шаг, я обхватил шею девушки одной рукой и поцеловал ее в губы, так как давно хотел. Ее дыхание было медленным, протяжным, его я почувствовал на своем лице. Я опустил руку которой прижимал ее к себе. Алиса не отошла. Мы так и стояли, чувствуя дыхание друг друга и ловя на себе взгляды случайных прохожих.

«Слушай, прости. Я не специально. Правда.» - начал оправдываться я.

Я не думал о том, каким удачным был этот поцелуй в сравнении с моим предыдущим опытом или о том, что девушка не отпрянула от меня, как только наши губы соприкоснулись. Я боялся, что только что, скорее всего сделал величайшую глупость в своей жизни, которую только мог сделать. Наверное, не стоило торопиться так. Но я не мог удержаться. Она тем временем смотрела на меня с совершенно пустым выражением лица, после чего подойдя ко мне поцеловала меня в ответ. Она не обняла меня рукой, как это сделал я, а лишь сделала небольшой шаг, прикусывая краешек нижней губы, после чего встала на цыпочки слившись со мной в еще одном поцелуе.

«Я вообще пришла отдать тебе твою рубашку.» - сказала она слегка отходя. «...ты забыл ее после концерта.»

Мы с Алисой поженились спустя месяц после этого. Этот месяц моей жизни расплылся по событиям, о которых я не мог говорить в полной мере. Репетиции по воскресеньям, вечерние смены в универмаге, где я взял пол ставки уборщика, пары, которые периодически приходилось пропускать. Все воспоминания расплылись в моем сознании, как чернила на намокшей бумаге. И вот мы, своим взявшись за руки в районном ЗАГС-е. Я смотрю на нее, а она на меня. На лице девушки лишь спокойствие. Легкая, как всегда сияющая улыбка. Ее волосы заколоты маленькой заколкой, которую я подарил ей. Именно там, чуть выше уха, куда она всегда убирала одну прядь волос, спадающую на лицо. Окинув взглядом помещение и приковываю свое внимание на стоящей перед нами женщиной. Ей около пятидесяти. Посмотрев на нее, я вспоминаю свою школьную учительницу английского. Такие же острые черты лица, такой же безэмоциональный взгляд, так я же легкая напыщенность. Должно быть за день она принимает толпы и толпы молодоженов. Хотя, несмотря на это, женщина, уткнув глаза в красную папку в руках, рассказывает нам о красиво написанных на бумаге прелестях жизни. Меня эти дифирамбы совершенно не волнуют. Повернув голову влево, я еще раз смотрю на свою будущую жену. На ее светлое и безмятежное лицо. Она в ответ смотрит на меня своими яркими голубыми глазами. В голове проносится поезд воспоминаний – ее брошенный взгляд на меня, на первом концерте «Неврологии», я стоящий и

наблюдающий за ней, на крыльце Дома Художников, наш первый поцелуй, первая ночь вместе, моя, казалось бы, в пустую брошенная фраза «Давай поженимся!» и ее радостные вскрики. Я знал о том, что, такой шаг скорее всего будет странно воспринят всеми моими знакомыми и думал как скажу об этом матери. Вот я, захожу домой ведя Алису за руку и говорю матери: «Мама, это моя супруга – Алиса. Мы расписаны.» - после чего сталкиваюсь с потоком бранных слов, криков, и выбрасываю несколько дней из своей жизни. Лишь одна Кэт из всех наших знакомых знала о том, что мы затеяли.

«Для нее это обычное дело.» - говорила мне Алиса. Я не поняв ее решил переспросить:

«Ты о чем?»

«Ты же знаешь, что когда подаешь документы в ЗАГС, то тебе дают талоны на покупку чего-нибудь полезного «для семьи» в магазине? В целом, это стандартная процедура. Она и мне что-то из вещей покупала в этих магазинах. Какую-то обувь, и все подобное. Ну и во время учебы в академии, Катя подавала заявления почти со всеми своими одноклассниками. В самые разные отделения ЗАГСов в городе. В некоторые по пять-шесть раз...Самое забавное, что когда она пришла подавать заявление с Лешей, то их сначала выгнали.» - сказала она, после чего мы оба рассмеялись. Это было за несколько минут до того, как мы зашли в зал для росписи. Мы с Алисой стояли, как и сейчас, держась за руки. Я смотрел на ее безмятежное лицо, как она шутила и рассказывала какие-то истории из своей жизни, о которых я раньше не знал. Легкое, почти летнее платье и

привычная для нее куртка-косуха придавали Алисе еще больше изящества в моих глазах. В то же время вызывая недоумение со стороны окружающих. Женщина с папкой периодически бросала взгляды то на меня, одевшего привычные джинсы, футболку и пиджак, то на Алису, которая внимательно слушала ее.

«А теперь, молодожены, подойдите и распишитесь!» - сказала она нам. На белом столе, возле которого стояла женщина, лежало несколько стандартных бумаг, которые мы подписали.

«Поздравляю вас!» - тут же сказала женщина. Она не кричала «Следующие», адресуя очереди пар, собравшимся в коридоре, а лишь с недоумением смотрела на нас. Я поцеловал Алису, ощутив ее славеное дыхание, после чего мы покинули ЗАГС.

Было странно идти вот так по улице, держать за руки, зная то, что никто не знал. Это был будто бы наш секрет...наш и Кэт. Хотя я был уверен, что она не разболтает никого ему, даже своему

супругу.

«Мы поженимся!» - сказала Алиса ей, как только мы с ней все обговорили. Кэт казалось была счастлива и тут же кинулась обнимать нас. Она любила Алису и меня любила как родственника, которым я стал для нее, после того как ЗАГсовский штамп отпечатался у меня в паспорте.

«Представляешь что будет когда мы скажем ребятам?» - спросил я ее.

«Ну...мы можем и не говорить.» - она снова улыбнулась той самой, своей милой улыбкой, которую я так любил, в одночасье сделав меня счастливым.

Районный ЗАГС, куда мы подали документы, находился в нескольких минутах ходьбы от Дома Художников, в котором мы периодически ночевали. Моя мать все чаще брала ночные смены, из-за дополнительной оплаты. А я все чаще ночевал в Доме Художников, успевшим стать для меня родным. Я знал каждый уголок и коридор этого изощренного трехэтажного строения, уместившегося в новостроенной пятиэтажке. Несколько недель мы с Алисой пытались скрывать отношения. Но кажется, что для нее и для меня этого было мало. Мы держались за руки, сидя за столом на кухне Дома и обедая вместе со всеми. Зельцын, периодически бросал на нас свои взгляды, как бы удостовераясь в том, что он остается в курсе нашей личной жизни. Периодически завтракая, обедая или ужиная мы встречали в Доме новых людей, которых я прежде не видел. Скульптор Стрелочкин периодически забегал поужинать или же просто вбегал на кухню с белыми от глины руками и просил кого-нибудь налить ему чашку кофе или охлажденного в холодильнике компота. Многочисленные подруги Кэт, одетые в лучших традициях их культуры, периодически попадались в коридорах. Кто-то приходил для того чтобы их рисовали с натуры, кто-то просто поболтать или послушать пластинок из коллекции Петренко. Пару недель назад, и мы пришли в гостиную дома с целью послушать что-то новое. Несколько освещенных окон, расположенных под необходимым углом, создавали ощущение, что комната будто

бы овальная. Хотя, на самом деле она таковой не была. В разных концах гостиной располагались несколько привычных СССР-овских кресел и массивный шкаф с книгами, которые художники принимались читать, отдыхая от повседневной работы.

«Одна наша соседка – живет в соседнем подъезде, работала переводчиком. Где она только не была! Помню рассказывала мне истории о том, как их лет десять назад послали на Мадагаскар. Она тогда преподавала у нас в университете французский и требовались специалисты. Сейчас она уже не так хорошо видит, поэтому поотдавала львиную долю книг нам. У нас правда мало кто знает иностранные языки. Разве что Владимир Степанович.» - сказал Петренко, кивая на сидящего в кресле мужчину. Седая борода и волосы, завязанные в хвост. На вид ему было около шестидесяти, но несмотря на возраст художник все еще казался молодым. Периодически я видел его во время ужинов, тихо сидящего или же рассказывающего истории о своей молодости. О том, как его случайно поселили в отеле в самом центре Ялты, где он каждый день рисовал море или о том, как милиция поймала его на стройке, рисующего закат.

В тот день мы с Алисой почти целый день провели в гостиной, слушая разные пластинки. Specials, о которых она так много мне рассказывала. Привычный для всех хард-рок или пластинку The Clash – “London Calling”, подаренную художнику Петренко послом, работавшим в Англии.

Как только мы начали подходить к Дому Художников, я сразу заметил Петренко, стоящего на крыльце. Как всегда, художник как скелет, он стоял оперевшись на железную калитку. В руке художника как обычно была зажженная сигарета, которую он лениво покуривал. В такие моменты ясно представлял себе о чем рассуждает его мозг. Об цветовом решении в новой картине или же о сюжете следующей работы. Временами мне удавалось взглянуть на его работы краешком глаза. Хотя большинство художников из живущих в Доме были против этого, он казалось был только рад компании. Мы беседовали с Кэт, пока он смешивал краски на палитре, или же отбегал на пол метра, смотря на незаконченный будущий шедевр со стороны.

Как только мы подошли к лестнице, я понял, что Кэт все рассказала ему. Привычное безэмоциональное выражение на лице художника сменилось легкой, слегка наигранной улыбкой, которую он пытался скрыть. Он отклонил мое рукопожатие, после чего по очереди обнял нас обоих. Казалось, что он был рад, даже более чем, хоть как обычно хранил молчание.

«Я когда-нибудь убью свою сестру.» - тут же, саркастично сказала Алиса.

«Простите, ребята. Я уже сам обо всем догадался. Поздравляю вас.» - он положил руку мне на плечо. Все тот же теплый взгляд, которым он одаривал меня изо дня в день. По-своему мы любили друг-друга. Даже были близки. Во всяком случае, как только он узнал, что я умею играть в шахматы, Петренко

принялся разыгрывать со мной самые разнообразные партии, которые постепенно стали частью нашего досуга.

«Алекс, супруга будет не против если я украду тебя на пару минут?» - с улыбкой сказал он, не сводя взгляд с Алисы.

«Ой, мальчики. Пойдемте все на кухню.»

Мы с Алисой уселись на наши обычные места – прямо возле окна. Прямо там, где я сел в первый раз, придя в дом художников. Скинув пиджак, я взял ее за всю ту же руку, ожидая пока Петренко внесет в кухню привычную шахматную доску. Обычно он вываливал фигуры на стол, после чего мы принимались расставлять их по цветам. «Тебе какой? – Да без разницы. – Ну хочешь черный? – Ладно, давай черный.» - мы никогда не играли из азарта. Скорее это было просто коротание времени. Периодически я подпучивал над ним, говоря Алисе или Кэт «Партия накаляется! Победа уже почти моя!» - что вызывало у него дружескую улыбку. Алиса легонько наклонилась ко мне и шепнула на ухо:

«Слушай, я не удивлюсь если окажется, что они давно сговорились и готовят нам сюрприз.»

Последние несколько недель я периодически встречал Зарю на крыльце дома. Она одна знала обо всем, чему я искренне был рад. Чувство предательства, периодически настигало меня во время разговоров с ней. Я думал об Игоре и Леве, которых я видел теперь практически каждый день. О Зельцыне, который постепенно набирал обороты как художник, и думаю был бы

рад услышать, что его своднические таланты, можно записать в еще один пункт в резюме. Я не говорил об этом матери. Эта мысль постоянно тревожила меня и не давала покоя. В голове сама-собой рисовалась картинка как она обо всем узнает, как кричит и поднимает на меня кулаки, а я отталкиваю ее и ухожу из дома.

«Слушай, ну не все же так плохо. По крайней мере, вы сделаете то, что давно хотели.» - говорила мне Кэт. Я сидел в плетеном кресле, а она стояла напротив фасадной стены дома держа в руке палитру и кисточки. В последний месяц она серьезно взялась за декорирование жилища, так-что постепенно стены дома покрылись разнообразными надписями, мелкими рисунками и цветастыми узорами. Надписи «Love» и «Peace» встречались мне по меньшей мере раз десять на день в самых разных вариациях.

«Знаешь, когда мы с Лешей расписались, только Алиса знала об этом. Я даже брату не сказала.» - она обернулась и демонстративно выпучила глаза, как-бы показывая мне весь ужас их положения.

«Если честно, с ним мы и не знакомы...Да и Алиса так и не видела мою мать. Я как-то хотел их познакомить, но просто не вышло.» - В памяти хорошо всплывал тот день. Мы пролежали в постели почти весь день, не вставая. Периодически из гостиной доносились звуки сменяющихся пластинок, которые художники без конца ставили. The Doors, Jefferson Airplane – их вибрации растекались по дому как кровь по венам. А нам

лишь оставалось прислушаться к тому шуму, который резонируя отдавался в стенах этого странного дома.

«Поздравляю молодоженов!» - Заря и Петренко тут же вошли на кухню, радостно аплодируя нам. Кэт, со всей радостью и теплотой, обняла нас обоих ПО-очереди. Она не сводила с нас взгляда, переводя его то на Алису, которая наравне с ней, не переставала сеять, то на меня.

«Слушайте, ребята, я знаю, что вы не любите сюрпризы.»

«Блин, я так и знала!» - тут же сказала моя супруга рассмеявшись. В один момент две сестры все поняли. Заря любовно взяла племянницу за руку и сказала «Не обижайся, я просто не могла проморгать такое событие.» Через пару минут они достали из холодильника торт, который мы все принялись разрезать. Петренко весело шутил, Заря внимательно смотрела на нас. Моя рука крепко сжимала руку Алисы под столом, а мысли витали где-то в воздухе. Я со всей напряженностью раздумывал о том, что же будет завтра. Или через пол часа, или через десять минут. О том как скажу Зельцыну и ребятам о своем браке. И о том как они отреагируют. Кто-то возможно поздравит нас, обняв Алису и меня как это сделал художник Петренко.

«Алекс! Ты чего такой тихий?» - прозвучало где-то возле меня. Петренко тем временем смотрел на меня, приспустив свои фирменные очки-кругляши. Солнце обширными лучами заливало кухню, что и было основным поводом одеть любимые очки для художника.

«Все нормально...Я просто задумался.»

«Аааа...» - протяжно сказал он, после чего добавил «Слушай, не думай сейчас ни о чем. Я тебя мыслителя знаю. Лучше ешь свой кусок торта.» - весело подбодрил он меня. Очки снова вернулись на свое место, на переносице, а Петренко направил все свое внимание на Кэт и Алису, которые увлеченно обсуждали впечатления от их походов в ЗАГС. Я не отводил взгляда от него, все думая о тех его картинах, которые попадались мне на глаза почти каждый день. Большую часть времени художник рисовал ночью, когда как он сам говорил «свет не был таким ярким, а все краски приобретают новый характер.» Хотя я и не знал, что он имел под словом «характер», но периодически слышали ночью отдаленные звуки, доносившиеся со второго этажа. Моя бессонница к теперешнему моменту совсем прошла, разве что теперь зрачок не наровил взорваться с треском, соприкоснувшись с лучами света. Временами я обнаруживал себя проснувшимся рано утром – когда лучи солнца, только разрезали мрачность этой весны. Алиса лежала возле меня свернувшись калачиком. Жизнь дома я давно оставил. Конечно мать временами задавалась вопросами где я пропадал и что делал. Но «пробежка по-утрам» была отличным способом скрыть мое отсутствие, по крайней мере на время.

«Ой, простите! Что тут за праздник?» - на кухне показался скульптор Стрелкин, прервавший разговор двух сестер. Выглядел он в своей привычной манере. Грязный халат, старая застиранная рубашка и обрезанные ниже колен штаны. Его

руки, как и привычно, были вымазаны густым слоем глины, который он по обыкновению ленился отмывать. Петренко как-то сказал мне, что после того как он продал несколько скульптур музею, художник начал экспериментировать с глиной, отчаянно пытаясь слепить что-то стоящее.

«У Алисы и Саши сегодня была роспись.» - ответил ему Петренко. Скульптор тут же поднес руку ко рту, то ли восхищаясь данной ситуацией, то ли ужасаясь. Как только он убрал ее и заговорил я увидел, что на подбородке отпечатался глиняный след, но его это похоже совсем не волновало. Маленький и забавный Стрелкин скорее напоминал крота, живущего в земле. Он выбирался из своей норы лишь периодически. По крайней мере я редко видел, чтобы он заходил дальше кухни или центрального коридора в жилище художников.

«Ой, простите! Поздравляю ребята! Брак это конечно чудесно.» - тут же сказал он с пущей театральностью. «Помню свою роспись с первой женой. Сколько радости то было.» - на мгновение он поднял голову, узревая лучи проникающего в кухню солнца. «...Потом правда все закончилось, через полгода...» - его интонация была уже не такой радостной и беспечной, а скорее наоборот. Петренко тут же вскочил, аккуратно ввалив на чистую тарелку отрезанный кусок торта.

«Алексей Никифорович, давайте не будем о плохом. Лучше присядьте с нами! Вот вам торт.» - Стрелкина, стесненного нашим обществом, это предложение похоже не прельщало. «Ой, ребята, спасибо! Не хочу отвлекать вас от празднования, я

лучше пойду.» - сказал он, поворачиваясь, после чего остановился и окинув торт взглядом сказал: «А от торта я пожалуй не откажусь...» - перемазанные глиной руки тут же взяли кусок торта, из приготовленной художником тарелки, и вскоре скульптор сладостно дожевывая его покинул нас.

«Четыре развода...» - мрачно сказал Петренко, нагнувшись ко мне.

«О чем вы там шепчетесь?» - мою супругу кажется не устраивало то, что я всеми силами избегал разговора, погруженный в свои мысли. Наверное, это и роднило нас с Петренко больше всего. Хотя меня, наверное, трудно назвать молчаливым, но временами, мучаясь от бессонницы, я открывал глаза и смотря в потолок, несколько раз моргал, с силой сжимая веки. Это был лучший способ прийти в себя от очередной порции размышлений и идей. Слегка пошевелив правой рукой, я все еще убеждался в том, что Алиса все еще на своем месте – сжавшись в комочек. И хотя я чувствовал ее дыхание, чувствовал ее тепло, мне важно было убедиться в том, что она все еще рядом, прикоснуться к той, которую я так любил. Сейчас она сидела прямо возле меня, а нас сковывали законные узы брака. Я не думал о том, что будет с нами завтра или через месяц. Я ни капли не сомневался в своем решении, и она похоже тоже. Каждый день я узнавал о супруге что-то новое, а приходя домой или в дом художников, шел по телефону и звонил в справочную службу, чтобы услышать ее голос.

«Вообще вы так и не рассказали, как все случилось» - Кэт кажется смотрела на меня, ожидая ответа. Алиса тут же повернулась в мою сторону и я понял, что даже при такой близости сестры, так и не обсудили этот разговор.

«Кто расскажет, ты или я?» - спросил я ее.

«Давай ты. Ты итак весь день молчишь» - сказал она мило улыбаясь. Я любил эту улыбку, любил ее всю, но так как сегодня – особенно.

После начала моего рассказа, никто из них меня не перебивал. Заря, так же как и художник сидели и слушали меня внимательно, периодически бросая взгляды на Алису или мило улыбаясь. В их улыбке я чувствовал поддержку, что-то родное, то что избавит меня от необходимости уткнуть глаза в пол и упустить подробности истории. Но на удивление, этого я не чувствовал. Я совсем не был стеснительным, совсем наоборот. Но когда рассказываешь подобную историю, ты волей-неволей понимаешь, что кто-то воспримет ее, а кто-то про себя подумает «влюбленный дурак» - хотя сейчас, глядя на мою жену, которая сжимала мою руку, поглаживая ладонь большим пальцем, я ничего не боялся. Я рассказал им о том, как периодически звонил в справочную, лишь бы услышать ее голос. Приходя домой или же в Дом Художников, где мне приходилось пользоваться общим телефоном. О том как однажды, буквально опьяненный чувством легкости в груди, которое отдавало мощным притоком адреналина в мозг, я не ответил на ее привычное «Здравствуйте, справочная. Чем могу помочь?»

«Здравствуйте девушка. Слушайте, у меня проблема...я кажется влюбился. Страшно влюбился и совершенно не знаю, что делать. Я встретил свою девушку больше месяца назад. Понимаете, я музыкант. И на моем первом концерте была она. Она случайно обернулась и наш взгляд встретился. Позже я встретил ее на одном квартирнике, и когда провожал ее, я, решившись на самый смелый поступок в жизни, поцеловал ее. Вы, наверное, думаете что я дурак. Но кажется я люблю ее. Если бы был способ сказать ей как сильно, то я бы это сделал. Жаль ЗАГС сейчас закрыт. Я бы взял ее на руки и отнес бы туда...»

Услышав мой пересказ рассказа, девушки тут же принялись обсуждать сказанное. Кэт начала говорить о том, как это мило, рассказывая о том как Петренко сделал ей предложение, а он тем временем протянул руку ко мне, легонько стукнув меня по плечу. Не слишком сильно, скорее так как вы обычно делаете чтобы привлечь внимание своего друга или коллеги.

«Слушай, я пойду покурить. Давай оставим девушек наедине.»

«Вы куда собрались?» - тут же сказала Алиса. Она явно почувствовала то натяжение, которое возникло во вплетении наших рук. Я наклонился и поцеловал ее в губы в попытке растянуть этот самый момент.

«Мы решили дать вам возможность обсудить все без нас.»

«По-моему, мы это сейчас и делаем.» - сказала она целуя меня в ответ. После чего добавила «Ну хорошо, идите.»

Мы почти съели кремовый торт, который приготовила Кэт. Хотя наверняка я конечно не знал. Временами в доме художников можно было застать кого-то за кухонной плитой. Стрелочкина, который после трудного дня наедине с глиной жарил себе яичницу поздно ночью. Я часто приходил на кухню, где, усевшись на подоконник, писал тексты наших песен. Кто-то из художников мог зайти туда, вроде Стрелкина, который почти все свое время проводил в мастерской. А выходя из нее, напоминал крота, неспособного жить в «верхней части мира», среди света и привычных советскому человеку ежедневных проблем.

Мы с Петренко сидели на крыльце дома художников в полной тишине. Временами до меня доходили звуки щебечущих птиц, пролетавших мимо нас. Ну и конечно, какая-нибудь из этих птиц могла залететь на крыльцо дома и сесть на верхнюю ступеньку, с интересом разглядывать двоих персонажей, которые оккупировали собой все крыльцо этого необычного дома. Меня, растянувшегося на стареньком диване, и художника, который вытянув ноги сидел в плетеном кресле, размышляя о чем-то.

Я окинув взглядом стену дома, размышляя о моей жене, которая благополучно сидела с сестрой обсуждая подробности свадьбы и наткнулся глазами на десяток-другой надписей. Стена дома художников постепенно разрасталась ими, будь-то обвитая эдаким плющом. Названия постепенно становились все больше, цветастее. «Мир и Любовь», написанная на самых разных языках, названия любимых групп вроде «The Doors»,

“Grateful Dead”. Кто-то написал на стене “Джони Р...” - явно не закончив свою работу. Я не знал кто это был, но на миг в голове проскочила мысль. Совершенно дурацкая – а что если когда-нибудь мы увидим название нашей группы на стене дома? Не важно, этого или еще одного.

«Слушай, о чем я собственно хотел поговорить...» - начал он.
«Как у вас с группой дела?»

«Ну...сейчас мы часто репетируем. Уже готово около десяти песен.»

«Я думаю этого вполне должно хватить для магнитоальбома.»

«Ты сейчас о чем?»

«Знаешь, Сеня пришел ко мне пару недель назад. Сказал, что у вас все в порядке и спросил не организую ли я вам тур.»

- 200...-

Новый семестр. Новая школа. С этими мыслями Ева проснулась в первый день своего учебного года. Будильник еще не зазвонил, но девушка уже почувствовала заметное раздражение и ноющие ощущения по всему телу. Ей не хотелось идти туда, в новый класс, видеть новых людей и начинать все сначала. После зимних каникул, она уговорила мать перевести ее в новую школу, где она бы смогла начать свое обучение по-новому. Мать кажется, понимала мотивы дочери, хоть ничего и не говорила. «Для меня она всегда будет самым верным другом.» - подумала девушка. Ее черные волосы, спадали на хмурое, заспанное лицо, которое смотрело на нее из зеркала. Обычно Еве нужно было несколько минут, чтобы привести себя в порядок, но сейчас она ненадолго застыла, изучая саму себя. «Краска немного высветлилась...через пару дней опять покрашу их.» - она красила волосы в черный цвет, хоть и сама не могла толком объяснить себе «Почему?». Родители не спрашивали ее об этом, полагая что этот «выброс» в поведении дочери, стал сугубо их влиянием. Во всяком случае она полагала, что они так думают.

- Ева, ты уже встала ?

Мать мягко постучала в дверь ванной, будто боясь нарушить спокойствие дочери.

- Да, мам. Все нормально.

- Хорошо. Я немного опаздываю на работу...» - сказала она, заходя в ванную. Ева тем временем чистила зубы и лишь кивнула головой, дав понять, что она слушает. Мама тем временем подошла к ней и откинула прядь волос с ее лица, пытаясь привлечь внимание дочери.

- И не переживай так. Так или иначе, я надеюсь, что ты сейчас там, где хотела быть.

«Она явно имела в виду старую школу» - подумала Ева.

- Я оставила на столе, на кухне, деньги на такси и завтрак. Там сильный снегопад, поэтому не вздумай ходить пешком...еще гляди застрянешь в сугробе. - сказала она, целуя дочку в щеку.

Через пару минут Ева вышла из ванной и услышав знакомый звук закрытой двери, принялась за свои размышления. Перед уходом мать приготовила ей любимый завтрак дочери – манную кашу. В окне на кухне, легкий снег все больше и больше заметал улочки города, в котором она жила. Она помнила, как впервые увидела его и была потрясена красотой и одновременным величием этого города. К тому моменту объединенная в одну страну Германия, радушно приняла маленькую девочку с ее эксцентричными родителями, под свое крыло. Хотя на самом деле эксцентричными вряд ли было можно назвать их, но все же Ева любила своих родителей. Чувствуя во рту сладкий вкус манной каши, она вспоминала, как ела ее в детстве, сидя на подоконнике их старой квартиры и смотря в город из окна промышленного квартала. Ее воспоминания, как и у любого ребенка, прочно затерялись в

океании человеческой памяти. Как любовное письмо, брошенное в воду после разлуки двух людей. Постепенно оно теряет свои черты, бумага размякает, а аккуратно выведенные слова любви, стираются, заставляя чернила расплыться на бумаге и потерять прежние черты. Закутавшись в свое привычное пальто, теплый вязаный свитер, девушка стала возле зеркала, внимательно изучая себе. «Интересно, мой имидж подойдет для новой школы?» - раздумывала Ева. Старая школа все еще виднелась в ее сознании. Она была не такой уж и плохой. Маленькая, уютная с двумя этажами. Ева проучилась там большую часть жизни и прекрасно помнила каждый ее уголок. По-своему она напоминала их старую квартиру –обветшавшая, она тут же заставила девушку вспомнить про все классы ее средней, младшей и один семестр старшей школы, после которого она покинула учебное заведение. Это не был выбор родителей или тщательно взвешенное решение. Новая школа была чуть больше ее старой, и там предлагали множество различных классов, которые в целом ей нравились. Еве хотелось заниматься искусством, что в целом и было самым приятным на новом месте – обширный художественный класс, который ученики посещали несколько дней в неделю. Интернетовского описания, найденного на сайте школы хватило, чтобы заинтересовать девушку, которая к тому моменту, все больше начала испытывать скуку. С одноклассниками она не общалась –в их классе всплывали различные конфликты, что заставляло ее отдалиться от того большинства, которое то ли дело вступало в конфронтацию с «меньшинством» класса. Ева не

интересовалась социальной жизнью в школе и вела себя достаточно отстраненно.

Выходя из дома, девушка несколько раз возвращалась к огромному зеркалу в прихожей – родители купили его пару месяцев назад, взамен старого, висевшего здесь со времен их переезда. Выглядело оно слегка потрепано, но в тоже время старое зеркало притягивало внимание. Ева еще раз удостоверилась в том, что выглядит достаточно круто: пальто, намотанный несколько раз шарф, который закрывал ее лицо и воротник пальто. Шапка «Carhatt», узкие джинсы, надетые поверх колгот и ботинки «Dr.Martens». Через плечо у девушки висела полупустая сумка, с которой ей предстояло пойти на свои первые занятия. Она не брала с собой слишком много вещей, так как знала, что сегодня ей необходимо будет получить учебники в библиотеке школы. Это и другие подробности ее первого дня, секретарь школы – фрау Левенталь, выслала на почтовый ящик мамы Евы.

Спустившись на улицу, Ева тут же поймала такси, после чего, устроившись на заднем сиденье, принялась изучать расписание занятий. Его она переписала в новую записную книжку, подаренную отцом. В последнее время они не слишком много общались, хоть в целом и были близки. Известие о том, что дочь меняет школу, казалось бы, затронуло Алекса Новака до глубины души. Он тут же вернулся с работы домой и принялся обсуждать подробности с дочерью. Это не был обычный разговор отца с дочерью, в котором он упрекал ее за поспешный выбор, как сделал бы любой другой отец.

- Мама сказала ты решила сменить школу. Все нормально?

- Да, пап. Конечно.

Он взял стул и уселся напротив нее, в обжитой девушкой комнате. Постеры, фотографии с концертов отца украшали ее комнату. Она не боготворила его, но раз в неделю ловила себя на мысли о том, что из множества сиди-дисков, покоящихся на полке ее шкафа, девушка достает тот самый, который когда-то записал ее отец. Она слушала его ночами, когда не могла заснуть. Свернувшись в калачик, Ева наблюдала, как на плесере одна песня перетекает в другую, а ночь постепенно переходит в день.

- Я спрашиваю на случай если что-то случилось. И ты хочешь об этом поговорить...

Он, окинул взглядом комнату, а потом и дочь, которая до этого увлеченно читала книгу.

- Я в последнее время много заседаю на работе, поэтому немного выбился из привычного графика. Надеюсь ты на меня не обижаешься.

Ева не обижалась. Совсем наоборот – ей было приятно, что отец уделяет ей внимание и интересуется ее жизнью.

- Да, пап, конечно я понимаю. Без проблем.

Алекса похоже вполне удовлетворил этот разговор. Выходя из комнаты, он окинул взглядом дочь, которая переводила

взгляды с него, на строчку второго абзаца книги - как раз там, где она остановилась.

- Кстати, я на днях собираюсь заскочить в музыкальный магазин. Может составишь мне компанию?

- Я буду только рада. Как раз хотела купить что-то новое...

В ответ он только улыбнулся. А после - скрылся в глубине квартиры. Ева тем временем слегка потеряла нить повествования, размышляя о том, что ждет их в музыкальном магазине. Периодически они с отцом ходили туда вместе, выискивая что-то интересное. Его не особо интересовала современная музыка, и кажется с каждым годом Алекс углублялся все глубже в корни того, что он играл. Ева брала с него пример, слушая те CD, которые она находила дома – брошенными на журнальном столике, или же в кабинете отца.

- Вас подвезти прямо к зданию или выйдете тут?

- Давайте здесь. - сказала Ева, рассматривая солидную пробку, в которую попало такси. Впереди как обычно по понедельникам собралось множество машин. Все спешили попасть на работу, учебу. Расплатившись с таксистом, она вышла на улицу и перешла дорогу. Ева уже знала где находится ее колледж. Туда она успела съездить с матерью и еще раз пройтись, просто рассматривая район. Колледж находился достаточно далеко от квартиры семьи Новак, в Шёненберге, но все же Ева решила посвятить субботнее утро рассматривая территорию колледжа, по пути в любимый книжный магазин.

Школьники разных возрастов начали показываться, стоило подойти чуть ближе к зданию. Кто-то шел пешком, живя в непосредственной близости от туда, кто-то вылезал из такси, также как Ева. Она переводила взгляд на людей, которых видела идущими к кирпичному зданию, внимательно изучая каждого. Школа делилась на несколько корпусов, все из которых занимали отдельную площадь. Каждый новый корпус превосходил предыдущий в несколько раз. Младшая школа, казалась маленькой пристройкой по сравнению со зданием, находящимся в самом отдалении от нее. Старшеклассникам нужно было обойти два корпуса, чтобы выйти к самому последнему – он находился гораздо дальше, перегородженный двумя зданиями, стоящими друг напротив друга. Выйдя на лужайку школы, Ева запагала по вычищенной дворником дорожке ведущей к зданию колледжа. В кармане пальто она нащупала плеер.

«Черт! Я совсем забыла и плеер и об выбранном альбоме!» - целую неделю она уверяла себя в том, что для первого учебного дня ей понадобится идеальная музыка. Что-то, что создаст ей настроение и позволит с комфортом чувствовать себя на новом месте, каким бы оно ни было. Нажав одну из кнопок, она почувствовала, как плеер довольно затрясся у нее в руках. Диск начал вращаться, а через несколько минут до девушки дошли звуки таких знакомых драм-ритмов. Это была пластинка The Smiths – “The Queen Is Dead”, которую она обожала. Конечно, эта музыка была врознь тому, что слушал ее отец. Но и их он любил. Именно Алекс купил дочери диск с этим альбомом, сказав, что он вышел в год ее рождения.

Временами Ева доставала CD и слушала его в гостиной, наслаждаясь легкостью пластинки. Мать с отцом ничего ей не говорили, разве что довольно улыбались и перешептывались между собой, явно обрадованные тем, что дочь продолжает семейную традицию почитания музыки.

К тому моменту как альбом доиграл, она уже достаточно пробыла в кабинете секретаря, но особой разницы между наплывом студентов не заметила. В колледже безусловно училось не так уж много людей, но похоже сейчас они все разбрелись по классам ожидая занятий. По коридору тянулась длинная очередь выкрашенных в синие шкафчики, как в эдаком американском фильме, разве что фонтанчик для питья отсутствовал. А его место занимали автоматы с едой, мимо которых девушка прошла, поднимаясь в кабинет секретаря. Несколько минут с фрау Левенталь, которая увлеченно что-то выискивала на компьютере, не сказали девушке ничего нового. Она лишь спросила Еву разобралась ли она с расписанием и объяснила как идти в библиотеку, сразу сказав, что работать она начнет не раньше второго урока.

Первым уроком в расписании девушки стоял немецкий. Его она аккуратно обвела красной пастой, будто бы обозначая зону риска. Ева чувствовала знакомое волнение, разыскивая свой класс. В наушниках, которые она опустила на шею, так и играли The Smiths, отдаваясь легкими звуками, которые доходили до нее. Периодически кто-то из студентов проходил мимо нее, бросая взгляды на девушку.

«Переход в другое учебное заведение – это вполне стандартная процедура.» - объяснял им с матерью директор. «в этом году у нас достаточно много детей, которые вдруг решили покинуть свои школы.» - Ева ничего не говорила, в то время как мать периодически задавала различные вопросы связанные с процессом обучения. Безусловно она одобряла выбор дочери, хотя как все же казалось Еве, Алиса стремилась узнать как можно больше, тем самым обезопасив дочь от новых проблем.

«Класс номер семь...» - сказала Ева, сверяя расписание с номером кабинета, возле которого она стояла. «Ну вот, сейчас я войду внутрь и встречу своих одноклассников...с этими людьми мне придется жить еще как минимум два года...». Класс был просторный, хорошо освещенный. Массивная доска растягивалась почти на всю стену, а широкие окна хорошо освещали класс, который понемногу наполнялся учениками. Кто-то из ребят сидел на партах болтая друг с другом, кто-то изучал записи в тетрадях или отвечал на сообщения по телефону. «Похоже здесь все чем-то заняты.» - никто не обратил особого внимания на восшедшую Еву, разве что пара человек обернулись, посмотрев на девушку, которая к тому моменту уже заняла свое место. Хоть казалось, что ребята набились в классе как утки, парты были заняты лишь на первые три ряда, так что найдя свободное место, на втором ряду, девушка села на него и принялась готовиться к уроку. Книг у нее не было, поэтому пошарив в сумке, среди нескольких сиди, которые она взяла, девушка вытащила несколько тетрадей, ручку и записную книжку, после чего, выудив из кармана плеер,

вытащила диск с красовавшейся на нем розоватой надписью «The Smiths – Queen is Dead» и положила в его “обложку».

«The Smiths, да? Классная группа.» - прозвучало у нее над головой. Девушка повернула голову и внимательно посмотрела на сказавшего это. Слева от нее, на соседней парте сидело двое ребят. Парень и девушка. Он смотрел на нее улыбаясь, явно ожидая ответа, затем добавил.

«Привет, меня зовут Лукас.» - сказал он. Протягивая руку. Ева тут же улыбнулась и пожимая парню руку проговорила.

«Я – Ева. Я кажется новенькая здесь...»

«О, круто! Рад что теперь знаю еще одного фаната The Smiths. А то моя соседка не особо слушает их...» - сказал он, прокашлявшись на сидевшую рядом девушку. Она похоже никак не походила на фаната The Smiths. Светлые волосы, почти такие же светлые как у матери Евы, кольцо в носу и обильно подведенные темным цветом глаза. Девушка, услышав его слова, тут же недовольно заплась.

«Почему это?! Я люблю The Smiths!»

«Ну да...ты же вроде пару песен только знаешь.»

«Ну это же не The Cure или Nirvana.» - она переметнула взгляд на Еву, наблюдавшей все это действие и добавила «Прости этого придурка! Я – Андреа. Можешь звать меня Энди.»

«Приятно познакомиться!» - тут же добавила Ева. Ребята продолжили разговор, явно не обращая внимания на девушку.

Лукас похоже достаточно хорошо знал Энди, во всяком случае, они уж точно были друзьями.

«Ты же знаешь, я не люблю твой готик-рок...Хотя Nirvana неплохая группа. Определенно неплохая!»

«Спасибо, что оценил творчество легенд современной музыки, Лукас! Чтобы я делала без тебя!» - сказала Андреа, улыбаясь Еве.

«Как вам вообще занятия?»

«Да в целом нормально. У нас мало занятий по немецкому. Да и она так себе...Но думаю уроки изобразительного искусства тебе понравятся. Ты же поэтому выбрала наш класс?»

«Да.»

«Она в целом нормальная, даже очень. Интересно ведет занятия. Во всяком случае, мы с Лукасом не спим на них.» - продолжила Энди. Ева внимательно слушала девушку, тем временем рассматривая ее. Андреа выглядела достаточно круто, по меркам старшей школы, собственно, как и Лукас. Другие ребята в классе тем временем начали бросать взгляды на Еву, которая во всю беседовала с двумя новыми друзьями.

«Привет! Ты новенькая?» - вскоре прервали их. Ева подняла глаза глядя на нескольких человек, которые явно проявили интерес к ней.

«Да, привет, я Ева!» - поздоровалась она. Немцы по очереди подходили к ней, протягивая девушке свои руки со словами «Я – Рольф\Мартин\Уве\Эльке\Криста\Николь.» - всех их, Ева

конечно же не запомнила. Для нее это был один из тех эпизодов. Вроде как когда ты знакомишься с компанией друзей и тщательно пытаешься не забыть имена каждого. Правда в конечном счете она все же потерялась во множестве этих приветливых лиц, которые подступили к ней, протягивая руки и лучезарно здороваясь. Вскоре поток новых друзей закончился, а в коридоре прозвенел звонок, обозначающий начало учебного дня. Ребята расселись по своим местам, ожидая начала урока.

«Она обычно приходит минуты через две после звонка.» - сказал Лукас нагнувшись к ней. По своему виду, он совершенно не отличался от Энди. Разве что смуглая кожа парня, выдавала в нем представителя другой национальности. Длинные волосы спадали на плечи парня, обрамляя черную, слегка потертую толстовку и футболку с надписью «Pantera», пододетую под нее.

«А она не наедет на меня за то, что у меня нет учебника?»

«У тебя нет?» - весело спросил парень.

«Я сегодня первый день, а библиотека открывается со второго урока.»

«Блин, черт...» - сказал он, затем добавил. «Слушай, ну возьми мой. У нас с Энди все равно их два.» - протягивая Еве толстую книгу с изображением Бранденбургских ворот.

«Спасибо.» - волнение вскоре отпустило ее, и открыв тетрадь на первой странице, девушка рассматривала пустые строчки и

поля, ожидая начало своего первого занятия. Ждать долго не пришлось. Вскоре в класс вошла преподаватель, приветствуя всех детей.

«Доброе утро, ребята. Как выходные?» - женщина сияла лучезарной улыбкой на весь класс. Высокая, худая, с длинными седыми волосами. Она, как и мать девушки, похоже никогда не пользовалась ни резинкой ни расческой, предпочитая одну маленькую заколочку, которой она приколола спадающую на глаза челку. Женщина походила на эдакую более старую вариацию престарелой Дженис Джоплин. Джинсы-клише, кеды и просторная вязаная кофта, которая была явно велика на нее.

«Присаживайтесь!» - сказала она, просматривая класс. Очки половинки обрамляли ее маленький и тонкий нос, придавая этой даме еще больше некой теплоты.

«Итак, надеюсь вы хорошо провели зимние каникулы. У меня они правда прошли так себе...но, зато будет повод обсудить это все в письменном сочинении, которое вы напишете дома!» - преподаватель сделала несколько шагов к столу, и взяла оттуда папку, которую принялась изучать.

«Так-с...кажется у нас в классе пополнение.» - протягивая слова, сказала она. «Ева Новак, присутствует?»

«Да, здравствуйте!» - сказала Ева вставая. Ребята тут же переключили взгляд с преподавателя, на новую студентку, с которой все уже успели познакомиться. Кто-то из девушек

улыбался ей, как бы подбадривая и говоря «ничего страшного», кто-то перешептывался. Лукас и Энди тем временем что-то обсуждали, явно не обращая внимание на происходящее.

«Привет, Ева! Я фрау Нёллер, буду вести у тебя немецкий. Как твои дела?» - фрау Нёллер сияла улыбкой, но все же смотря в глаза женщине, Ева понимала, что ее похоже и впрямь интересовал ответ на вопрос.

«Пытаюсь привыкнуть.»

«К новой школе?»

«Да.»

«Ну что-ж...думаю это пройдет. Нас здесь немного, но у нас очень дружный коллектив!» - сказала она, явно подчеркивая слово «очень». «Присаживайся пожалуйста!»

Фрау Нёллер казалось выдерживала паузу, чтобы продолжить разговор с Евой, и через пару минут переспросила «Ева, могу я спросить: у тебя очень интересная фамилия, откуда ты родом?»

«Я из России.»

«Замечательно! Обожаю русскую кухню! Но почему я спросила — я помню, что был музыкант с подобной фамилией...Хотя я думаю вы все знаете о ком я говорю.» - ребята начали переводить взгляд с фрау Нёллер на Еву, вникая словам женщины и пытаясь предугадать какой же ответ даст на них девушка.

«Вспомнила – «Неврология». Так называлась их группа! Играли они конечно давно, но я помню, как слушала их песни лет десять назад... Так вы случайно не родственники?»

«Эм... Да... Что-то вроде того.» - Ева не хотела говорить о том, что Алекс Новак – это ее отец. Она любила отца, любила по-своему, но никогда не хотела чтобы ее воспринимали как «дочь известного музыканта». Такого, которого временами показывали по телевидению во многочисленных репортажах, говоря что-то вроде «Музыкальную индустрию ждет большой прорыв! Алекс Новак – вокалист и участник легендарной российской панк-группы «Неврология», занялся продюсированием следующего альбома английского коллектива The Lizard Squad. Об этом сегодня сообщили в пресс-службе Silver Records». Сейчас она старалась жить без мысли о том, что она дочь «Алекса Новака», хотя всем сердцем любила песни своего отца.

«Ну как тебе?»

«Слушай, вроде ничего.» - тут же ответила Энди.

«Ева, ты будешь?»

«Я подожду пока вы ребята надышитесь.» - тут же ответила девушка. Происходящее явно ее не интересовало, именно поэтому она погрузилась в мысли о том, как встретила этих людей. Это было больше нескольких месяцев назад, но они уже успели стать друзьями. Она хорошо помнила тот первый день

занятий в новом колледже, где в первый раз встретила ребят. Тогда она еще не знала о том, как сдружиться с ними в ближайшие месяцы. В последнее время компания постоянно проводила время вместе, за что учителя называли их «тройняшки».

«Фуух...» - заплась Энди. «Кажется меня начинает вперать.» - она нервно потеряла переносицу, после чего сделала два глубоких вдоха через нос. «Слушай, где ты взял?»

«Там же, где и всегда.» - ответил ей Лукас, пряча пакет с порошком в карман. Его взгляд вскоре упал на Еву, которая стояла, держа сигарету подруги в руке. Она не курила, наоборот считала эту привычку слегка даже дикой. Хотя, временами она заставляла дома отца, в тишине курящего на просторном балконе. Он слегка сгорбливался, и облокотившись на кованое основание балкона, взирал на ночной Берлин.

«Ладно, давай.» - сказала девушка. Энди все еще шмыгала носом, довольно потирая его.

«Отдай мою сигарету.» - сказала она подруге. Ева тут же передала ей дымящийся окурок, а сама переключила взгляд на Лукаса. Он старательно рассыпал ей на кисть горсть порошка из того большого запаса, который был у него в пакетике. Вскоре маленький участок кожи на руке девушки – между большим и указательным пальцем, покрылся белой пудрой, слегка напоминавшей муку.

«И что мне делать?» - спросила она у стоящего рядом Лукаса.

«Зажми одну ноздрю.» - показал он на себе. «И задержи дыхание. А когда нагнешься просто быстро вдохни носом и все.»

Ева в точности повторила то, что сказал ей друг. «Зажать ноздрю – есть, нагнуться – есть и втянуть носом.» - она повторяла эту инструкцию в точности как мантру, надеясь, что она поможет ей справиться с диковинным наркотиком. Один быстрый вдох и скребущее ощущение в носу. Ева тут же зажмурила глаза. Порошок будто наждачная бумага прошелся по ее носоглотке, вызвав неприятные ощущения. Она слегка закашлялась, ощущая его странный химический вкус у себя на языке.

«Ну как, Ева ?» - спросила ее Энди. Ей похоже порошок пришелся по вкусу, хоть она этого никак не показывала. Она, как и несколько минут назад, курила свою сигарету, отходя после привычной для них дозы образовательной деятельности. Их расписание периодически менялось, во всяком случае после того как преподаватель по математике заболела. Художественному классу понадобилась замена, из-за чего занятия в пятницу ребятам слегка подвинули. Поэтому теперь их уроки заканчивались куда позже. Для Евы это не было чем-то плохим. Обычно в пятницу она любила прохаживаться до дома пешком, редко спускаясь в метро. Это было одним из ее излюбленных занятий – изучать город в котором она жила. Это все началось примерно в то же время как она пришла в новый класс. Фрау Нёеллер задала им написать сочинение на тему «город в котором я живу», которое тут же поставило Еву в

тупик. За всю жизнь она особо не интересовалась ни Берлином, ни его историей. Ее отец работал в одном из промышленных районов города, вблизи остатков Берлинской стены, так-что периодически она прогуливалась там, любуясь граффити, которые в своем множестве покрывали эту стену. Алекс Новак хорошо знал историю и периодически интересовался историей города. Временами он водил дочь с женой в самые разные музеи, после чего они все вместе принимались обсуждать семейные походы. Но как только она пошла в новую школу, Ева начала все свое время проводить в компании друзей. Родители похоже были рады такому стечению обстоятельств. Да им нравились Лукас и Энди. Временами, придя домой к Еве, ребята как бы ненароком затевали с отцом девушки разговор об его карьере в «Неврологии», чем явно смущали ее. Алекс похоже был рад, что даже среди друзей дочери находятся фанаты его творчества, хоть в последнее время Ева и стала чаще слышать о группе отца.

«Ну как тебе ?» - Лукас слегка пригнулся, заглядывая в глаза Евы. Его лицо похоже никак не изменилось после добротной порции наркотика, которого они с Энди употребляли почти повсеместно. Все те же сероватые глаза и длинные волосы, которые обрамляли его вытянутое лицо.

«Вроде ничего.» - Ева постепенно начала ощущать прилив энергии, который своими ощущениями затмевал раздражение в носу и химический привкус все еще держащийся на языке.

«Слушай, если хочешь возьми еще.» - тут же сказала Энди. «Я уже три горстки вынюхала. Чувствую себя просто афигенно!» - сказала она, чуть не крича.

«Ладно, давай...» - нехотя проговорила Ева. Хотя, как она сама отказывалась признать, наркотик все же повлиял на ее организм, реакция стала быстрее, а чувство легкости еще держалось где-то глубоко внутри ее. Лукас тем временем продолжил рассыпать порошок, комментируя это все собственными словами:

«Чуть-чуть для Андреи...»

«Прекрати меня так называть...» - в последнее время, Энди много психовала из-за своего имени, хотя большую часть времени она, как и Лукас оставалась спокойной.

«А теперь для Евы...» - Несколько граммов белого вещества, постепенно пересыпались из прозрачного пакетика на кисть девушки. Энди к тому моменту уже успешно присосалась к дозе порошка насыпанной на кисти.

«А теперь немного и для меня.» - сказал Лукас, повторяя ту же процедуру. В один момент он избавился от каких-либо улик, которые могли быть замечены на его ладони, растворив белый порошок в своих легких.

«Ева, ну а ты чего стоишь?».

«Да, сейчас.» - девушка тут же зажала одну ноздрю указательным пальцем и как и прежде повторила процедуру.

Вдох, легкий кашель, сильный зуд в носоглотке и все тот же, химический привкус на языке. «Будто сходил к зубному!» тут же подумала она.

Энди довольно пошмыгала носом, потирая его. К тому моменту он уже покраснелся, как если бы девушка долго гуляла на морозе. Зима в Берлине была не очень жесткой, по крайней мере не такой жесткой как в России. Ева до сих пор помнила, как в детстве, мать закутывала ее, прежде чем выйти на улицу. Несколько шарфов, теплая пуховая куртка. Заматавшись в эту одежду, они молча шли по дороге на остановку, а оттуда в справочное бюро, где работала мать девушки. Правда за годы она уже заметно подзабыла все истории – они, постепенно перемешавшись в голове вскоре заметно расплывшись и потеряв все свои подробности так, что девушке приходилось освещать память о прошлых временах, просматривая фотоальбомы. Алекс Новак не особо любил фотографии, поэтому все свои снимки редко пересматривал, сделав их достоянием дочери. Их и старый фотоаппарат, который она без каких-либо сомнений отдала во временное пользование Энди. «Слушай, это супер» - сказала подруга при виде аппарата. Ева знала, что девушка любит фотографировать и давно подыскивала камеру для снимков, так что после того как Энди обзавелась новым аппаратом, старый фотоальбом отца постепенно начал пестреть новыми снимками, которые ребята делали, гуляя по городу или в школе.

«Слушайте, может сделаем фото сейчас?» - тут же спросила Энди.

«Ты совсем чокнутая?! Нас тут итак могут увидеть.» - вся троица тем временем находилась недалеко от школы. Большая трансформаторная будка, стоящая в самом конце школьной парковки, служила убежищем для Лукаса и Энди, которые периодически курили там, перед тем как покинуть школу. Трава вокруг будки уже успела покрыться заметным количеством окурков, на которые Ева смотрела через призму одурманенного наркотиком сознания. Сердцебиение стало быстрее и казалось, что она может слышать его, даже не проверяя у себя пульс, а просто стоя посреди улицы.

«Ну как тебе ?» - спросила у нее Энди.

«Слушай, по-моему, что-то произошло...»

«Что с тобой ?» - вмешался Лукас.

«Это трудно объяснить.» - Ева и впрямь не понимала, что происходит, мысли в голове проскакивали молниеносно, а ощущения внутри живота сменялись с «медного кома», который поднимаясь к ее горлу будто оповещал девушку о новом приступе волнения, до пьянящей эйфории и полной протрации.

«Слушай, что мне делать ?» - спросила она Лукаса, подняв голову.

«Все нормально. Слушай что ты должна сделать. Просто придешь домой и иди в свою комнату. Думаю, никто ничего не узнает. Мы постоянно это делаем.»

«Лукас, говори за себя!» - обиженно проговорила Энди. Но в конце концов добавила «Хотя, если ты за порошок, то нет. Я больше предпочитаю марки.»

Ева знала, о чем она говорит. ЛСД. Разговоры об этом периодически доходили до нее в школьной раздевалке, перед занятиями физкультурой. Кто-то из девушек рассказывал о том, как рейвился на вечеринке, где-нибудь в индустриальной части города. Ева не знала точно, что это были за собрания.

«Лукас кажется в курсе...по крайней мере его часто зовут на такие тусы, когда нужно кому-то что-то продать» - объясняла Энди. С Лукасом они расстались несколько минут назад, и теперь просто шли вдоль улицы по направлению к станции метро. Андреа жила где-то в районе Пренцлауэр-Берга – Ева точно не знала где. Когда-то они были у нее дома, один раз. Это было несколько недель назад, когда ребятам срочно понадобилось сделать совместный проект по немецкому языку. Ева плохо помнила где находился дом Энди – всю дорогу в такси они с Лукасом говорили о музыке, о HOLE и Кортни Лав и Nirvana, а сам Лукас тем временем отбрасывал комментарии водителю-турку. Что-то типа: «Довезите нас до конца улицы, поверните налево и езжайте в обратную сторону...Да, теперь заедьте в переулок и остановитесь возле бара «Глаза Змеи»...Отлично. Спасибо. Сколько с нас?» - собственно вот чем и ограничивалась их поездка. Временами перед глазами Евы проскакивали знакомые достопримечательности – скверы, бульвары, фонтанчик, который большой группой, оккупировали скейтеры. В последнее время она начала изучать

город, в котором она жила. Ева давно признавалась себе, что ей это было интересно, но задумалась об этом лишь когда фрау Нёеллер задала им то самое сочинение. «Что я знаю о Берлине?» - эта мысль не давала ей покоя всю ночь, за несколько дней перед тем как она наконец взялась написать доклад на заданную тему. Девушка вспоминала о своих первых ночах в Берлине, о том, как прислонившись к холодному стеклу в их старой квартире, она ощущала быстрое дыхание этого города, его свет, и все присущие Берлину признаки жизни. Сейчас, поняв, что она совершенно ничего не знает о городе, давно ставшем для нее родным, Ева принималась изучать всю его жизнь, по крайней мере такой, какой она видела

ее.

Действие наркотиков похоже подходило к концу, хотя Энди все еще говорила, и говорила без умолку. Ева повернула голову, глядя на подругу, которая уставившись в пол, что-то нервно бормотала. Ее зрачки были расширены, а взгляд, хоть он и был – полностью отсутствовал. «Похоже Энди находилась в полной прострации.» - подумала она. Перед спуском в станцию метро, девушки решили присесть на лавочке, дав своим мозгам немного передохнуть, что было разумным решением, учитывая какую дозу они только-что приняли.

«Ты в порядке?»

«Что? Да...в порядке. Я кайфую, подруга.» - быстро протараторила Энди.

«Слушай, ты упорота.»

«Да ты похожеже тоже.» - сказала она, заливаясь диким смехом. «Похоже нас обоих взяло по самое не могу.» Смех подруги тут же разрезал пространство, заставляя Еву залиться хохотом.

«Может надо было еще у него попросить?» - сказала Ева, сдерживая внезапные приступы смеха. Прохожие тем временем косились на двух девушек, которые обняв друг-друга сидели на лавочке, заливаясь безконтрольными приступами громкого смеха. Ева на минуту задумалась о Лукасе. «Может мне и впрямь купить что-то еще через него?». Основным преимуществом Лукаса, было то, что он жил в Кройцберге рядом с тамошним драгдиллером, которого знал много лет. Он не часто упоминал о своем товарище, лишь периодически, когда рассказывал истории о том, как они в очередной раз ушли в угар. Ева не особо вникала в подробности, как и Энди, которая всегда, забавы ради задавала кучу нормальных, по ее мнению, вопросов и дурацких, по мнению Лукаса, всегда считавшим свои «кислотные триппы» чем-то обыденным. Они слушали его рассказы, доходя от колледжа, до станции метро Südstern вблизи Бергманштрассе. На этой улице ребята обычно расставались, а Лукас превращался в темной пятно, удаляющееся дальше и дальше вглубь переулков и улочек этого района.

Станция Südstern обычно служила эдаким перевалочным пунктом для ребят. Бывало Ева и Энди могли сидеть там по пятнадцать минут, болтая о том и о сем.

«Слушай, ты вроде нормально, да?» - спросила ее Энди. Она сняла свою сероватую шапку и как следует встряхнула светлые

волосы. Выглядела она в целом странно. Хотя это ощущение Ева списала на дозу наркотика, уже давно плававшего в ее крови.

«Да вроде...» - сказала девушка. Она ощущала, как ее пульс постепенно приходил в норму. Во всяком случае, теперь это не так пугало ее как несколько минут назад, когда она только закрывала одну ноздрю указательным пальцем.

«Слушай, меня кажется вптырило не по-детски. Можешь просто посадить меня в поезд и все.» - Ева смутно помнила, как девушки дошли до станции. Все воспоминания расплывались, как после бутылки джина, которую они распили неделей ранее. Но теперь это были совершенно другие ощущения. «Зажать одну ноздрю – улица, наклонится – желтоватая плитка на станции метро, втянуть в себя – треск вагонов и взгляды пассажиров.» Ноги плохо держали девушку, только зашедшую в поезд. Ева посадила Энди в предыдущий вагон несколько минут назад, после чего недолго дожидаясь, села в следующий поезд по направлению к станции Айзенахер Штрассе. Наушники Ева не думала надевать - слишком сильный был эффект от наркотика, и ей требовалось какое-то время чтобы успокоиться. Мысли девушки пролетали в голове с астрономической скоростью.

«А вдруг меня поймают и увезут в участок?» - запаниковала она. Временами она натыкалась на полицию на станции метро, которые подкарауливали различных райтеров, приезжавших разрисовывать зеленую плитку станции в диковинные цвета. Хотя самой Еве было симпатично это искусство. Во всяком

случае, к этому ее приучила Энди, которая большую часть времени слушала диковинный рэп и ради забавы использовала фразочки вроде «Эй, сучка! Че сказала?!» - в отношении одноклассников.

Звуки метро постепенно начали успокаивать девушку, которая к тому моменту начала чувствовать усталость. Внезапно прежде яркие ощущения прошли. Свет стал тусклее, будто его кто-то выключил.

«Неужели все прошло?» - подумала она. После чего приложив два пальца к шее, принялась измерять свой пульс. Она всегда так делала с тех пор, как у нее начались проблемы с сердцем. Хотя нельзя было назвать это большими проблемами. В младших классах ей приходилось пропускать физкультуру из-за слишком сильных скачков пульса. Врачи говорили матери девушки, что это возрастное и скорее всего связано с половым созреванием, что в целом вгоняло Еву Новак в краску. Она особо не беседовала с родителями на такие темы, хоть для нее они были сродни друзьям. С матерью и отцом она общалась хорошо и часто становилась свидетелем их воспоминаний о прошлом, вроде тех моментов, когда они оба обсуждали собственную свадьбу. Ей нравилось смотреть на них в тот момент. То, как ее отец клал руку на руку матери, их влюбленные взгляды. Ева думала сможет ли она когда-нибудь также встретить кого-нибудь ? Сможет ли полюбить также как они тогда? Хоть это было много лет назад, девушка все равно любила слышать эту историю.

«О том, что мы поженились никто не знал. Кроме моей сестры...Вернее тети.» - рассказывала ей мать. «А потом...твой отец пришел домой и...» - сказала она, начиная смеяться. Ее мать всегда рассказывала историю именно так, не преувеличивая не преуменьшая, ясно давая понять, что подробности тех лет еще живы в ее памяти, а не лежат где-то в черном ящике сознания. «...потом он пришел домой, и твоя бабушка все узнала. Она стирала его брюки откуда выпал паспорт. А там к тому моменту стоял штамп.» - Ева вспоминала этот рассказ всякий раз как глядела на мать, думая о том – насколько же она счастлива сейчас. Уже прошло много лет, теперь Алиса Новак работает в питомнике для животных. Она сама выбрала эту работу, потому-что любила собак и кошек и всю живность. Хотя у них в семье так и не было никого. Хотя в детстве Ева все же грезил о собаке, но постепенно эта идея ушла в долгий ящик, куда она ее отложила. Эта мысль временами всплывала в ее сознании, особенно когда девушка появлялась дома одна. В этот день квартира казалась ей совсем мертвой. Она повернула замок в двери, закрывая ее и внимательно прислушалась. Похоже никого из родителей дома еще не было. Это давало ей необходимое время прийти в себя и привести себя в порядок после порции порошка, который все еще плавал по крови, как поезд по тоннелю метро. Ева представляла, как огромные шарики белого порошка, проносились по сосудам, в виде множества метеоритов, разбивая все встречающееся на пути. Они вливались в океан колышущихся кровеносных сосудов, уничтожая то красные кровяные тельца, то различные бактерии. Вот он достигали мозга и наступал экстаз. Девушка все еще чувствовала зуд и

неприятные ощущения в носу – там, где как ей казалось прошлись наждачной бумагой. Она внимательно ощупала нос – не распух, крови тоже не было. «Все это так странно.» - сказала девушка, глядя на себя в зеркало в ванной.

Ева стянула с себя всю одежду и отправилась в душ, где прервала свои фантазии о пребывании наркотика в организме. Ее дыхание все еще было интенсивным, от тех нескольких горок, которые она вынюхала. Девушка тут же подняла свою кисть и стала рассматривать ее. Это было в самый раз для еще одного прохладного денька в февральском Берлине. Сама Ева казалось, перестала обращать внимание на поток воды, сходявший по коже. Сфокусировав взгляд на ладони, девушка замерла, вспоминая ту самую первую горсть порошка. Химический привкус до сих пор чувствовался на языке. «Надо бы почистить зубы.» - подумала она. Прежде яркие ощущения казались немного тусклыми, будто кто-то, посреди вечеринки резко выключил свет. Вскоре, оторвав взгляд от ладони, она ополоснула ее под струей воды, в надежде уничтожить все следы наркотика, которые могли у нее внезапно появиться. Эта была банальная параноидальная предосторожность, которая, как она сама полагала, шла в комплекте с ее образом «хорошей девочки». «Базовая настройка.» - как говорила сама Ева. Хотя после знакомства с Лукасом и Энди, ей удалось значительно измениться. «Ну по крайней мере я хоть пытаюсь.» Это была одна из тех вещей сопоставимых с жизнью родителей девушки в СССР. Они не слишком много говорили об этом, хоть временами Алиса Новак и впадала в ностальгию, рассказывая о тех или иных вещах. «, Наверное, это следствие ее работы. Хотя

мать достаточно любит животных...» - Ева знала, что благодаря работе отца, ее мать могла себе позволить жизнь эдакой богемной домохозяйки. Лежание дома целый день, сон до обеда, шумные компании и дорогие рестораны, множество разношерстных друзей, среди которых мать девушки выделилась бы сразу. «Она была бы самой яркой среди всех...» - прошептала Ева сама в себе. Выйдя из ванной, она услышала легкие проигрыши в стереосистеме. «Должно быть кто-то из родителей вернулся...» - подумала девушка. Зубная паста, которой она обильно вычистила полость рта и язык, отдавала легким мятным жжением, а кожа несмотря на несколько минут теплого душа, все еще казалась вспотевшей.

«Привет, доча!» - послышалось с кухни. Отец стоял над кухонной столешницей, спиной к духовке, где во всю происходил процесс готовки. Ева внимательно прислушалась – наркотическая эйфория уже прошла, оставив абсолютно пустую Еву, которую порошок напичкал волнением и нервозностью. Девушка старалась не показать отцу, что что-то случилось и вести себя нормально.

«Привет, пап.» - сказала она, проходя на кухню. Их квартира была достаточно просторной и хорошо обставленной. Большая гостиная была отделена от кухни, лишь небольшой ширмой в азиатском стиле, которую ее родители обычно сдвигали в сторону, объединяя две комнаты в одну. Столешница, также служившая барной стойкой, находилась чуть поодаль от деревянного стола, на котором семья обычно ужинала. Именно на ней расположился ее отец. К тому

моменту как девушка уселась на один из стульев, он тщательно помешивал сковородку. В воздухе пахло беконом, а из стереосистемы доносились легкие акустические проигрыши. Девушка хорошо знала эту песню. Это был один из треков из альбома “Out of Time” группы R.E.M. – «Losing My Religion». Она хорошо знала эту песню, так как частенько натыкалась на трансляцию клипа по MTV. Разве что, в последнее время Ева совсем уж потеряла интерес к телевидению – все больше времени она проводила за чтением каких-нибудь книг, которые покупала на карманные деньги.

«Как там Лукас и Андреа?» - спросил отец, смотря на нее. Бекон на сковородке позади него все больше поджаривался, заставляя Алекса периодически поворачиваться и перемешивать его на сковородке.

«Да вроде бы неплохо...В пятницу обычно ничего интересного не происходит.» - Ева была полностью опустошена. Казалось, что вместе с наркотиком, все ее настроение куда-то ушло. Поэтому найдя в себе силы, девушка выдавила из себя улыбку, которая явно устроила отца.

«А я сегодня немного раньше закончил...Решил вот, похозяйничать дома. Ребята конечно звали меня в ресторан, но особо не было желания идти – я предпочел провести время с моей дочуркой.» - сказал он улыбаясь. «Ты яичницу будешь?»

«Да, давай.» - вяло протянула она. Сейчас она не слишком то хотела говорить. «Нужно на что-то отвлечь его.» - подумала Ева. «Найду тему для разговора, а сама немного

подкреплюсь...». Алекс тем временем отправил несколько нарезанных частей болгарского перца на сковородку.

«Ты какая-то молчаливая?» - сказал он, поворачиваясь к дочери.
«Все нормально?»

«Да нет, я просто думаю... Пару недель назад мы с ребятами гуляли возле Берлинской стены. Лукас сказал, что когда Германию еще не объединили, если ты подходил к стене, просто дотронуться до нее, то в тебя могли выстрелить...»

«Хм...» - Ева знала, что отец не очень-то любил обсуждать свою жизнь в СССР, во всяком случае при посторонних. Временами, когда в их квартире появлялись различные гости – вроде тех, с кем работал ее отец, или ее крестного – давнего друга отца и художника, Алекс старательно избегал этой темы.

«Вообще в то время все было под подобным напряжением. И во времена Союза, тебя могли не застрелить...но скажем так, провести беседу, как было со мной.» - «Раньше я этого не слышала...» - подумала тут же девушка.

«Я просто не особо часто об этом рассказываю.» - тут же сказал отец, слегка смеясь. «Черт! Я что сказала это в слух?»- она прижала ладонь ко рту удостовераясь в том, что губы не двигались и она не сболтнула лишнего. «Прости, я не ожидала что скажу вслух...» - тут же виновато добавила она.

«Если тебе интересно, то я могу рассказать...» - Отец не выглядел взволнованным или раздосадованным. Он слегка

приподнял бровь, как бы выжидая ответа от дочери. Ева же в свою очередь поправила прядь волос, спавшую на лицо. Это был трюк. Прядь волос не мешала ей, хоть еще была влажной от душа. Она не знала, что ответить отцу, который ожидая ответа, ждал что она скажет. Она обдумывала слова боясь сказать что-то не то. Хотя по большей степени это все было одним из последствия вдыхания порошка, о котором она все еще размышляла.

«Да, хорошо...Хотя я совсем не знаю, что спросить. Мама вроде рассказывала о том, что что-то такое было. Дефицит товаров и все такое.»

«Ты же помнишь детство?» - сказал он, помешивая жарящийся бекон.

«Немного помню...помню, как читала цветные книжки, там, где мы тогда жили. Помню, как рисовала в детстве и бегала с большой кисточкой в руках, пока мамы не было дома. Я правда не помню кто за мной присматривал...»

«Мать твоя тогда работала одна. А меня...меня не было. Поэтому за тобой приходилось присматривать тем, кто был рядом.»

«Я помню, как пару раз была у матери на работе...Странно место.»

«Да, она работала в справочном бюро. Раньше не было интернета и телефонных книг, поэтому было такое место, куда можно было позвонить и узнать, что тебе нужно.»

«Ну, а ты что?» - сказала девушка. «Черт! Как-то неадекватно прозвучало.» - хотя на самом деле это ни капли не задело отца, он лишь немного рассмеялся и разбив несколько яиц в почти готовое блюдо прикрыл его, снова повернувшись к дочери.

«Ну как Лукас сказал – военные стреляли в людей. Ничего такого я не помню, разве что меня несколько раз допрашивали КГБ, ну и потом...» - его голос в конце предложения стал немного ниже. Ева понимала, что сама не зная того, подводила его к той теме, которую он никак не хотел затрагивать. Алекс Новак слегка насупился, глядя по сторонам, его морщины принимали вид недовольной гримасы, которая сразу же отпугнула дочку музыканта от дальнейших расспросов.

«В первый раз обыск был в квартире моей матери – твоей бабушки...»

«И как это было?»

«Мы тогда уже дали несколько концертов по нашей области и другим частям России. Только вернулись из тура. В итоге как-то я шел к себе домой – повидать мать. Она конечно выгнала меня, как только узнала про то, что мы с твоей матерью расписались... Хотя, все же, наверное, я сам ушел...»

«И что было дальше?» - Алекс внезапно насупился, будто бы воспоминания былых лет оживали в его голове, не давая покоя и вгоняя в тревогу.

«Я только подходил к дому и увидел, как в окнах квартиры шастают люди... Я-то знал, что мать не станет закатывать кутеж

пока меня нет. А свет горел везде, везде были видны люди. Они что-то делали – ходили из одной комнаты в другую, и тд.» - Ева ничего не говорила. Она лишь кивала изредка, поглядывая в глаза отца. Наркотик еще давал о себе знать, и девушка боялась, что лишь один раз взглянув в ее глаза, Алекс все поймет. Но он не понял. Он смотрел ей в глаз и сам отводил взгляд куда-то в сторону. Словно тщательно вспоминая подробности того вечера.

«Я сразу понял в чем дело и обошел дом с другой стороны, чтобы пойти назад – в «Дом Художников», где мы с твоей матерью жили. Был уже вечер и на улице было мало людей, так что я боялся, что если меня кто-то увидит в том районе, то сразу все поймет. Поэтому я нашел телефонную будку и позвонил соседу, жившему на этаж выше.»

«А он что?»

«Он в то время занимался всякой мелкой контрабандой. Возил откуда-то джинсы, ткань...ну все такое. Сама понимаешь, товаров у нас практически не было. Поэтому, если ты хотела, допустим, красивый пиджак. То нужно было «достать» ткань на него и найти того, кто его пошьет тебе.»

«Хм...Ну так, а что он тебе сказал?»

«Да особо ничего. Я позвонил и сказал: «Сема, это Саша.» А он мне «Ага». Я говорю «У меня в квартире обыск?» - «Ага.» - и все в таком духе. В итоге я побоялся, что его тоже взяли в тиски и повесил трубку. Это собственно и был первый раз, когда мне

довелось иметь дело с ними...В итоге мать моя вообще ничего не знала, ни о том, что мы делали, ни о том, что происходило в моей жизни...Так что утром я рискнул вернуться домой и напал на нее, а она стоит в прихожей, вся на нервах – представь, у нее по квартире только что прощались товарищи КГБ-шники, а она мне «Ну...рассказывай.» - Алекс немного рассмеялся, как бы давая дочери понять, что ее волнения напрасны. А Ева тем временем обдумывала его слова.

«Ну а почему вообще был этот обыск?»

«Вообще их проводили по разным причинам. Например, торговал ты джинсами – статья. Или еще что-то такое...Нас обыскивали из-за песен, которые мы пели...не слишком патриотичные они были, в понимании Комитета Государственной Безопасности.»

После этого, они просто молча сидели несколько минут. Алекс явно обдумывал что-то, собственно, как и Ева. Девушка сидела молча, лишь слова отца отдавались в ее голове эхом, будто бы в центре пещеры, где она обитала годами. Алекс не особо говорил о своей жизни до Берлина. Это был тот его этап, который он воспринимал как данность и не предпочитал обсуждать. «У каждого должны быть свои секреты.» - думала Ева. В тот момент она была права, убеждая в этом саму себя.

«Прости, что начала эту тему...» - виновато проговорила Ева. Девушка и впрямь чувствовала себя виноватой. Тяжесть в ее животе постепенно утягивала тело к полу, а сожаление сидело в горле большим комом.

«Да все нормально... К тому же – я не особо часто говорю об этом. Разве что в те редкие моменты, когда твой крестный к нам заходит.» - «Дядя Сеня», как девушка называла его, был достаточно эксцентричным, хоть и нравился ей. Это был один из тех людей, с которыми она могла поговорить на русском, помимо родителей, которых видела каждый день. Правда Ева уже слабо помнила его последний визит... должно быть это было год назад, или даже больше. Отец часто общался с ним, стоя на балконе и держа зажженную сигарету, он мог часами беседовать с родственником, старым другом. Временами Ева составляла ему компанию, любясь на ночной Берлин, расстелившийся прямо перед ними. «Поговори с крестным, дорогая.» - говорил он Еве, протягивая трубку. Это был один из немногих ее родственников, которого она знала и любила. Разговоры с ним обычно были достаточно веселыми, во всяком случае он был одним из немногих, кроме родителей, кто с неподдельным интересом спрашивал, как у нее дела и в целом интересовался ее жизнью. В Берлине и во всей Германии у них практически не было никого. Отец всегда в шутку говорил ей, что именно из-за дяди Сени, они с матерью переехали в Берлин, что казалось вполне основательным.

«Слушай, это у тебя телефон звонит?» - вдруг сказал Алекс. Ева замерла и прислушалась. «Да, это мой. Наверное, Энди звонит – пойду отвечу!» - сказала она.

«Хорошо, я пока наложу тебе яичницу.»

«Ага!» - бросила девушка, забегая в комнату.

«И передай привет от меня!» - слышалось с кухни. Отец любил ее друзей. Во всяком случае он часто беседовал с ними о музыке. Алекс конечно же знал, что и Энди и Лукас были его фанатами, благодаря тем футболкам, которые они купили в одном из крупных музыкальных магазинов города. На них не было ничего такого. Лишь белый с ярко-зелеными частями принт и надпись «НЕВРОЛОГИЯ» на всю спину. Принт изображал бюст человека со вскрытым черепом. Кожа на его лице была содрана, а челюстная кость хорошо виднелась. Ева хорошо помнила это изображение. Еще в детстве, во время походов в музыкальные магазины с отцом, она наткнулась на этот альбом, в стопке «Golden Classics». Диск лежал рядом с альбомами Элиса Купера «Constrictor» и «Raise Your Fist and Yell», которого она понемногу слушала в средней школе. Временами она вспоминала тот поход в магазин – это была ее первая вылазка с отцом. Во всяком случае, первая сознательная для самой Евы.

«Алло.» - девушка потратила несколько минут на поиск телефона, после чего подняв трубку, сладко улеглась на кровать.

«Привет. Ты как?»

«Да вроде ничего...правда как-то не по себе...»

«Вообще тебя уже должно было отпустить...Знала бы ты как я доехала домой...» - многозначительно сказала Энди.

«Так...»

«Да особо рассказывать нечего. Мне все голову кружило. Наверное от того, что я вдохнула больше чем ты. Хотя...Лукас вроде в порядке. Но похоже я приняла больше всех...»

«Не знаю...я себя как-то странно чувствую...»

«Это пройдет...иди поешь чего-нибудь. Я сейчас копаюсь в холодильнике. Хочу смешать колу с мороженкой и посмотреть пару серий «Доктора Кто»...или может «Неврологию» послушаю...» - сказала она, явно ожидая от Евы ответной реакции.

«Ясно...» - на что Андреа расхохоталась. Правда теперь этот смех был более здоровым. Он не напоминал нервные последствия наркотической эйфории, а скорее обычную Энди.

«Ладно, слушай, все же нормально. Мы постоянно это делаем. И кстати - не хочешь продолжить на неделе...может в пятницу?»

«Да, давай.» - не думая сказала Ева. Она тут же засомневалась в своих словах, но теперь, когда эйфория прошла, ей казалось, что она приняла по-детски малую дозу наркотика. Она думала об Энди, которая делала это явно не в первый раз и уже знала сколько ей нужно для полноценного прихода. «Приход» - проговорила девушка про себя. «Это слово всегда использовал Лукас.» - она не особо вдавалась в эти дикийинные словечки вроде «приход, трип, кислота.» - которые периодически доходили до ее ушей, в раздевалке, возле бассейна, или же в женском туалете колледжа, где девушки периодически

обсуждали походы на местные рейвы. «Рейвиться» - так они это называли.

Как только домой возвращалась мать девушки, формально начинался ужин. Став на кухне, они как всегда что-то готовили. Яичницу Ева нехотя съела, хотя не ощущала особого аппетита. Свет немного резал ей глаза, заставляя девушку повторять про себя «Все нормально, Ева. Все в порядке. Это всего-лишь спиды. Лукас постоянно их принимает.» И хоть ее все еще мучило ноющее чувство в носу, она старалась отвлечься от этого, сконцентрировав внимание на родителях. Диск R.E.M, давно доиграл, после чего отец включил диковинный джаз – одна из пластинок, которые ему нравились и названия которых Ева не знала. Большинство этих дисков уже давным-давно покинули пределы комнаты Алекса, выйдя в гостиную, где они занимали огромную полку. Часть из этой коллекции Ева отобрала для себя, выставив их у себя в комнате – так, чтобы ночью не пришлось на цыпочках пробираться в гостиную и выискивать нужный диск.

«Ужин впрочем прошел вполне обычно.» - думала Ева, лежа на кровати в своей комнате. Она повернула голову – на часах было около двух ночи.

Тонкий луч света, создаваемый различными небоскребами, проскакивал в ее комнату, освещая большое панорамное окно. «Ужин прошел на удивление хорошо...» - сказала она сама себе. Ева старалась не думать о событиях сегодняшнего дня, хоть наркотик все еще давал о себе знать. Она чувствовала остатки той энергии, которые вошли в организм в виде порошка и придали ей той самой суперсилы, которая заставила Еву, на минутку забыть о жении

в носоглотке и сердцебиение, которое по началу ужасающе громко отдавалось по всему телу.

«И часто вы это делаете?»

«Вообще каждые выходные.» - ответ Лукаса было опарашил Еву. За те несколько недель, что они успели подружиться, Ева и не могла подозревать о том, что каждые выходные ребята окунались с головой в наркотические трипы. Они подошли к посту охраны, где Энди показала пропуск на парковку. Охраннику было, наверное, лет пятьдесят. Выглядел он так, как будто работа не особо интересовала его, а всей жизнью был маленький переносной телевизор с дурацким телешоу вроде «Колесо фортуны» и пачка чипсов, которую толстяк сжимал в руке. Лениво кивнув, он дал ребятам знак о том, что они могут проходить. Это было субботнее утро, в которое Ева, по ее версии «пошла проветриться с Энди и Лукасом.» Именно эту версию она выдала матери. По выходным Алиса Новак не работала. Во всяком случае, в этом месяце. Ее работой в питомнике был уход за больными животными и различного рода мелкие заботы. Ева часто раздумывала зачем она всем этим занималась... Ведь, как она многократно убеждалась — отец получал множество чеков с приличными суммами наличных. Авторские права от песен, которые он написал много лет назад, в целом, могли избавить его и мать Евы от всяких забот, но в конце концов, думала девушка «Они просто не любители всей этой богемной жизни.» - что в общем и было правдой. Родители не любили

походы в шумные рестораны, предпочитая этому семейную атмосферу ужинов дома. Хотя, нередко они превосходили свои масштабы. Вроде тех случаев, когда отец приходил домой со знакомыми-музыкантами. Кого-то из них она видела в первый раз, вроде Эриха, который работал с Алексом в студии как звукоинженер. Кого-то видела впервые. Разношерстные музыканты, каждый из которых напоминал последнюю рок-звезду в мире, то ли дело здоровались с ней, бросая ненавязчивые «Привет», «Салют» или что-то в этом роде. Мать обычно присоединялась к их общению. В своем роде, она тоже была душой компании, по крайней мере для отца. Ева наблюдала за ними. То с какой нежностью он приобнимал ее за талию, или то, как она временами ложила голову ему на плечо. Это все говорило о том, что отношения между ними еще живы. Девушка начала задумываться об этом, как только Лукас сболтнул ей о том, что родители Энди в разводе. «Вообще это не совсем развод...» - объясняла свое положение подруга «Временами я вижу отца с матерью вместе. Они ссорятся, потом мирятся, потом опять ссорятся.» - объясняла она. Затем многозначительно добавила «Это бесконечный круг Ада...»

Сейчас Андреа не выглядела такой как пару дней назад, когда она с видом эксперта объясняла ребятам о положении ребенка в полу-разведенной семье. Девушка вела ребят по парковке на второй или третий этаж – Ева точно не помнила куда. Подробности расплылись у нее в голове, после того как Лукас начал перечислять, какие вещества ему удалось достать на этот

раз. «Я сейчас общаюсь с одними ребятами...У них свой сквот. Это вроде дома, где они все живут...»

«Слушай, а не что-то похожее было в «На Игле» ?» - нервно спросила Энди.

«Она похоже уже устала шагать впереди нас.»

Подъем на третий этаж парковки судя по всему утомил девушку. Она, немного согнувшись, смотрела на Лукаса. Он явно обдумывал свой ответ – глаза парня смотрели в потолок, а сам Лукас, тем временем водил языком по верхнему ряду зубов.

«Возможно.»

«Ну да.» - тут же ответила Энди. «Ладно, пойдемте быстрее – я уже устала подниматься.»

Это был второй или третий этаж здания. Ева точно не знала. Во всяком случае, прежде она не была здесь. Обычные парковки располагались в центре города, а эта находилась в близости от дома Энди, и была практически пустой. «Интересно, чем занимается тот охранник целый день?» - задумалась она.

«Похоже вообще ничего не делает.» - тут же ответил Лукас.

«Блин, я что сказала это вслух ?!»

«Да!» хором ответили друзья, затем рассмеялись.

«В последнее время это часто происходит...»- потянула Ева, сама не понимая, как такое вышло. Энди обернулась и посмотрела на ребят. На этом этаже уже не было бесконечных рядов припаркованных машин. Лишь стена из множества закрытых гаражей и относительно небольшое пространство для парковки впереди них. Она молча достала связку ключей и прищурившись принялась выискивать нужный ей. Ева видела эту связку много раз. Брелок в виде клубнички с глазами и странноватым анимэшным выражением лица. Фонарик в виде птицы, который начинал светить, стоило приподнять ей клюв и брелок из какого-то отеля, в котором, по рассказам Энди, отмечала шестнадцатилетние.

«Ага, попался.» - выдала девушка, обхватывая пальцами небольшого размера ключ. Тут же нагнувшись, она повернула его в одном, затем в другом замке и подняла ставни, закрывавшие гараж. «Хм...Не слишком то хорошая защита.» - подумала Ева.

Энди тем временем стояла, придерживая ставни рукой, пока друзья не прошли внутрь. Гараж внутри пустовал. Большое пространство, которое казалось должно было быть занято машиной, было заставлено одним раскладным столом и несколькими стульями, которые в беспорядке были раскиданы. Энди тут же клацнула выключатель, освятив это помещение примитивным источником света – простой лампочкой, свисавшей с потолка. Выглядело это место не особо презентабельно. На полу был постелен потрепанный ковер, а в дальнем конце гаража –там, где простые кирпичи сменялись

красной кирпичной кладкой, стоял старый, полуразваленный диван.

Лукас тут же подошел к столу, и сняв свой привычный рюкзак, принялся доставать оттуда бутылку с газировкой, чипсы и прочее. Ева на минуту задумалась о цели визита сюда.

«Все нормально, это закуска.» - тут же сказала Энди, ловя ее взгляд.

«Так ты раньше пробовала ?» - спросил Лукас, обращаясь к Еве.

«Кислоту.»

«Эм...нет...»

«Ну вообще у меня еще есть те спиды, но думаю ты должна попробовать это – это просто улет!»

«Да нет, Еве 100% нужно попробовать.»

До этого Ева лишь слышала о кислоте, в различных фильмах и телепередачах, которые смотрела. Она знала, что этот наркотик был популярен в 60-х и что его в свое время принимал Хендрикс, но этим ее знания ограничивались. Хотя временами она все же натыкалась на «марки» - бумажные промокашки с кислотой, которые в виде картины всплывали перед ней в интернете. Самые разные рисунки были изображены на этих бумажных малютках, которые все до одной – были разделены резаным штрих-пунктиром. «Чтобы было легче разорвать.» - думала она.

Лукас тут же засунул руку в брюки и выудил оттуда что-то маленького размера. Предмет тут же упал на раскладной стол, к которому вскоре подошли Энди и Ева.

«Что это ?»

«Ты сама хотела кислоту.»

«Да, но я хотела марки...»

«Марок не было. Я взял то, что было. Это кстати бесплатно.»

«Ну ладно...я сначала загрузюсь порошком, а потом приступлю к этому» - Энди с некоторым сомнением смотрела на предмет в своей руке. Выглядел он достаточно странно. Пластмассовая упаковка продолговатой формы была полностью запечатана. Внутри находилась жидкость неизвестного происхождения. «Ни этикетки, ничего такого - она явно не из аптеки...» - подумала про себя Ева.

«Слушай, Ева, у тебя есть какой-нибудь CD-шник ?» - спросила у девушки Энди.

«Да, конечно, сейчас поищу.» - соврала она. Ева точно знала какие диски были у нее в сумке, но на минутку задумалась – могла ли она дать подруге диск, который потом бы взяла в руки ее мать или отец? Она точно помнила, что где-то на дне сумки покоился диск с первым альбомом The Clash. Девушка расстегнула сумку и аккуратно принялась осматривать ее содержимое. Внутри была лишь бутылка воды, которую она взяла из холодильника дома и небольшой шерстяной шарф.

Слегка отодвинув его, Ева начала нащупывать рукой бесконечную глубину сумки, то ли дело натыкаясь пальцами на пластиковые обложки альбомов. Нашупав один из них, девушка тут же достала его.

«Ну что там?» - спросила Энди, подходя к ней. Ева смотрела глазами на розовую обложку. Яркие цвета въедались в глаза, будто бы она только что вынюхала горсть того самого порошка, который еще неделю назад во всю гулял по организму девушки.

«O! My Bloody Valentine!» – сказала Энди, забирая диск у Евы. Сама Ева прежде не слушала его. Это была одна из тех покупок, которые девушка совершила в состоянии шопинговой эйфории. Она помнила, как рылась в музыкальном магазине в разделе «Шутейз», когда один из продавцов подошел к ней. Парень выглядел достаточно круто: пирсинг в брови, небольшая козлиная бородка, и футболка с обложкой какого-то металлического альбома, название которого она так и не удасужилась вспомнить. Парень подошел к ней и быстро, пройдясь пальцами по соседней стопке дисков, выудил альбом.

«Это мой любимый шутейз альбом. Если не слышала, то советую взять.»

«Спасибо, я слушала.» - ответила она парню. Ева не знала, что это была за группа, и особо не смыслила ничего в шутейзе. Разве что те мелкие подробности вроде названия песен или чего-то такого. Она знала, что как раз сейчас ее отец продюсировал одну такую группу. Это было одним из тех

факторов, который неизбежно завел ее в этот раздел музыкального магазина – несколько мелких, рядом с самыми разными CD и группами о которых она ни разу в жизни не слышала.

«О! И какой у тебя любимый трек?»

«Если честно - я не особо помню...» - парня кажется смутил ее ответ. Он видимо ожидал нескольких фразочек с ней, после которых он, довольный собой, мог бы без сомнений попросить у нее номер телефона или имейл, как он, впрочем, делал много раз.

«В любом случае, возьми его послушать, если хочешь...Вспомнишь тот, который тебе нравится. У меня это кстати «Sometimes». – сказал он, слегка улыбаясь. “Милая улыбка» - думала она. Ева вспоминала этого парня, смотря как Энди снюхивает с CD-шника, старательно выровненные дорожки белого порошка. «, Наверное, каждое утро он встает и репетирует эту милую улыбку...Хотя, он и вправду милый парень. И зачем я только сказала, что слушала этот альбом?! Но уж очень самонадеянно он выглядел...»

«Так, Ева, все готово.» - сказал Лукас привлекая ее внимание. Он стоял посреди комнаты, прямо перед лампочкой, и держа в одной руке небольшого размера маникюрные ножницы, а в другой закупоренную емкость с жидкостью. Раскрыв ножницы в неестественном для них положении, Лукас проделал небольшую дыру в емкости с жидкостью.

«Получилось ?» - спросил он, глядя на Еву. Девушка тем временем молча наблюдала. Ножницы на несколько миллиметров вошли внутрь пластмассовой колбы. Вскоре Лукас извлек их оттуда и поднес колбу к лицу, немного надавил на нее. Жидкость внутри поднялась, а воздух с легким свистом то входил, то выходил из колбы.

«Ага, супер.»

«Что там ребята ?» - спросила Энди. Звуки, которые она издавала, занюхивая одну дорожку за другой, постепенно прекратились. Энди тем временем прочищала его от белого порошка, судорожно вдыхая воздух.

«Кажется я все. Процесс пошел.»

«Мы сейчас начнем...Ева, давай, ты первая.»

«А...ну ладно. Что нужно делать?»

«Закапай в нос.»

«Ты серьезно?»

«Ну да...» - сказал он, смотря на нее. Для Лукаса похоже это было привычным делом, а Ева тем временем размышляла «ну это же не капли для носа...хотя похоже все-таки.» - девушка мигом представила на колбе привычную наклейку серого цвета, означавшую о том, что содержание препарата было получено законным путем и не представляло собой угрозы для окружающих людей. Ева немного втянула воздух носом, проверяя насколько сильно он заложен. На улице тем

временем все больше и больше теплело, хоть она все еще ощущала последствия зимней простуды, начавшей давать о себе знать за неделю до нового года.

«Там нужно четыре капли...где-то так...» - девушка перевела взгляд на Энди, которая водя пальцем по CD-шнику, периодически подносила его ко рту, слизывая остатки наркотика.

«Ладно, давай сюда.» - сказала Ева. Откинувшись на диван, она закопала сначала две капли в правую ноздрю, потом две капли в левую, вызвав приступ смеха у Лукаса.

«Я что-то не так сделала?»- сказала она, не поднимая головы.

«Блин, да это же не лекарство.» - смеясь сказал он ей. Можно было и в одну ноздрю все закапать.

«Ну ладно, что уж теперь.» - сказала девушка. Странноватое вещество, миг дало о себе знать, пробираясь сквозь ее кологлотку с обжигающей болью. Лукас тем временем взял у нее пузырек и усевшись на диван принялся закапывать дозу наркотика в свой нос.

«Вы хоть мне оставьте!» - сказала Энди. Девушка все еще наблюдала за ребятами со своего места, прямо над качающейся лампочкой. Ева стала думать о том, что же будет с ней теперь: А вдруг этот наркотик не поднимет ее на вершину Олимпа, а наоборот убьет? А вдруг это станет чертой для нее?

«Слушай, все нормально.» - Лукас похоже уже прошел этап неприятного жжения в носу, которое все еще отдавалось у Евы в голове, поэтому принялся говорить с ней. «Можешь встать и походить. Ты почувствуешь когда это начнется.»

«Хорошо». Энди, все еще отходящая от эйфории, вызванной спидами, принялась наблюдать за друзьями, переводя взгляд сначала с Евы, затем на Лукаса.

«Ну вас! Я пока послушаю «валентайнов».» - девушка открыла CD-шник и извлекла оттуда круглый, блестящий диск. «Похоже это действительно неплохая группа.» - сказал про себя Ева. Хотя она вовсе и не привыкла судить «о книге по обложке», но было что-то в этом диске, что сразу же привлекло девушку. Даже не эйфория от удачного шопинга или тот самый симпатичный продавец, о котором она сейчас размышляла во всю.

«Вау! Классный альбом!» - непривычно громко сказала Энди. Она уже надела наушники и во всю слушала группу, изображая театрально-наигранное довольство. Ева смотрела на нее и думала о том, как скоро наступит приход. Девушка подняла руку и посмотрела на свои наручные часы. Потертый кожаный ремешок, слегка выцветший белый циферблат – все это сохраняло винтажный налет, который она так любила.

«Ты уже десятый раз за минуту смотришь на них...» - Лукас во всю улыбался, глядя на Еву, казалось его вообще не заботил тот факт, что через считанные минуты наркотик начнет действовать и они уже не станут такими как прежде. Ева

смотрела на него – смуглая кожа, свисающие растрепанные волосы. Он всегда в какой-то степени нравился девушке. Периодически Ева думала о нем «в том смысле...» - как она сама говорила себе. Она ощущала то, как их руки соприкасаются, когда они идут куда-нибудь вместе. Лукас всегда стоял посередине – с правой стороны обычно была Ева, а с левой – Андреа, которая сейчас занимала тоже место, сидя на полуразваленном диване, возле парня. Он тем временем наблюдал за Евой, которая в ожидании прихода, ходила туда-сюда, отстукивая эдакий небрежный шаг на бетонном полу гаража. Она ждала когда же это начнется, задавая себе вопросы и все больше вводя саму себя в сомнение: «Может зря я все это? Может мне и не стоило сегодня выходить из дома? А что скажут отец с матерью когда я приду.» - но внезапно, на обрывке этой мысли она перестала думать. Девушка заметила, что время просто испарилось. Оно не застыло, просто будто исчезло для нее. Ева подняла руку и посмотрела на часы – секундная стрелка все еще совершала свой извечный круговой марафон. Часы не замедлились и шли исправно, но Ева вдруг поняла, что не воспринимает время как реальность. Она перестала ощущать ход секунд, тиканье стрелок на запястье, жжение в носоглотке, оставшееся от принятого наркотика. Ощущения Евы совершенно переродились. Она не знала, как это описать или описать друзьям, поэтому сделала все, что только ей оставалось – наблюдала за происходящим. Девушка переводила взгляд с одних вещей на другие, наблюдая за тем как они менялись. «Вроде бы все такое же...» - говорила она сама себе, убеждая себя, что наркотик еще не подействовал. «Нужно потрогать и убедиться.» - она подошла к кирпичной

кладке гаража и провела по ней рукой. Одно легкое движение, под стать тому, какие делают новорожденные младенцы, боясь взять что-то в руку. Она коснулась стены лишь кончиками указательного и среднего пальца, но и этого было достаточно, чтобы понять, насколько все изменилось. Внезапно она ощутила все, будто до этого спектр ее эмоций был перетянут жгутом, а теперь раскрылся и в один момент одно ее движение компенсировало все годы без чувств. Она ощутила каждую песчинку, каждую выемку на кирпичной кладке, каждую неровность и выпуклость, которая образовывалась на кирпиче. Ева давно перестала обращать внимание на Энди, дававшей о себе знать лишь редкими фразами вроде «Кайф» и легким постукиванием ногой в такт композициям с альбома. Она перестала слышать подругу, так как слышала ее раньше. Теперь ее чувства были открыты. Будто вместе с четырьмя каплями, которые друзья закопали друг-другу, им добавился новый орган восприятия. Опустившись на пол Ева принялась ощущивать холодный пол. Если раньше ей казалось, что она чувствовала каждый атом, то теперь она его и видела. Маленькие, будто песчинки, прозрачные точки пролетали у нее перед глазами, стоило ей посмотреть на лампу, которая теперь светила обжигающим светом. Но девушка не отводила своих глаз. Ей хотелось знать, каково это, понять это. Она испытывала такие ощущения, которые ей прежде ничего не давало. Ни чтение книг, ни просмотр фильмов, ни обеды с родителями и те истории, которые они ей рассказывали. Она чувствовала каждый атом, который пролетал у нее перед глазами. Она чувствовала вибрации этого мира, каждый маленький поворот

земного шара, казалось бы, проходил через нее, и силой мозга девушки проворачивал гигантский круглый шар.

«Ну как ты, подружка?» - Энди склонилась над Евой, присев на корточки. Взгляд девушки уходил куда-то в космос, по крайней мере, так казалось Еве, которая не отрываясь смотрела в глаза подруги. Она видела в этой темной пустоте зрачков то, чего раньше не могла разглядеть. Светловатые блики напоминали ей космос, который она без кислоты никогда бы не разглядела в глазах подруги. Энди взяла одну из прядей девушки, которая спала Еве на лицо, и убрала ее с лица, заведя за ухо.

«Так моя мама всегда делает.» - Энди улыбнулась. Ее улыбка была самым добрым, что Ева видела, по крайней мере так ей казалось. Она чувствовала всю нежность Энди и ее доброту, которую она до этого не могла понять. «Боже, наверное, это наркотики!» - сказал Ева сама себе.

«Пойдем усадим тебя, Ева.» - Энди тут же подхватила Еву, которая уже несколько минут сидела на полу, глядя руками бетонный пол. Она поняла это только сейчас, когда ее тело с огромной тяжестью оторвалось от холодной земли. Казалось, что их путь до старенького дивана занял целую вечность. Комната в глазах девушки внезапно увеличила свои размеры, превратившись в длинный продолговатый туннель, а пропорции подруги постепенно изменились. От привычной Евы пухленькой девушки, Андреа вдруг начала напоминать один из сюрреалистических кошмаров Сальвадора Дали: тонкие, как тростинки конечности, огромная голова, с двумя черными отверстиями вместо глаз. Ева тут же закричала. Этот

ужас постепенно обхватил ее, по мере того как чудовище, пыталось удержать девушку.

Тяжелое падение на диван. Перед девушкой опять лицо ее подруги. На этот раз Энди не выглядит так, как раньше. «Похоже она взволнована.»

«Все нормально, Ева.» - сказала Энди смеясь. «Ты же первый раз под кайфом.» - она рассмеялась. И похоже не одна она. Повернув голову в сторону, ева увидела Лукаса, который сидел на корточках. Он, как и она, несколько минут назад гладил основание дивана. Уже разорванной в нескольких местах, с торчащими пружинами, оно открывало внутренний скрытый мир этой вещи, куда Лукас с интересом заглядывал. «Похоже наркотик немного ослабел» - сказала она себе. Теперь она могла наблюдать за Лукасом, размышляя не о атомах, которые видела, а о том как же дурачки выглядит парень, рассматривающий содержимое старого дивана. Внимание девушки опять вернулась к Энди. Старательно изучая содержимое сумки подруги, Энди, наконец повернулась к Еве с прежним радостным сиянием в глазах.

«Я так и знала, что он у тебя с собой.»

«Что?» - лишь выдавила из себя Ева. Она заметила, что звуки вокруг стали приглушеннее, а ее тело начало понемногу уменьшаться. В этот момент она чувствовала себя Алисой в Стране Чудес, а Энди была ее Белым кроликом. «Давай кролик, води меня.» - сказала она вслух.

Энди тут же засмеялась, хотя не слишком сильно – ей были хорошо знакомы побочные действия наркотика, так-что вряд-ли случайно брошенная подругой фраза могла слишком уж ее развеселить.

«Триповать лучше под хорошую музыку. Я знала, что у тебя в сумке есть диск «Неврологии». – в руке девушки оказался диск, извлеченный из «обложки». Ева хорошо знала этот диск, но сейчас никак не могла припомнить его название. Правда сейчас это совсем не заботило девушку.

«Ева! Слышишь меня ?»

«Угу.» - это было все, на что она была способна сейчас. Звуки затерялись, словно кто-то погрузил девушку под воду, где у нее выросли жабры. Ева больше не ощущала себя живым человеком. Она была органом. Органом, в котором, как в безумном мультфильме, были глаза, нос и рот, но который теперь вырезали из тела девушки. Бросив на диван, где он функционировал самостоятельно.

«Ладно, держи.» - Энди осторожно вставила диск в плеер и одев на Еву наушники. «Но предупреждаю сразу. Если ты слушала музыку до этого, то теперь это совсем другое. Ты никогда не почувствуешь этого как в первый раз и никогда не услышишь музыку так, как сейчас.» - ее слова звучали угрожающе, хоть и были сказаны с неподдельным восторгом. Безусловно Энди хорошо знала то, о чем говорила. Она наравне с Лукасом знала об этом все, и Ева позволила ей впустить себя в этот мир. Она лишь кивнула, но этого кивка было достаточно чтобы навсегда

изменить ее. Легкие галлюцинации вроде выющегося подобно змею ряда кирпичей, уже не казались ей такими впечатляющими. Теперь она не только слышала музыку, но и видела. Это был все тот же голос ее отца, который пел те самые строчки, которые знал практически каждый встречный, которые пели легионы фанатов, раскупающие билеты на редкие концерты группы за несколько минут. Это были те строчки и звуки, которые знала каждая уважающая себя рок-звезда, и теперь она тоже слышала их. Перед глазами девушки мелодия приняла визуальные краски, создав у нее в мозгу неповторимую картину, которую она прежде не видела. Она чувствовала каждый инструмент, каждую вибрацию, каждый удар барабанищика и аккорд гитариста, она чувствовала каждую ноту, то как Алекс брал ее, то как пел эти стихи. Она уже не была частью чего-то живого, она перестала быть органом, она была частью этой мелодии, она дышала этой мелодией. Каждый вдох девушки, будто продлевал жизнь этой песне, которая постепенно переходила из одной в другую. Ева уже не думала над словами Энди, прозвучавшими для нее угрожающе, она знала, что это были те ощущения, которые она бы сама никогда не испытала, это были те чувства, которые буквально взорвали ее сознание, соединив множество кровеносных сосудов, с энергией космоса, энергией всего сущего и мироздания. И в один момент все начало угасать. Она не знала сколько точно времени прошло. Постепенно земные ощущения девушки, начали возвращаться к ней, затмевая то инопланетное вмешательство, которое она испытывала. Ева открыла глаза. Мир по-прежнему выглядел по-другому, но похоже приход, который вознес ее тело на орбиту планеты

Земля, прошел. Едкий запах сигарет, которые Энди курила начал доходить до нее, вместе с неприятными ощущениями в наушниках. В руках она сжимала свой привычный CD-плеер. Уже потертый временем, громко жужжащий диском, крутившимся внутри. Прежние, земные ощущения, практически вернулись к Еве, разве что легкость от наркотика не отступала, как бы напоминая девушке о ее пребывании на Олимпе.

«Ты как?» - тут же сказала Энди.

Надавив пальцами ног на подошву ботинок, Ева удостоверилась в том, что ее тело возродилось и состояние вырезного и брошенного органа покинуло ее.

«Вижу, что хорошо.» - сказал Энди, повторяя свою вопросительную интонацию.

«Да, я вроде в норме.»

Медленно вставая с насиженного места, Ева осмотрела комнату, которая теперь выглядела совершенно по-другому. Лукас тем временем сидел на все том же месте, на которое он «упал» закапывая кислоту себе в нос. Его взгляд ни о чем не говорил. Зрачки смотрящие в бездну и руки, которыми он в беспорядке водил перед собой в разные стороны, будто стараясь нащупать что-то невидимое, скрытое от глаз обычного человека. Энди похоже такое поведение не особо волновало. Она потушила окурок и посмотрела на Еву, медленнодвигающуюся по направлению к раскладному столу.

«Похоже тебя наконец-то отпустило.» - сказала она. Но Ева хорошо знала, что отпустило. Она больше не видела полчища летающих атомов, которые появлялись стоило девушке на минуту зафиксировать свой взгляд. Легонько дотронувшись до стола, на котором сидела Энди, она проверила свои ощущения. Гладкая поверхность из спрессованных опилок была такой же, как когда Ева в первый раз дотронулась до нее. Она знала это ощущение – привычное касание, без тех суперспособностей, которые шли в комплекте с галлюцинациями и сюрреалистическими видениями. Девушка тут же поняла, что действие наркотика закончилось, хотя несмотря на это, она ловила себя на мысли о том, что ей хотелось еще.

- 1989 -

Я проснулся спустя несколько секунд после того, как поезд сделал резкий разворот. «Резким» его было сложно назвать, но как только он начал слегка разворачивать вагон, постепенно начал наклоняться в левую сторону. В вагоне было всего несколько человек. За несколько остановок, большая часть оставшихся пассажиров, успела покинуть пределы поезда, отправившись на встречу с близкими и в новую жизнь. А я все ждал, когда толстая проводница пройдет по вагону и скажет оставшимся людям «следующая станция – конечная». Казалось, что мы ехали уже несколько дней, хотя по правде говоря, прошло всего несколько часов. Временами мне удавалось заснуть, несмотря на жуткую качку, сильно ощутимую и на нижней койке, где я расположился. Глаза закрывались всего лишь на несколько минут, но при вздрагивании поезда, я каждый раз просыпался. В голове витала бесконечная мысль о том, что все происходящее – это сон. Глубокий и страшный, от которого я никак не могу проснуться. Каждый раз, когда поезд слегка замедлял свой ход, я отодвигал старую штору, отдававшую сильным нафталином и заглядывал в окно, стараясь различить среди лесных пейзажей, силуэт родного дома. В голове витала надежда, что проводницы все же забудут о нас, хотя временами все же, одна или две девушки, проходили туда-сюда, по качающемуся вагону. Помню в детстве я всегда размышлял – что же это за такая работа «проводница»? Что они делают в поезде. Наверное, и сейчас я до конца не понимал того, что происходило. Во всяком случае, временами веки, по какому-то странному рефлексу, сдвигались под давлением

мышц. Легкая, едва ощутимая боль на лице, служила индикатором того, что моя жизнь и все события за два года, не стали ужасным ночным кошмаром, а теперь вполне реальны. Поезд снова качнул, я открываю глаза и опять недолго зажмуриваюсь. Пара секунд – этого вполне достаточно, чтобы еще раз напомнить себе о том, где я и что делаю сейчас. Во всяком случае, это стала одна из тех вещей, которые я начал забывать. Бессонница в последние месяцы неизбежно напоминала мне о том времени, когда мы с Алисой только расписались. Больше двух лет. Примерно столько я не видел ее, с учетом всех обстоятельств. Эта мысль гложила меня и была сильнее любого меча и любого удара, даже самого профессионального боксера. Я думал о ней практически постоянно, на протяжении последних двух лет. Это было сродни агонии. В голове постоянно пульсировала одна и та же мысль «Что если я никогда не увижу ее?» Я вспоминал все, что было между нами: все те концерты, которые мы отыграли больше двух лет назад. Это было сродни легкому безумству. Повернув голову, я вижу Игоря - он стоит на сцене, рядом со мной. Все его лицо перемазано косметикой: помада, белила на лице. Мы похожи на обезумевших японских гейш, которые взъерошив волосы, решили выйти на сцену чтобы зажечь толпу людей, которые никогда в жизни не слышали ничего подобного. Лева единственный из нас хоть немного походит на человека. Хотя за то время, что мы успели поездить по стране, он и тот, существенно изменился. Образ «пай мальчика», у парня постепенно пропал. Все чаще нам попадались различные панковские пластинки, которые в той или иной степени, давали нам пищу для размышлений. Так,

услышав сорокопятку The Damned, Лева похоже решил, что он в своем роде тоже может стать таким же панком, как и мы, но ограничился лишь легкой взлохмоченностью коротко подстриженных волос и серьгой в ухе. Дальше он не рискнул пойти. Наверное, это была та черта, которую Лева не рискнул перешагнуть, глядя на нас. В целом мы с Игорем и впрямь выглядели ужасно – мои волосы были настолько взъерошены, насколько это вообще возможно. Хотя я, в отличие от видевших нас людей, не придавал этому значения. В конце-концов, одной из пластинок, добытых нами у Федора, стала пластинка The Exploited. Это был, наверное, один из тех альбомов, который изменил нас всех. Мы с Игорем перебрасывались взглядами, давая друг-другу понять о том, что у обоих нас в голове собралось множество мыслей. Мы понимали, что все менялось – и эта пластинка была первым шагом. Я помню, как взяв плоский черный диск и начав читать его, глаза наткнулись на год издания пластинки – 82-й год. Настолько этот панк был отличным от того, что мы слышали до этого. Настолько он изменился. Переводя взгляд на обложку, изображавшей постаппокалиптическую картину мира, мы слушали эти жесткие, тяжелые звуки. Это было что-то другое, нежели мы слышали у «Пистолз». В голове крутился вопрос «Это что, тоже панк?». Наверное, я был прав и заблуждался одновременно. Играя пару лет «настоящий панк-рок», как мы думали, мы всем сердцем верили, что это была правда. Наверное, тогда я понял, что наша музыка отличается от того панка, который мы слышали в тот момент. Но, несмотря на сильное впечатление от прослушанного, я понял, что этот факт меня мало заботил. В голове всплывали картины

из наших концертов – отыгранных в маленьких квартирах, университетских залах и во всех тех местах, где Петренко мог организовать наш концерт. Это было сравни безумию, настоящему хаосу, который мы контролировали. Я, Игорь и Лева. Петренко и Алиса стояли за сценой, так, что повернув голову в сторону, можно было увидеть их. Каждый раз смотря туда – на высокого худого парня и любовь всей моей жизни, я одновременно радовался и расстраивался – радость от того, что я видел их шла вместе с досадой отсутствия Зельцына на наших концертах. Вспоминая Зельцына, я часто думал о том, чтобы было, не забудь я тогда акварельные краски. В один из своих первых дней в художественной школе. Наверное, этот неряшливый парень так и не появился бы на пороге нашей квартиры, и без него, я бы не встретил Алису. Подбадривающий взгляд супруги завораживал меня своей энергией и теплотой чувств. Она всегда стояла там, слева от художника и прямо напротив меня. Перед каждым концертом, я словно следуя древнему ритуалу поворачивал голову в сторону и смотрел на нее. Голубые глаза сияли всей своей нежностью и любовью, которая с каждым днем все больше опьяняла нас обоих. Этот взгляд я видел всегда – стоило лишь закрыть глаза, он всплывал в голове в виде всех моих воспоминаний. Будто ее случайный оборот головы, на нашем первом концерте, или же глаза, в которые я каждое утро смотрел с любовью. Долгие месяцы только они стояли передо мной. Они и ее слова «У меня задержка...» - я знал, что это значило, и не знал что сказать. Мы только что отыграли концерт в зале на три тысячи человек и все, что я мог сделать – это обнять и поцеловать ее. Руки Алисы обвили мою шею. Мы

не знали, что сказать друг-другу, потому что просто не были готовы к этому. Это был тот момент, когда как мне показалось, биение ее сердца стало еще сильнее. Во всяком случае сильнее, чем я мог себе вообразить. Эти вибрации из ее груди, прильнувшей ко мне, я ощущал по всему телу и был несказанно счастлив. Слегка отпрянув, я тут же сказал ей.

«Даже не представляешь, как я рад.» - она в свою очередь плакала. Это были, наверное, единственные разумные слова, которые могли прозвучать от меня в тот момент. Я – отец. Я – отец. Мне пришлось повторить себе это несколько раз чтобы осознать всю правдивость всей этой ситуации. Это не было чем-то вроде страшного сна, в моем понимании. Всю мою жизнь я размышлял о том, какого было стать отцом моему отцу, наверное, эта перспектива не слишком то его радовала. Я вспоминал его побои в детстве – то, как он избивал меня всеми возможными способами, оставляя на коже глубокие рубцы и темные синяки, как бросил нас с матерью. Я не сердился на него, но во время очередного раза, дал самому себе обещание о том, что воспитаю своих детей лучше, чем он меня. Я стану для маленького лучшим отцом, чем этот козел, который все свое время только и избивал меня и ругался с матерью.

Алиса, все еще плакала, но теперь, вместе со слезами, стекавшими по тонкой шее девушки, на ее лице сияла легкая улыбка. Наверное, она сама не ожидала, что это в конечном итоге случится. Ведь вся наша жизнь мало походила на жизнь примерных семьянинов. Мы сковали себя узами брака, обещали любить друг-друга до конца и стать примерными

мужем и женой и такими мы были в понимании друг-друга, хотя все еще походили на влюбленных подростков.

«Что случилось?» - спросил Петренко подходя ко мне. Мы с Алисой стояли прямо за сценой очередного университета, где нам довелось выступать. Игорь и Лева, уже давно закончили играть и постепенно удалились, общаться с народом, пришедшим на концерт.

«Я беременна.» - сказала она. Красные от слез глаза, слегка покрасневшийся нос. Ее туш потекла, а волосы были взъерошены в привычном панковском стиле, но несмотря на все это, я все еще любил ее также сильно, как и в тот день, когда мы стоя в районном ЗАГСе постоянно переглядывались между собой, смотря друг-на-другу все таким же влюбленным взглядом, как и сейчас.

После сказанного Алисой, я решил отправить ее обратно домой. Заря теперь руководила практически всем в Доме Художников, где дела шли в целом неплохо. Временами Петренко звонил ей из какого-нибудь телефона-автомата, после чего давал мне трубку, поговорить с ней или Зельцыным.

«Привет, дружище.» - говорил он всегда. Я слышал этот знакомый голос, с его фиглярско-дурачащейся интонацией и думал о том, как наконец-то встречу со старым другом, но пока приходилось довольствоваться общением по телефону.

«Слушай, хотел спросить у тебя совета.» - Это было странно, учитывая тот факт, каким человеком Сеня был. Слегка

взвинченный, слегка бесшабашный, знавший больше чем все мы вместе взятые. Разве что Петренко мог превзойти его уровень интеллектуальных способностей. Но тем не менее. Почти все свободные деньги, здоровяк тратил на самые разные книги, и так с самого детства. Наверное, эта черта авантюриста, желающего знать все на свете и роднила нас с ним. Помолчав немного, будто бы давая мне обдумать всю эту ситуацию, он наконец продолжил:

«Мне тут предложили работу... Помнишь я периодически что-то продавал в «Бубновом валете»?»

«Да, помню.»

«Туда частенько заходили всякие иностранцы. В основном те, кто приехали в СССР на отдых или типа того... Ну и вот, тут одни немцы заинтересовались моими работами. Не то что серьезно, но «Партию» я им продал.»

«Партия» - я хорошо помнил эту картину. Наш местный парк, возле университета, любимое место прогулок среди людей всех возрастов в нашем городе. Картина маслом, нарисованная несколько лет назад начала всплывать в моей памяти, освежая образы рисующего на корточках Зельцына, и первого показа ее на нашем концерте. Два шахматиста, толпа людей и мы, стоящие поодаль. Вспоминая это все, я невольно засмеялся. Это был наш век беспечности – когда мы не думали о последствиях того, что делали. Когда будущее казалось нам чем-то отдаленным и нереальным. Это время всегда будет

ассоциироваться у меня с самыми приятными ощущениями: наши походы, работа в ЦУМе, Алиса и «Неврология».

«Ну так что думаешь?»

«А детали работы...?» - в замешательстве ответил я.

«Это все не особо важно. Дело в том, что эти немцы дадут мне возможность немного поработать в ГДР.»

«Вау...» - тут же протянул я. И в правду, такая возможность давалась не часто. Я хорошо знал об этом, как и любой другой.

«Так что ты думаешь?» - не отставал он от меня. Постепенно фирменная черта Сени - «настойчивость», начала чувствоваться в нашем разговоре, давая мне понять, что, если я не дам правильный ответ – вскоре наш дружеский разговор перерастет в спор.

«Хорошо, я считаю ты должен поехать.»

«Все, спасибо, теперь я спокоен...Как там ваши дела?»

Этот вопрос поставил меня в ступор. Я не знал, что ему рассказать, вернее с чего начать и пытался уложить все мучившие меня мысли в одно предложение – о чем же ему рассказать? О том, как на наших концертах, подростки входили в курах? О том, как они в эйфории от того панк-рока, который мы играли прыгали со сцены и ломали стулья и другую мебель в зале? Или об Алисе...

«Алиса беременна...»

«Да ладно?!...Серьезно?...» - затем добавил более спокойным голосом «И сколько уже?»

«Мы точно не знаем...Я хочу отправить ее домой, пока мы не доиграем следующие три концерта.»

«Да да...конечно...ты прав.»

«Слушай, сделай мне одолжение? Можешь позаботится о ней? Отведи ее к моей матери, расскажи обо всем...Я ведь так и не знакомил их...В любом случае, я надеюсь, что она как-то, да поможет мне.»

«Да, конечно...Блин, не могу поверить! «Алекс Новак» - отец!» - он повторил мое имя, печатаемое в газетах с некоторой помпезностью, будто придавая ему больше значения. Но все же во многом он был прав. Повесив трубку, я вернулся в дом, куда Петренко нас поселил. Большинство наших остановок проходило в тех городах, где у него были хоть какие-то связи — он знал тамошних художников, или же местного директора Дома Культуры, из-за чего мог в полной мере организовать нам приличный концерт. Мы все заняли свои комнаты в большом двухэтажном доме, в котором жил очередной его знакомый. Имя парня расплылось у меня в памяти, как лица всех тех, кого мы видели на своих концертах. Они подходили к нам, жали наши руки, представлялись и говорили. Их имя звучало в воздухе только какие-то несколько секунд, после чего мы просто забывали их. Я не помнил точно, как звали владельца этого дома, и уж точно ничего о нем не знал. Разве то, что этот старик был чуть-ли не вдвое старше самого Петренко. Им,

впрочем, этот факт никак не мешал. Я вернулся в комнату через несколько секунд как повесил трубку телефона, проведенного в прихожей этого дома, и сразу же сел на постель. Одежда была чуть раскрыта и скомкана. Она лежала на спине. Ее волосы, к тому моменту уже потеряли все свойства «калючек» - в которые Алиса скрутила несколько локонов, заведя их высоко вверх - что-то вроде того что мы видели на пластинке The Exploited. Чуть сжатые глаза, будто чего-то боялись. Чего-то неведомого. Переведя взгляд с ее косухи и клетчатой рубашки, которые я видел сегодня на концерте, я повернул голову на ее живот. Где-то там теперь жило маленькое существо без имени. Наш ребенок. Я не мог себе представить себя отцом. Какая жизнь ждет этого ребенка? Как он будет смотреть на своих родителей? На отца, который «десять лет назад играл в панк-группе», на мать, которая была главной фанаткой этой группы, на всех тех людей, которые окружают нас. Кем в будущем станет наш малыш и что его ждет? Задаваясь этим вопросом, я взял свой блокнот и карандаш и вышел на улицу. Слова и фразы так и приходили в голову, сами заставляя руку зафиксировать на бумаге эти хитросплетения мыслей. Постепенно это строилось во все наши песни, которые молодежь уже, казалось бы, знала. На одном из концертов Петренко появился с одолженным у кого-то бобинным магнитофоном и микрофоном, и включив запись, записал все наши песни, которые мы играли, после чего отдал ее кому-то из наших знакомых. Эта запись быстро распространилась среди фанатов панка. Настолько быстро, что стоило нам приехать в какой-нибудь город - там сразу же находились люди, слышавшие наш магнитоальбом. Кто-то из них подходил к нам и говорил фразы вроде «Ребята, вы даете!»

- а мы втроем лишь смотрели друг на друга, не скрывая своего смущения.

«Не спится ?» - послышалось сзади меня. Зевая и щурясь во двор дома, вышел Лева. Уже пол часа я сидел там, с открытым блокнотом и карандашом в руках, бесцельно сверля взглядом белый лист бумаги. На нем ничего не было. Пойти ничего, разве что одна коротенькая строчка «Я родился в СССР...» - эти строчки я написал, как только открыл блокнот, размышляя о том, как стану отцом.

«Что-то нет...» - нехотя выдавил из себя я. Двор этого дома напоминал мне старый дом бабушки, в котором я вырос. Он был почти такой же. Такой же двухэтажный дом, такой же небольшой пристрой, возле дома. Разве что здесь большую часть двора занимал прислоненный к стене мотоцикл, накрытый большим куском целлофана. Его было плохо видно, разве что передняя фара блестела, отражая свет от тусклого фонаря, висящего над входной дверью. Немного постояв, Лева все же присел на тоненькую лавочку рядом со мной.

«Как ты ?»

«Алиса беременна.» - тут же ответил я.

«Знаю. Петренко в тихую сказал нам с Игорем...Надеюсь ты не злишься.»

«Все нормально. Я рад.» - сказал я. Ощущения в моей груди оставались все теми же, как при первой встрече с супругой.

Теплота разливалась по всем внутренним органам, согревая мой, обмороженный холодом организм, равно как и все тело.

«Не могу представить себя отцом...» - наконец-то сказал я. Мы слевой сидели, уставившись в пустоту, словно отчаянно старались разглядеть то, что не видели там – в темноте той пристройки, которая подобно выстроенной ограде, охватывала весь двор этого дома.

«Я конечно не скажу тебе ничего нового, но подумай над тем, что чувствовали наши родители.»

«Тогда все было по-другому...»

Барабанщик немного рассмеялся: «Это тебе сейчас так кажется...Страна одна, но люди изменились. Мы все изменились. Даже ты.»

«Ты прав...Но сейчас я сижу тут, да? Думаю об этом ребенке. О том, что через девять месяцев он ступит на эту землю. И думаю – каким отцом я буду?»

«Знаешь, у тебя сейчас много мыслей об этом. Тебе нужно что-то сделать для него...или нее...»

«Например?»

Леву похоже мой вопрос поставил в тупик:

«Ну не знаю...Напиши письмо малышу...или песню! Почему нет?» - наверное это был какой-то знак свыше или что-то подобное. Пару минут я внимательно прокручивал его слова в

голове, словно это был наш концерт записанный на бобину, которую мы при желании могли немного отмотать.

«Ладно, вижу ты занят. Я пойду – попробую уснуть. Нас и Игорем поселили на одной кровати, он там теперь наверное развалился во всю. Так что придется спать в кресле.» - с этими словами он ушел, оставив меня одного. Призрак Левы все еще стоял рядом со мной, неуверенно покачиваясь и повторяя «...Напиши письмо малышу...или песню! Почему нет?» Его голос в моей голове заглушал тресканье сверчков, хлопот крыльев мотыльков, которые без конца пролетали над моей головой. Показываясь из темноты, она в бесконечной пляске водила свои хороводы вокруг лампочки, светящей сквозь темноту этой ночи. Я протягивал руку, касаясь самого эпицентра этого света- раскаленного вольфрамом стекла, которое обжигало кожу на пальцах. Наверное, поэтому мотыльки лишь подлетали к лампочке, трепыхая своими крыльям, а лишь присев, сразу же отлетали на несколько миллиметров, повторяя эту процедуру много раз. Сорок ватт и море света – вот все, что нужно было для счастья этим существам. Похлопывание их крыльев, загораживающих источник света чувствовалось на моих пальцах. Покрытые мозолями и множеством рубцов, вследствие упорной игры. Этими руками я отыграл двадцать концертов в разных частях СССР. Все то время, что мы делали это, будет вспоминаться мне, как самый счастливый период в жизни. Любимые друзья и жена. Но теперь нас было больше чем двое. Ребенок. Маленькое существо в животе моей жены. Где-то там, в том месте, где ощущаешь всю тяжесть и легкость своего

существования. Я думал об этом, наверное, слишком долго, поэтому устав наблюдать за полчищем мотыльков, взял карандаш и принялся писать. Я писал не для людей, которые приходили на наши концерты. И даже не для Алисы. Я писал для этого маленького существа, которое мы оба любили. Все, что я хотел сказать нашему ребенку, все чему хотел научить нашего сына или дочь. Все случилось прямо там – на бумаге, где я связывал одну рифму с другой, подбирая слова и думал о том, как буду петь эту песню думая о нашем ребенке.

Поезд снова качнулся. На этот раз еще сильнее прежнего. Потеряв равновесие, сумка с моими вещами слегка пошатнулась и упала на пол вагона, прямо возле койки. Внутри не было ничего такого, по крайней мере то, что могло мне пригодиться в дальнейшей жизни. Письма Алисы лежали во внутреннем кармане куртки, которую меня заставили напялить на себя. Маленькая, узкая, она была слишком неудобной для меня. Под стать школьной форме, в которую тебя заставляют наряжаться каждый божий день.

Мы прилетели в Ташкент ночью, после чего сразу сели в поезд. Людей и сначала было немного. Но после нескольких остановок, казалось, что он полностью опустел. Лишь медленно восходящее солнце, давало знать о том, что это все не мираж, и мы не умерли, так и оставшись там, среди гор под раскаленным солнцем, где провели почти два года. Два года я не видел ни жену, ни дочь...Дочь, у нас родилась дочь. Эта мысль стала моим единственным спасением, не давая мне

сойти с ума. Она была как тот лучик света, который жадно пробирался на землю из ночной тьмы. Поднявшись, я прошел несколько шагов до тамбура, где через открытое окно поезд наполнялся свежим утренним воздухом. Запах дождя, восход солнца. Это были одни из тех вещей, от которых я так отвык, находясь там – вдали от Кабула, в самой гуще войны. Затычка. Едкий сигаретный дым в один момент заполняет пространство между одной дверью и другой, а проводница, быстро проносящаяся мимо меня, сообщает о том, что поезд прибудет через два часа. К шести утра я уже буду дома, если ничего не случится. Во всяком случае сейчас я не уверен, что следующая сигарета не прикончит меня окончательно. На протяжении последних полутора лет, я выкуривал по пол-пачки в день и по всем нормальным меркам, уже давно должен был заработать себе прямой билет в Ад с диагнозом «рак легких», но пока этого не случилось. Заедавая свою бессонницу дымом от дешевых сигарет, которые нам раздавали повсеместно, мои мысли витали вокруг одного вопроса «Как же я здесь очутился?» Это будет одна из тех вещей, о которых захочет узнать моя дочка. Где ее папа был первые два года жизни, почему не пел ей колыбельные? Почему не укачивал, когда ей хотелось спать? Я до сих пор не видел ее ни разу. Засунув руку глубоко во внутренний карман, я достал свернутую в старый кусок ткани блокнот, подаренный мне несколько лет назад и пачку писем, вложенных в него. Все они находились в своих конвертах, которые я не выбрасывал. Каждое из этих писем я перечитывал уже много раз, каждое знал практически наизусть. Но все равно каждый раз не смог сдержать в себе соблазн перечитать одно или два письма своей

жены. Ее почерк, со всеми хорошо-выведенными буквами, напоминал какую-нибудь древнюю рукопись, которую несколько монахов переписывали строчка за строчкой при свете масляных ламп. Перечитывая эти строчки, я ловил себя на мысли о том, что представляю ее – сидящей за моим старым столом, рядом с небольшой коляской. Не слишком большой, но достаточной чтобы вместить внутри нашего малыша.

«Дорогой Саша.

Я просто извела себя и всех окружающих бесконечными мыслями о том, где ты сейчас находишься. Надеюсь это письмо дойдет до тебя. Я не буду писать о том, как я узнала о твоём местонахождении, хотя думаю ты хорошо знаешь кто мне помог. Сейчас я на седьмом месяце и живу у твоей матери. Сеня представил меня ей и все рассказал. Без единого звука и возражения, она выслушала его, после чего подошла ко мне и обняла, разрыдавшись. Она начала ухаживать за мной – водить по врачам и следить. Сейчас я постоянно сплю в твоей старой комнате и временами слушаю запись с того концерта, которую наш общий знакомый сделал. Я включаю бобинный магнитофон и слушаю твой голос, давая себе еще раз убедиться о том, что ты жив и рано или поздно мы встретимся.

Временами мне кажется, что это все сон, но в эти моменты, я думаю о том, что случилось с нами всеми. Кажется это не мир изменился, а лишь мы стали более жестокими... Хотя, может это мне так кажется. Я все же заставляю себя ходить на работу, чтобы накопить немного денег для ребенка. Сестра помогает мне как может. Похоже они с твоей матерью достаточно

«Сапа! Сапа!» - в трубке слышалась тишина, затем краем уха я начал слышать ее дрожащее дыхание, словно сильного испуга.

«Как ты?» - сказала она дрожащим голосом.

«Все хорошо. Сейчас сажусь в поезд. Говорят, мы приедем к утру... часам к шести...»

«Хорошо... Мы с Евой придем тебя встретить.» - сказал она. Я не обратил внимание ни на ее дрожащий голос, ни на то, что в Ташкент мы прилетели глубокой ночью. Я только повторил услышанное имя: «Ева...».

Алиса писала о том, что они с матерью решили назвать нашу дочь Евой. Это было единственное, что я знал о ребенке, кроме роста и веса, которые Алиса старательно вывела в одном из своих писем. Я знал, что это была скорее инициатива матери, которая всегда любила точность и порядок. Ее портрет застыл в моей памяти сейчас, давая прежним воспоминаниям ожить. Миловидное лицо, такая же худая, как и я, с длинными каштановыми волосами, которые она казалось, не стригла годами. В тот день, когда мы завершили наш тур, я ехал в поезде с одной мыслью – приехать к ней и помириться. С тех самых пор, как она выгнала меня из дома, мы не общались. Я не звонил, думая о том, что ее ненависть встанет между нами, не давая поговорить. Я хорошо знал эту ее черту – некое злопамятство, которое преследовало ее всю жизнь. Наверное, поэтому она и не общалась со своей матерью, хоть без конца ее вспоминала, рассказывая мне о тех или иных вещах. Смутные

воспоминания из детства находили на меня даже сейчас - они сидят во дворе дома бабушки, в маленькой беседке, а я наблюдаю за ними через окно. Мне примерно два года, может чуть больше. Забавно, что врачи говорят о том, что дети ничего не помнят о своем детстве, хоть этот момент я хорошо помнил. Сидя на дощатом полу дома бабушки, я перелистывал старый букварь, который она заботливо достала и разложила передо мной. Цветные картинки, сопровождающие огромные буквы, приковывали мое внимание. Этот момент запечатлелся в памяти кусками, как и все другие воспоминания из детства. Это стала своего рода самым дорогим воспоминанием о матери. Я начинаю переворачивать одну страницу за другой, постепенно делаю это быстрее, вскоре одна из страниц под давлением маленьких детских ручек рвется, малыш - Алекс Новак начинает плакать. Мать вбегает в комнату и садясь на корточки, успокаивает меня «Тише-тише, Сашенька!». Я думал об этом, поднимаясь на четвертый этаж нашего дома. Подъезд выглядел покинутым, даже слишком. Поднявшись на четвертый этаж, я повернулся к нашей двери – она была справа, практически возле лестницы. Она была слегка приоткрыта. Не слишком сильно, но достаточно, чтобы проходящий через открытую на площадке форточку, сквозняк мог со скрипом качать ее.

«Мам!» - боязливо озираясь я зашел в квартиру, перебирая варианты того, что могло произойти. А вдруг нас как-то ограбил? Хотя скорее всего самое страшное, что могло произойти – это то, что мать занося сумки с продуктами, всего лишь забыла закрыть дверь в квартиру.

«Мам!» - вскрикнул я с новой силой. Они тут же показались. Несколько человек, тут же, как по команде, вышли из гостиной. Черные костюмы, белые рубашки. Двигались они плавно, неторопливо и манерно.

«Какого...» - начал я, но меня тут же прервали. «Новиков Александр Игоревич, 65-го года рождения?»

«Кто спрашивает?» - тут же ответил я. Я чувствовал злость на этих людей, будто они причинили мне ужасную боль, вломившись в жилище, хотя правда была такова, что их лица я видел впервые в жизни.

«Комитет Государственной Безопасности.» - «Вот черт!» - тут же подумал я.

«Пройдемте с нами. Внизу нас ждет машина.»

Сейчас все, о чем я мог думать – это закат. Я старался не вспоминать ни о чем другом, опасаясь нового прихода ностальгических воспоминаний, настигавших меня, как то ужасное лекарство. Мысли об Афганистане все же тяготили сознание. Два года. Я знал, что провел там два года.

«Скоро прибытие.» - слышалось у меня за спиной. В очередной раз проводница проделала свой привычный и никому непонятный путь, от начала машины, до конца. О грядущем прибытии она сообщала всем, кто встречался ей – наверное этого требовал порядок, хотя думаю, что она просто

хотела как-то растормошить. Разве что со мной это явно не могло пройти. Глаза по-прежнему словно боялись сна, хоть временами я и отключался на одну две минуты. Грохот поезда, его качание и тряска, не давали мозгу как следует отключиться и заснуть. Восход постепенно все больше и больше пробивался наружу из преисподней, освещая своим ярким, утренним светом все пространство. Они проникали в поезд, показываясь практически из каждого окна и пробираясь на полу, где отбрасывали все такие же яркие следы. Постепенно в вагоне послышалось шевеление. Кто-то выходил в тамбур, покурить несколько сигарет, кто-то просто ходил туда-сюда в ожидании прибытия в родной город. Я смотрел на лица этих людей. Кого-то из них я знал, причем более чем хорошо. Это были люди, с которыми мы встречались взглядами каждый день, на протяжении более чем двух лет. Мы не здоровались, изредка говорили и еще реже просто кивали друг-другу. Своего рода ритуал, в котором мы давали друг-другу знать о том, что знакомы. Этих людей я знал почти два года. Было много тех, кто сейчас не ехал с нами. Они находились в другом вагоне. Мертвые тела, заколоченные в цинковые гробы. Их убило там, в Аду, где и остались их души. Во всяком случае, так мы все считали. Я надеялся, что эта присказка, о душах, скитающихся по Афганистану – неправда, и хоть какая-то часть из них спасется от этого Ада, в который нас забросили. Хотя бы в другом мире, где они очутились. Там была большая часть тех, кого я знал и хоть немного общался. Эти люди ехали с нами домой, но в разных вагонах. Их лица я держал в голове, вместе с образами жены, друзей и маленькой дочурки, которую никогда не видел. Я вспоминал слова матери о том, как они с

отцом забирали меня из роддома, и думал - каково было малютке Еве идти домой с одной матерью. Как прохожие смотрели на Алису. И о том, что скажу ей, как только мы приедем. Поезд вдруг замедлился и постепенно начал подъезжать к платформе. Выглянув в окно, я увидел гранитную кладку станции. Фонари на ней еще светили, хоть и звезда по имени Солнце, во всем своем величии уже поднималась на небосводе, освещая все. Утренний туман, привычный для нашей местности, постепенно рассеивался. Он витал над землей, легкой дымкой, словно это были материализовавшиеся души всех тех, кто ехал в поезде с пометкой «Груз 200». Эта легкая, призрачная дымка, окутывала всех тех, кто пришел на платформу этим утром. Одинокие молчаливые фигуры, стоящие в молчании и желающие увидеть тех, кого не видели так долго. Матери, отцы, дети, жены. Кто-то стоял молча, кто-то счастливо бежал за поездом махая всем пассажирам рукой и приветствуя вернувшихся. Прильнув к прохладному стеклу, я старался рассмотреть каждого, кто стоял на платформе этим утром, стараясь разглядеть в пролетавших мимо лицах, легкие веснушки на лице Алисы, стоящей на платформе с нашей дочерью или же худое, вытянутое лицо матери, стоящей рядом.

Когда поезд остановился, мы поспешно покинули свои вагоны. Проводница стояла возле последних ступенек вниз вагона. Те, которые они задвигали во внутрь, стоило поезду тронуться и те, которые откидывали, давая пассажирам сойти. Я со страхом прошел расстояние в пол метра, спускаясь из вагона. Ноги неуверенно стали на гранитную платформу – должно быть это все чертово волнение. Люди вокруг постепенно расходились.

Они встречались. Обнимались, радовались долгожданной встрече, только я никак не мог найти свою супругу. Месяцами эта картина рисовалась в голове как сюжет какого-нибудь привычного всем советского фильма. Я вспоминал подобное время – как мы с Алисой, только начав свои отношения ходили в театр, как я держал ее за руку не отпуская.

Постепенно люди начали расходиться, а я все еще искал глазами девушку с младенцем и свою мать. Множество девушек на платформе встречали любимых парней, они запрыгивали им на руки, целовали их так сильно, как только могли. Эта картина создавало у меня впечатление того, что Афганистан не только разрушил жизни миллионов, хоть теперешние ощущения были лишь очередным заблуждением. Окинув взглядом дальнюю часть платформы, я увидел ее. Она поднимала коляску из подземки, служившей переходом между множеством различных путей. Наклонившись к младенцу в коляске, она на минуту остановилась что-то шепча ему. «Разговаривает с дочерью.» - на моих глазах навернулись слезы. Сейчас я увижу дочь, в свой первый раз. Сердце постепенно начало колотиться сильнее. Шаг за шагом я преодолел расстояние от последнего вагона до входа в подземный переход. Алиса тем временем с трудом вытаскивала коляску на платформу, продолжая разговаривать с младенцем. Она стояла спиной ко мне, скрыв от меня свое лицо. Все та же кожаная куртка-косуха, легкий берет. Она никогда не любила головные уборы, во всяком случае в те времена, когда волосы моей жены были вытянуты вверх в беспорядочном наборе множества острых колючек.

«Алиса.» - она вздрогнула. Никакой реакции, девушка лишь стояла ко мне спиной, тяжело дыша. А я в то время ожидал ответной реакции от нее. Она слегка развернулась, после чего, одним поворотом бывшей балерины, повернулась ко мне. Мы смотрели друг на друга ни говоря ни слова. Ее холодные пальцы в миг проскочили между моими. В глазах девушки все сияло. Я видел как ее зрачки покрывались тонким слоем слез, готовых прорваться и вытечь наружу. Веки дрожали, не давая этому соленому водопаду прорваться в окружающий мир. Она ничего не сказала. Один поцелуй, который сказал больше, чем она бы могла, используя самые красивые, самые изящные выражения. Одним поцелуем она рассказала мне все, что чувствовала эти три года, пока меня не было рядом с ней.

«Знал бы ты, как сильно я этого ждала...» - тут же сказала она, слегка отпрянув от меня. Она смотрела на меня, не отрывая взгляд, пытаясь налюбоваться так, как только могла. Я же просто еще раз поцеловал ее. Просунув руку между моей сумкой, в которой были лишь старые вещи – те, в которых меня тогда взяли агенты КГБ, в 86-м, она заключила меня в объятия, давая почувствовать все тепло исходившее от ее тела.

Пару минут мы просто стояли и молчали, после чего моя жена спросила. «Хочешь увидеть дочь?»

«Конечно хочу.» - этот момент я представлял себе множество раз, но это были всего лишь ожидания. Маленькое существо, тихо сидящее в коляске, тут же уставилось на меня. Светлые, как у матери волосы, свисали из под вязаного берета, а сама девочка

была одета в маленькую зимнюю куртку. Она с интересом смотрела на меня, немного вытянув лицо.

«Привет! Я твой папа.» - сказал я дочери и взял руку. Крошечная ручка легко поместилась в моей ладони, в то время как девочка с присущим ей интересом изучала меня. Ее маленькая ручка, с крошечными пальцами, которые Ева перебирала, слегка коснулась кожи на моей ладони, после чего она перевела взгляд с нее, продолжив меня изучать. Я не мог поверить своим глазам. На нас смотрела наша дочь. Плод нашей любви. Я думал о том, что же этот ребенок чувствует сейчас, наконец-то встретившись со своим отцом. Она смотрела на меня своими яркими карими глазами.

«Слушай, по-моему, она похожа на бабушку.» - Алиса ничего не сказала. Она лишь смотрела на меня, широко открыв глаза, будто пытаясь что-то сказать.

«Алиса, а где мама. Опять ночная смена?»

«Сапа...Она...она умерла.» - Нож пронзает мое сердце, разрывая его на несколько частей. Ее слова сделали примерно то же, что сделал бы нож, попав в него по-настоящему.

«Ясно...» - лишь это мог выдавить я из себя.

«Слушай. Ты как?» - спросила она проснувшись. После нашего прихода домой, я все время провел с дочерью, я старался не думать над словами Алисы и отводить взгляд от двери в комнату матери, в которой все напоминало о ней, но эти мысли, словно призраки прошедших лет, преследовали меня,

не давая сосредоточиться ни на чем. Ее образ стоял перед глазами, а призрачные воспоминания следовали по пятам, куда бы я не пошел. Алиса сказала, что этой зимой она просто упала, поскользнувшись и уже не могла встать. Это все, что я знал. Она явно не хотела поднимать эту тему, но забеспокоилась обо мне уже ночью, внезапно проснувшись. Все это время она пролежала в сладком сне, обвивая мое туловище руками. А я лишь сидел на кровати и смотрел на советские часы с надписью «Сделано в СССР», сделанной чуть ниже циферблата. Эти часы я нашел дома – должно быть после смерти матери Алиса принялась разгребать старые завалы и наткнулась на коробку с вещами отца.

«Я в порядке. Просто нужно немного подумать обо всем этом.» - она не говорила мне никаких новостей, предоставив возможность провести с дочерью столько времени, сколько было нужно. Кровать Евы стояла в гостиной. Той ночью я часто подходил к ней, смотря на то, как малышка, свернувшись в калачик спит и думая о матери. Посмотрев на маленькое личико, с накрывавшими его светлыми волосами, я легонько отбросил прядь волос с лица девочки. Целый день мы с ней провели вместе, компенсируя все то время, что потеряли за три года. В малышке было так много от ее бабушки, которую она видела лишь короткое мгновение своей жизни. Вспомнит ли Ева свою бабушку, когда станет постарше. Я думал об этом размышляя о своей бабушке – жива ли она сейчас? Я не видел ее уже много лет, но периодически вспоминал те пару лет, что мы общались, до их окончательного разрыва отношений с матерью. Алиса знала как сильно ранили ее мои слова, и как я

не хотел говорить об этом, поэтому не заводила разговора ни о матери ни о друзьях, которых я не видел почти три года. А я все думал о матери, моей матери. Встав со своего места у кровати малышки, я вернулся в спальню, где моя жена уже дремала, закутавшись в одеяло. Блокнот, подаренный Зарей несколько лет назад, так и лежал на столе, где я его оставил. Помятый, завернутый в старый кусок ткани, который я нашел в старом, полуразрушенном швейном магазине в Кабуле, он хранил в себе все мои чувства и воспоминания, которые Алекс Новак, только и мог запечатлеть на бумаге. Взяв блокнот, я тихонько пробрался на кухню и плотно прикрыв дверь, закурил. Я принялся писать письмо бабушке, в надежде на то, что она еще жива и прочтет его.

«Привет бабуль,

Мы с тобой не виделись много лет и я размышляю о том, помнишь ли ты меня. Кажется, с момента вашей ссоры с матерью прошло много лет. Все здесь изменилось, а я постепенно перестал забывать тебя. Интересно, какая ты сейчас? Получишь ли ты это письмо? Я не знаю этого. Я бы позвонил, но из моих воспоминаний, вы так и не провели телефон. А даже если и провели, забыли сказать мне адрес.

Я не знаю, как лучше написать тебе обо всем, что случилось со мной. Кажется, что мы виделись в другой жизни. Ты была молодой, все еще ходила в школу, а я был маленьким мальчиком, который в свободное время пробирался на чердак твоего дома или стрелял из рогатки в соседских котов. Во всяком случае, таким я себя запомнил. Конечно с этого момента

я изменился, изменились все мы. Помню, как в первый раз я услышал о войне в Афганистане. Это было еще как только я поступил в университет. Кто-то писал заявления по собственному желанию «возьмите меня воевать». Наверное, они хотели что-то сделать для страны, которая для них так много значит. А я не хотел. Я не думал об этом, пока сам не очутился там. Под палящим солнцем этой страны. Я не думал об этом, пока не встретил девушку и не полюбил ее. Мы с ней поженились и жили счастливо. А потом я попал туда, в этот Ад. Я сидел и каждый день видел, как одних ребят убивают, а других приводят на эту бойню. Я видел, как людей, которых я знал убивало снарядами, в стране, о которой они в первый раз слышали. Я не знаю, как пережил этот Ад. В конце мне вручили медаль, но думаю это все было бессмысленно. По дороге домой, я снял ее с формы и выкинул в окно, надеясь, что больше никогда не вспомню об этом. Правда как и все в нашей жизни, это не может быть просто так. Возможно ты была права, говоря, что Бог видит все. Думаю, это так, иначе все, что мы делаем просто было-бы бессмысленно. Мы рождаемся и умираем по воле Божьей. Но сейчас я ни о чем не жалею. Разве что, о своей дочери. Когда я был там, под палящим солнцем, она появилась на свет. Алиса (моя жена) назвала ее Евой. Я знаю, что такое имя ты скорее всего не одобришь, но она хорошая девочка. Сегодня я впервые вернулся и наконец увидел ее. Милое личико, карие глаза. Она похожа на вас с матерью, правда даже не знаю чем. Может своим проникновенным взглядом или же мне просто так кажется. Так или иначе, я просидел весь день возле нее. Смотрел как она игралась, читала букварь – как я когда-то, сидя

на первом этаже твоего дома. Когда вы сидели с матерью и о чем-то говорили. Правда время прошло, вы поругались, а я изменился, прошел через войну и вот я здесь. В пустой квартире с женой и дочерью. Кажется, я наконец-то стал другим. Возможно твоя дочь бы хотела этого. Дать мне шанс изменится, забыть о прошлом и начать все с чистого листа. По крайней мере я думал об этом сидя там, в горах. Думал, как увижу ее вместе с женой и ребенком. А когда я сошел с платформы Алиса сказала мне о том, что она умерла. Я не знал, как сказать тебе об этом, и не стал искать каких-то уверток или еще чего-то. Как ты всегда говорила мне «если хочешь что-то сказать – говори это прямо.» Я не знал об этом. Никто не говорил мне. С друзьями я не виделся несколько лет, а супруга похоже не хотела меня расстраивать. Сам я просто хотел написать тебе, удостовериться о том, что ты все еще жива и возможно ответишь мне. Не знаю, что еще сказать. Возможно фраза «Мне жаль», будет уместна. Вы не общались много лет, но она часто вспоминала тебя. Она вспоминала свое детство, то как ты водила ее в школу и заставляла учить уроки, то как помогала сидеть с маленьким Сашей, который теперь сам сидит с собственным ребенком. Я думал о ней целый день. О том, какой она была, и какой осталась для меня. Возможно это лучшее, что я могу сказать сейчас, не зная, как закончить это письмо. Она любила тебя, любила мою жену и дочь, которая не забудет ее. Я постараюсь сделать так, чтобы она не забыла. По крайней мере, видя ее милое личико в зеркале, я без тени лжи и сомнения скажу, что глаза ей достались от двух бабушек. Ту которая сидела с ней в детстве, пока ее папа воевал и ту, которую я надеюсь она еще увидит. Ту, которая не знает ее, но

я уверен полюбит всем сердцем.
Всегда твой, Саша.»

Перечитав письмо несколько раз, я наконец-то заснул. Должно быть мне просто нужно было выговориться, поговорить с кем-то таким непрямым образом. Я не знал наверняка прочтет ли она его, и получит ли вообще. Адрес старого дома, стоящего недалеко от кладбища, смешался в памяти. Я не знал точного адреса, поэтому утром решил сходить туда сам, отнеся письмо лично, что было достаточно хорошей идеей. Алиса большую часть утра провозилась с Евой, рассказывая мне о том, что нужно делать с малюткой. А я тем временем вникал во все процессы.

«Знаешь, дорогая, как мы с мамой познакомились?» - маленькое, по-детски наивное личико тут же уставилось на меня. «Мы познакомились, когда твой папа играл свой первый концерт. Он ужасно нервничал и вдруг увидел ее. А потом она сама подошла к нему... Так что через месяц они уже поженились...» - Алиса стояла спиной ко мне, продолжая готовить на кухне завтрак, в то время как я продолжал свой рассказ. Малышка с интересом слушала, и тянула свою маленькую ручку ко мне, желая потрогать своего отца. Она не присущей детской нежностью, пощупала остатки бороды, которые я еще не успел состричь. Через пару минут Алиса закончила готовку и расставляя тарелки на столе, повернулась к нам. Ее лицо было покрыто слезами, которые мощным ручьем стекали по тонкой шее, заставляя девушку вздрагивать.

«Ты бы знал, как же я тебя ждала!» - тут же сказала она, едва крича. «Я думала ты не вернешься.»

Свободной рукой я тут же обнял ее, прижав к своей груди. Она продолжала плакать, а Ева, сидевшая у меня на руках, лишь задумчиво склонила голову. Должно быть малышка пыталась понять, что случилось с ее матерью. Во всяком случае, смотря в ее чистые, карие глаза, я понимал, что она возможно знает ответ на этот вопрос лучше меня. Меня не было три года, три года за которые Алиса родила нашу дочь, работала и пыталась сама ее воспитывать. Они забрали у нас три года жизни, я забрал у нее три года жизни, которые теперь предстояло компенсировать. Наконец, моя жена подняла голову, и все еще слезящимися глазами сказала:

«Я возьму Еву на работу, а ты сходи на кладбище...Думаю это будет правильно.»

«Ясно.»

Ева тем временем подняла глаза к нам. Белокурые волосы были достаточно длинными, для такой маленькой девочки. Откинув их ручкой, она принялась рассказывать нам стишок, из старой детской книжки, который я хорошо знал «Красный свет – проезда нет. Желтый свет – готов к пути. А зеленый свет – иди!». Этот стих бабушка учила со мной в детстве, как и многие другие. Ева похоже знала не один этот стих. Во всяком случае, так мне казалось. Гордость от того, что моя дочь говорила, и не просто говорила, а рассказывала стих. Каким бы дурацким он не был, все же переполняла меня. Она говорит. Моя девочка. Я

представлял себе каким будет ее голос. Там, в Афганистане, когда в очередном припадке бессонницы не мог заснуть и смотрел на звезды. Тусклые огоньки заставляли меня думать о том, что возможно на какой-то из этих далеких планет, Алекса Новака не схватили агенты КГБ, не вели допрос, не кидали в психушку и не отправляли в Афганистан. Он был счастлив наблюдая рождение своей дочери и все также выступая на сцене. А моя мать...возможно она была бы жива, не случись всего этого. Но несмотря на все события чувство внутри меня еще больше вскипало. Я знал, что оно есть где-то там, так же как думал о том, что есть жизнь далеко-далеко, на этих маленьких звездочках. Оно кипело внутри, вмещая в себя все, что я готов был сказать дочери, матери и всем близким людям. Алиса похоже уловила мой настрой, который, казалось бы, никак не проявлялся и продолжила рассказывать о моей матери.

«Это твоя мама...Она многому научила. Правда солнышко?»

«Да. Бабушка Оля!» - ребенок казалось не понимал о том, что бабушку она уже никогда не увидит, как и я до конца не верил в это. Мне было интересно то, как же они общались. О чем думала моя мать нянча ребенка...Эти мысли заставляли в расплох, оставаясь болью в груди. Болью, которая словно сворачивала кровообращение, заставляя меня замереть и выключить сознание. Взяв Еву на руки, Алиса продолжила разговор:

«Я позвоню Игорю, скажу, чтобы отвел тебя. Он знает где это.» - в этот момент я вспомнил Игоря и наши походы на кладбище,

то, как я ждал его вдали, там, где холм лишь слегка начинал порастать могилами. То, как он пробирался сквозь ряды и ряды могил афганцев, в которых мог лежать и я.

«Игорю? И как он?»

«Черт, я совсем забыла, что вы не виделись.» - наконец она улыбнулась. «Прости доченька...» - затем добавила Алиса, глядя на дочку. Еву я посадил на колени, предоставив ребенку простор для ее деятельности. Она тем временем ощупывала стол, пытаясь дотянуться до кухонных приборов.

«Знаешь, Игорь в последнее время мне хорошо помогал. Хорошо хоть работу удалось сохранить. Правда пришлось взять отпуск, но в целом я справлялась. Катя с Лешей тоже хорошо помогают. В основном они смотрят за Евой. Правда я стараюсь не слишком часто бросать ее одну на них, поэтому беру ее на работу.» - утерев слезы, Алиса, продолжила: «В любом случае я думаю тебе нужно некоторое время на размышления...» - сказала она, кивнув на записную книжку, лежащую на подоконнике. В приступе сонливости, я заснул прямо здесь, на кухне, прямо ночью, а проснувшись, тут же вернулся в зал, где сладко спала дочка. Сидя в кресле, я наблюдал как поднимается ее грудная клетка, как она кривляет личиком, будто бы спасаясь от страшного сна, где ее отца все еще нет рядом.

«Слушай, давай я сейчас позвоню Игорю и вы встретитесь. Он в последнее время только и говорил о тебе...» - она несколько раз прокрутила номер на дисковом телефоне, а я слушал звук,

с которым пластиковый круг возвращался на исходную позицию.

«Алло, Игорь. Привет. Прости, что рано...Нет, с Евой все в порядке. Сейчас дам трубку.» - слезы на ее щеках еще не высохли, но жена выглядела счастливой, улыбаясь мне во все зубы.

«Привет, дружище!»

«Алекс! Ты?» - Алекс. Так меня не называли уже давно. Последний раз это имя я слышал на допросе в КГБ, куда меня отвели насильно.

«Я, Игорь, Я. Как дела?»

«Да вроде как ничего. Когда встретимся?»

«Давай сейчас. Мне нужно съездить на могилу матери. Посмотреть, что там и как...Алиса сказала ты можешь меня отвезти.»

На несколько секунд он замолчал, а я бросил взгляд на Алису, которая с интересом изображала поезд, кормя Еву кашей.

«Да...Хорошо. Буду у тебя через пару минут.»

«Давай!»

Действительно, он не соврал. Игорь подъехал к нашему дому быстрее, чем я мог себе представить. Он позвонил, когда я открыв старый шкаф, разбирал завалившиеся там вещи.

Военная форма, выданная нам перед самым отлетом, бросалась на глаза. Я ставил ее на диване в гостиной, бросив в беспорядке. От нее я хотел избавиться в первую очередь.

«Привет. Он тут – заходи.» - послышался голос Алисы. Ева довольно залепетала, увидев дядю на пороге дома. «Привет, малышка.» - послышался его голос. Оставив свои поиски одежды, я вышел к нему и встретился взглядом с Игорем. Мой лучший друг, которого я не видел три года. Я вспоминал о нем сидя в камере, лечебницы, надеясь хоть немного, что он не все же живет и не знает о том, что там творится.

«Алекс!» - он вскрикнув и подбежав обнял меня.

«Привет, дружище. Ну как, готов?»

«Да да, конечно.» - он кивнул, показав на букет цветов, который сжимал в руке.

«Хорошо, погоди пару минут, я оденусь и поедем.» - он со всей серьезностью понял мою команду и сев на диване, принялся молча ждать, когда же я выйду к нему, одетый и готовый к поездке.

Достав множество сложенных вещей маленького размера, я постепенно начал углубляться вглубь шифоньера. Старые джинсы «Ливайс», привезенные Степаном из командировки. Интересно живет ли он еще здесь? Работает ли в универмаге? Моя старая футболка, которую я использовал, показательно одевая ее на физкультуру. Поняв, что в нижней части я не найду ничего такого, я поднялся наверх, где начал перебирать

множество вещей Алисы, теперь занимавшие большую часть вешалок. Постепенно дойдя до зимней одежды, я наткнулся на старый коричневый пиджак. Его я надел в день нашего знакомства с Алисой, идя в Дом художников. А под ним... Да, там была она. Та самая рубашка с оторванным рукавом. Она ничуть не изменилась. Пятна акварельной краски, слегка выгорели за все это время. Сняв ее с вешалки, я начал рассматривать предмет. На спине красовались большие буквы «PUNK!».

«Давно я не видел эту вещицу.» - Игорю похоже совсем наскучило сидеть в гостиной, и он решил пройти в нашу комнату. Слегка опершись, он стоял со всей серьезностью двадцатитрехлетнего парня. Модная стрижка, легкая небритость и все те же очки, которые я видел много раз.

«Я тоже...» - это было все, что я мог сказать в тот момент, смотря на этот артефакт из прошлой жизни.

«Мне кажется, что прошли те времена, когда мы были панками.»

«Алекс, а мне кажется это было вчера...и до сих пор имеет место быть.» - он слегка улыбнулся, хотя я так и не понял шутит он или нет.

Спустившись с четвертого этажа мы с Игорем прошли несколько метров, после которых он подошел к белому, слегка потрепанному «Москвичу» и принялся открывать дверцу своим ключом.

«Это что, твой ?» - в изумлении спросил я. В одной руке он все еще сжимал цветы, должно быть купленные для похода на кладбище.

«Ага.»

Вскоре мы уже влезли в машину и тронулись с места. Всю дорогу Игорь не говорил ни слова. Изредка покашивался на меня, удостоверяясь в том, что я по-прежнему на пассажирском сиденье – сижу рядом с ним и мысленно присутствую там же. Временами он сворачивал в различные переулки города, срезая путь, а я напрягая память, пытался вспомнить. «Вот здесь мы когда-то играли квартирник.»

Я думал о том, что со мной сделал Афганистан, с нами всеми. Это было то время, которое я буду еще много раз называть самым страшным в жизни.

«Знаешь, когда они меня взяли я только и думал о вас...» - сказал я. Игорь ничего не ответил. Не отрывая взгляда от ветрового стекла, он легонько кивнул мне, а я в то время продолжил говорить. «Что они сделали с вами? Где вы сейчас? В какой-то момент я подумал, что и Алису и всех нас упекут...»

«...Я понимаю тебя. Да, это было... Меня уже хотели посадить, но отец взял все в свои руки. Ты же знаешь его знакомых. Я не хотел этого, я правда боялся того, что со мной там сделают. Во всяком случае тебя тогда забрали. Алиса вся разнервничалась, чуть не попала в больницу... А твоя мать – она ее успокоила.

Знаешь, мы все думали, что она потеряет ребенка. Мол, как так можно, на таких нервах...А она не потеряла.»

«А Лева что?»

«Из консы его отчислили сразу же. А потом мы перестали общаться...думаю он просто не очень хотел меня видеть. Так что сейчас он работает на мясном рынке, с отцом. Я тогда переживал из-за всего этого. Изводил себя. Мол как так, что же с вами обоими будет.» - Игорь заметно напрягся. По пути на кладбище, я остановил его и забежав на почту за свежим конвертом, вернулся в машину. Мысли о том, как подбодрить старого друга, занимали мою голову. Я не знал, что ему сказать, не знал, как помочь. Когда я вернулся, он сидел все там же, склонив голову на руль, будто плакал. И хоть его лицо было совершенно сухим, я знал, что теперь все будет не в порядке.

«Не надо себя винить...» - наконец-то продолжил я. «Если бы ты оказался там же где, и я, ты бы вряд ли жалел себя за то, что сидел дома или работал.»

«Алиса говорила мне. Помню мы с Петренко как-то разговаривали, и он сказал, что «теперь он в Аду» - и я понял насколько плохо.» Фраза, которой он подвел разговор, была произнесена с необычайной грустью. Так, что любой мог почувствовать весь спектр его эмоций в голосе: тоска, грусть, сожаление, печаль. В этот момент я хотел рассказать ему все, что чувствовал и все, что было на душе. Я знал, что он как друг, поймет и выслушает все мои истории о жизни в Афганистане. О том, как моджахеды обвязали взрывчаткой маленькую

афганскую девочку и пустили ее к нам, пообещав то, что ее при встрече с нами отпустят. О том, как мои сослуживцы, убив несколько человек из группировки афганских партизан, забрали у них несколько килограммов наркотиков, и перевезли их в СССР, тем же поездом, что я ехал. Об этом знали все мы. Все те, кто служил со мной, все те, кого призывали на службу или отправили на убой, как меня. Но стиснув зубы, я ничего не сказал. Ему незачем слушать это, незачем потом просыпаться посреди ночи или ворочаться от того, что сон никак не приходит, а перед глазами стоит все тоже маленькое смуглое личико маленькой девочки, которую отправили к нам обвязав динамитом, как свинью, медленно идущей по конвейеру на бойню.

«Ну а ты как...? Смотрю не бедствуешь.» - я попробовал пошутить, слегка поднять настроение Игоря, но вдруг понял насколько глупо это прозвучало. Будто я стараюсь упрекнуть лучшего друга за то, что в его жизни все идет хорошо.

«Да...отец меня тогда хорошо приложил, когда узнал о всем. В итоге, после того, как я доучился он послал меня в новый ДК...Так что теперь я там всем управляю.»

Немного помолчав он вскоре добавил: «Знаешь, я иногда думаю о том, как все поменялось, пока тебя не было...Тот же Сенья...»

«А что Сенья? Почему здоровяк не пришел встретить меня?»

Мы почти подъезжали к кладбищу, выезжая с центральной дороги на улочку, забитую по-деревенски маленькими домами. Впереди виднелся большой холм, который обвивала ветвистая дорога. Воспоминания тут же представили ту дорогу, которую я каждый день видел, стоя в камере клиники. Ощущения холодного пола, ударов на лице и по всему телу, на один миг вернулись, словно приступ у астматика.

«Слушай, можно я открою окно?» - сказал я, и не дождавшись ответа, принялся поворачивать ручку-крутилку.

«Так Алиса тебе не сказала?»

«Ты о чем?»

«Сеня...»

«Что с ним?» - снова пауза. Видимо он обдумывал как бы лучше сказать новость.

«Он сбежал...»

«Куда?»

«В ФРГ.» - его ответ и в правду ошарашил меня и взбодрил. Еще сильнее чем поток прохладного воздуха, который я чувствовал, слегка высунув голову в окно. Тут же повернув голову на Игоря, я ясно потребовал рассказа.

«Я не знаю всей истории. Это лучше спроси у Петренко, потому что как мне кажется, он явно что-то не договаривает...Как только тебя взяли, мы начали что-то

узнавать. Петренко подключил кое-какие связи, я донимал отца, но он мало чем помог. В итоге потом мы узнали где ты был. Алиса тогда написала тебе письмо и отправила, а Петренко напрягал всех знакомых – продал часть картин, что-то выменял. Взял личные запасы, чтобы подмазать кого нужно. Он пытался помочь как мог. И казалось, что получилось, но дело было слишком гиблым, к нему никого не подпускали. Военные считали, что мы чем-то не угодили партии. Еще Гриша во всю печатал свой «Космос»...

Так или иначе, как только Алиса родила Еву, Сеня сказал, что ему нужно будет уехать на пару недель. Его изо всех сил звали в Берлин какие-то знакомые-немцы. Они приехали сюда учить студентов языку и как-то с ним познакомились. Выбили разрешение на выезд. Видел бы ты его – он был так рад этой поездке. Представь какая возможность! Я помню, как был счастлив только выехав с отцом в Таллин, а тут – Берлин! Сеня посидел там пару недель, засветился. Там тогда был слет художников, массовая выставка в социалистических кругах. Он собственно и взял пару тройку своих работ. Потом мы собственно и узнали. У Зари какая-то знакомая ехала туда к ним и сказала, что Сеня просто пропал. Исчез из отеля ночью. Везде были агенты ШТАЗИ, искали его. Мол художник, куда он мог деться. А он звонит в «Дом Художников» через две недели и говорит: «Привет, ребята. Я на другой стороне.» - мы все и поняли.

Я слушал Игоря с интересом, хоть и был немного ошарашен, правда не настолько, чтобы совсем отключиться и не вникать в его слова. Только подумать – Сеня Зельцын, который был на

пару лет старше меня. Который уже успел выучиться и отслужить, который долгие годы был вторым моим лучшим другом, теперь не тут. Сбежал в ФРГ – история похожая на классный газетный заголовок. Я сразу нарисовал себе множество таблоидов, печатающих эту новость. А на обложке газеты – фотография здоровяка. Как всегда, с сигаретой в руках, на фоне его же картин. Полотно «Партия» тут же нарисовалось в голове, на фоне моего лучшего друга.

«Мда...»

«Жизнь – странная штука.» - подвел черту мой собеседник.

Наконец доехав до вершины холма, мы припарковали «Москвич», возле кладбища и принялись выбирать. Игорь поставил машину прямо возле источника с питьевой водой. Он стоял там, сколько я себя помнил – не слишком близко к кладбищу, метрах в пятнадцати. Так, чтобы проезжающие мимо машины, срезающие крюк основной дороги через эту проселочную пустошь, не задевали новенький «Москвич». В руке Игорь все еще сжимал букет цветов, с которым он появился в квартире. Наверное таким я запомню его – первый день возвращения домой, словно первый рабочий день, после долгого отпуска. Во всяком случае, так я чувствовал себя.

По мере того, как мы все дальше заходили на кладбище, я все больше и больше нервничал и волновался. Временами мой проводник бросал взгляд на меня, идущего за ним и говорил «давай передохнем.» - тогда мы останавливались и оперевшись на калитку, обрамляющую отдельные участки кладбища,

отдыхали от этого долгого пути. Думаю, он волновался точно так же как и я, а может он был абсолютно спокоен и это беспокойство проскакивало только у меня. Как только мы продолжали идти, после минутного перерыва, я старался не упускать из взгляда каждую могилу, каждое печальное, в своем роде лицо, обращенное ко мне из глубин подземного мира. Я чувствовал их взгляд и осуждение «Ты убил человека» - говорили они мне. Да я убивал людей. Осознание этого давалось мне долго и плохо. Еще во время первого выстрела – там, в Афганистане. Начальник нашего взвода взял меня за шкуру и ударил по лицу, залепив крепкую пощечину. Он кричал на меня со словами «Убей или сам сдохнешь!». Понятная для каждого истина, хоть те, кто там был не до конца понимали этого. Лишь ему выпала эта незавидная участь, отправится со взводом «новых» солдат, отведя их на убой. Сейчас, смотря на все эти лица, я думал о том, что они пережили, ребята-афганцы, смотрели на меня с необычайной грустью в глазах, не говоря ни слова. Лишь медленные шаги Игоря, по опавшей осенней листве, постепенно давали знать о нашем присутствии здесь, в царствие тишины.

«Пришли.» - вдруг сказал он мне.

«Ага...» - я не просил у него отдышаться, а лишь бросил это «Ага», будто в спешке. Но он похоже все понял. Положив руку мне на плечо, друг тут же спросил: «Слушай, все нормально?»

«Кажется да.»

«Хорошо...Вот цветы. Положи их туда. А я пойду обратно. Я буду в самом начале кладбища – возле машины. И буду ждать тебя. А ты сиди здесь сколько хочешь.»

Вложив обернутые в газету розы, он вскоре удалился. Я не поднимал глаза, боясь встретится взглядом с еще одним лицом, которое смотрело на меня. Тем, ради которого я пришел сюда. Как только его шаги по опавшей листве начали затихать, я поднял голову. С гранитного памятника, на меня смотрело лицо матери. Такое же, каким я ее запомнил. Слегка исхудалое, слегка печальное, с легкими морщинками, в уголках глаз. Создававшими ощущение ее фирменного прищура, которым она окидывала всех и вся. Могильный участок был обрамлен небольшим заборчиком. Прямо возле могилы располагалась небольшая лавочка. Зайдя во внутрь отведенного ей участка, я сел туда, снова посмотрел на нее.

«Знаешь, мне столько нужно тебе рассказать...» - букет цветов все еще был у меня в руках. Я не решался положить его на землю, пока не скажу все, что должен сказать ей.

« Спасибо, что сделала для Алисы...для меня это правда важно. Хотел бы я отблагодарить тебя как-нибудь по другому, не сейчас. Но уж лучше поздно, чем никогда – правда? Я помню, как эту поговорку ты говорила мне в детстве. Странно сидеть здесь, вот так и говорить с тобой...» - я поднял глаза и еще раз посмотрел на ее доброе, немного суровое лицо, ожидая ответа, которого не последовало.

«Не знаю что еще сказать..Игорь привел сюда для того, чтобы я хоть немного поговорил с тобой. Попрошался, чего я не смог сделать раньше, но похоже у меня это никак не получается....Знаешь, вчера я написал письмо твоей матери. Знаю, что в последнее время вы не были близки. Но а вдруг она еще жива? Я не знал, что ей можно сказать. И не знаю как буду отправлять ей это письмо. Можно я прочту его тебе?»

С этими словами, я достал свой блокнот из внутреннего кармана пиджака. Он плохо помещался там, сгибаясь посередине, но все же влез туда. Внутри все еще была пачка писем, стянутых резинкой. Они сильно увеличивали размеры книжки, с которой я старался не расставаться. Взяв ее в руки, я не решался открыть ту самую страницу и прочесть, слезы так и текли ручьем по моему лицу, падая на обложку блокнота и выступая на ней в виде множества мелких капелек. Это было странно. Я не плакал в Афганистане, хоть и пережил весь тот ужас, который навсегда запечатлелся в моих глазах, но плакал сейчас, после того, как увидел ее лицо. Через несколько минут, я все же собрался. Время текло медленно, а я, постепенно утерев лицо рукавом пиджака, все же успокоился и открыв ту самую страницу, принялся читать ее. Я читал медленно, делая паузы. Будто бы давая ей возможность обдумать сказанное. Вставить свое слово или изменить что-то. В конце концов она ничего не изменила, а я, аккуратно вырвав эту страницу блокнота, согнул ее пополам и вложил в свежее купленный конверт.

«Я рад, что мы поговорили...Надеюсь ты сейчас там, где тебе хорошо. И надеюсь, что мысли обо мне не терзают тебя.»

Игорь был на том же месте, на котором он мне говорил. Слегка оперевшись на «Москвич», наш старый гитарист курил, глядя куда-то вдаль. Интересно, о чем он думает? Не о Леве ли. Похоже наша затея сломала жизнь ни одному мне. Хотя, несмотря на все, что случилось, я вовсе не чувствовал себя сломленным. Обойдя тонкий ручеек воды, стекающий от старой водокачки, из которой все еще была вода, он подошел к стоящему рядом «Москвичу». Все еще – прямо, как во времена моего детства. Мысли о Леве постепенно сосредоточились в разуме. Что же он чувствовал, вылетев из консерватории? А что чувствовал Сеня...История Игоря показалась мне более чем странной. Это было несколько не похоже на того Сеню Зельцына, которого я знал. Который всем своим видом, пытался доказать другим интеллектуальное превосходство, человека, которого я знал с детства. Может и не слишком хорошо, раз случилось такое, но я понимал, что нахожусь у него в долгу. Он выполнил мою просьбу, а теперь жил в другой стране, за много тысяч километров отсюда.

«Ну как ты ?»

«Нормально...С каких это пор ты куришь ?» - тут же спросил я его. Моя просьба заставила друга слегка улыбнуться, обнажив зубы и прервав его задумчивость.

«Не знаю...» - он вытянул руку, вопросительно глядя на дымящийся окурок. «Наверное с тех пор, как тебя взяли... Ты будешь?»

«Да, пожалуй.» - я сделал длинную затяжку, чувствуя как никотин проникает в легкие, соединяясь с кровью.

«Знаешь...в Афганистане я такое видел, что не пожелаю увидеть ни тебе, ни своим жене и дочке, ни кому либо...»

«...Когда мы узнали, что ты там...знал бы ты, как мы себя изводили. Я...Лева. Да все. Алиса конечно страдала больше всех. Но мы как могли, успокаивали ее. Если бы не твоя мать...» - он осекся, после чего вопросительно посмотрел на меня.

«Все в порядке, я все сделал...Единственное что – можешь отвезти меня в одно место. Здесь, недалеко.»

«Да, конечно.» - откинув окурок, он с решительностью открыл дверь к водительскому креслу и вскоре завел мотор.

Мы ехали наверное минут двадцать. А я все вспоминал подъезд к дому бабушки. Длинные ряды маленьких домов тянулись в целый город, словно те самые могилы, из которых выстроился целый город. Все это было там: переулки, мелкие улочки, и отовсюду на тебя смотрели люди. Проезжая мимо домов, я пытался вспомнить как маленьким ездил здесь на велосипеде. Как проезжал возле старых колхозных владений, занимавших целые поля. Наконец, я начал узнавать здешние места. Кладку домов, пустошь, где когда-то играл в футбол, с соседскими ребятами. Все эти места были знакомы мне, но казалось, что

навсегда сгорели в памяти прошедших лет. Наконец он сбавил ход, давая мне разглядеть дома. Он сразу показался мне на глаза. Такой же, как и много лет назад. Света в окнах не было видно, на улице никаких признаков жизни. Должно быть бабушки опять не было дома. Я сомневался, живет ли она там, сможет ли разобрать мой почерк. Хотя она всегда могла...Мать всегда говорила о том, что мы с ней похожи характером и душой, лишь одна в нашей семье разная. Это была одна из тех вещей, которые я не мог понять, но теперь понял. Внезапно вспыхнувшая любовь с другом детства, тяжкий развод и воспитание сына одной, сделало ее сильнее и помогло прожить ее пятьдесят один год.

Двор возле дома бабушки выглядел все таким же. Разбитый по обе стороны от калитки сад, обрамленный привычной для этой местности деревянной изгородью. Лавочка, на которой она сидела с клубком ниток. Она любила вязать. Все мое детство этим занималась. И конечно же почтовый ящик. Он висел на своем привычном месте, как и восемь лет назад. Достав конверт из кармана пиджака, я аккуратно опустил его в почтовый ящик. Бумага с легким металлическим эхо упала во внутрь. Я не подписывал конверт, ведь в этом не было смысла? Она знала мой адрес и могла написать, во всяком случае на это я и надеялся.

Пройдя по мощеной дорожке, ведущей от дома к проселочной дороге, я все думал над тем, как она откроет почтовый ящик и возьмет этот конверт без адресата. Свой адрес и телефон я

написал на обратной стороне письма, которое вложил в свежий конверт.

«Ну что, теперь куда поедем?» - спросил я его. Игорь тут же оживился и посмотрев на меня, сказал. «Поехали со мной. Покажу тебе где я работаю.»

Эта идея и впрямь показалась мне интересной, так что отметить все мысли, я лишь кивнул ему, дав понять, что готов покинуть это место не поворачиваясь назад. Кладбище все еще виднелось вдали, когда мы уезжали. Холм поднимался высоко, возвышаясь практически над всей сельской местностью, стоящей вдали от города. Оно виделось мне в боковом зеркале еще долгое время, пока мы наконец не свернули с проселочной дороги и не выехали на трассу. Пустынная местность, одинокие тополя, стоящие здесь, на отшибе, будто в пустыне сами по себе рисовали картину неумолимого одиночества. Эти пейзажи, со своей аутентичной красотой заставили меня вспомнить Афганистан. Каждую ночь, что я засыпал с мыслью об Алисе, с ее лицом перед глазами, и глазам моей матери, которые я представлял. Теперь ее больше не было, она ушла, и пора была начать жить дальше, примирившись со всем. Блокнот, подаренный Зарей несколько лет назад, все еще лежал в кармане пиджака, слегка согнувшись посередине, он вмещал в себя все то, что я чувствовал за эти три года. После выхода из больницы, его, как и все мои вещи отдали обратно, зарядив меня готовой уверенностью умереть за свою страну в непонятной войне. Каждый день я старался писать что-то в нем. Часто это были просто разбросанные мысли, какие-то

отдельные слова. Я вспоминал как в одном из полуразрушенных домов, вблизи от Кабула, мы оказались. Снаряд попавший в него, одним мигом разрушил это полувековое, красивое в своем роде, строение, служившее домом какого-то профессора. Нам предстояло вытащить трупы из-под развалов и похоронить их должным образом. Разбитые окна, везде следы массивного взрыва, произведенного снарядом. Глаза натыкались на привычные вещи, вроде обоев, с типичный советским витиеватым рисунком, которые были посечены осколками, торчащими из стены. Тела, к счастью не слишком завалило. Их посеколо лишь осколками, так что мы смогли быстро закончить работу. Именно там я нашел несколько книг, которые вскоре взял с собой. Нередко кто-то из солдат подворовывал мелкие вещи, которые удавалось найти. Это была своеобразная часть игры, когда все делали вид, что ничего нет. А я тем временем думал о том, как же так можно жить, воруя у мертвецов. Ведь это были их вещи. Но в тот момент, я сам стал одним из них. Увидев несколько книг, раскиданных по полу взрывом, я аккуратно собрал находки и сложил их в сумку. Это были книги по немецкому языку, которые я штудировал, находясь на службе. Других развлечений просто не было, а мне необходимо было как-то отвлечься от мыслей о родных, о друзьях, и неизбежности нашего бытия. Я старался не думать о том, что где-нибудь, среди таких развалов увижу знакомое лицо, которое будет смотреть на меня, с присущим мертвецам, пустотой. Немецкий давался мне легко еще в школе, так что сидя там, я бывало просто открывал словарь и начинал читать что-то. Слова, определения. Стихи я уже не писал. Больше нет. Я не мог этого

делать, думая о том куда мои стихи, моя музыка завела меня...А может и не одного меня, а всех нас. Игорь, слегка поправил очки, разворачивая машину. Мы уже прилично удалились от микрорайона с частными домами, и я мог расслабиться. Дорога уже не так качала, а он кажется избавился от прежнего, чувствующегося на лице напряжения.

«Слушай, у тебя где-то здесь есть карандаш ...или ручка?»

«Да, вроде была. Посмотри в бардачке.» - Потянув за пластмассовую ручку, закрывавшую закрома его машины, я приоткрыл бардачок и принялся рыться в нем. Бумажки, с множеством записей. Это была его давняя привычка. Я помнил, как стоило Игорю услышать что-то нужное, название группы, песни или еще чего-то, как он принимался искать клочок бумаги и пишущий предмет, чтобы зафиксировать новую информацию. Старая газета была сложена там же, заслоня несколько пишущих приборов. Я взял самый простой карандаш и открыв блокнот, принялся писать. Это были все такие же простые мысли, как и раньше. Мозг не размышлял об этом —они просто приходили в голову, складываясь из слов в рифму, как и раньше.

На новой страничке блокнота, постепенно появились надпись: «Поводы для сомнения» и несколько строчек под ней. Я не знал конкретно, о чем хочу писать — наверное это было таким способом выпустить эмоции, которые постепенно собирались у меня в организме.

«А, ты все пишешь...Похоже ничего не меняется.»

«Если честно, я уже давно ничего цельного не писал...Так, мысли...Да и, наверное, я боюсь. Ты же знаешь какой я нерешительный...Меня же тогда допрашивали за эти песни, так что после этого я как-то побоялся что-то писать.»

Объехав старую котельную, Игорь окончательно дал понять мне куда мы едем.

«Вон он.» - указал он мне, сидя слегка напыщенной гордостью.

«Слушай, а ничего!» - прямиком на нас смотрело громадное трехэтажное здание. Это был Дом Культуры, построенный уже после войны. Новенькое здание больше походило на вокзал, на который я сегодня сошел, но вместе с тем, оно было совершенно отличным. Три этажа, небольшая лужайка. И всем этим управлял мой лучший друг. Я был рад за него. По правде рад, хоть никак и не показывал это. Мое лицо все еще не выказывало никаких эмоций, да и сам я, при малейшем шуме, дергался. Проезжающие машины, звук колес по асфальту, все это напоминало мне легкий свист от уже падающих снарядов. Мне тут же хотелось выпрыгнуть, спрятаться в траншею, где меня бы ждало еще несколько сослуживцев. Интересно – испытывали ли они что-то подобное? Хотя готов поспорить, что да.

Подъехав к зданию, мой спутник тут же припарковал машину возле ступенек и завел меня во внутрь. Он тут же переглянулся с вахтершей – пожилой женщиной, жадно читавшей что-то.

«Здравствуйте, Игорь Михайлович!»

«Добрый день всем!»

В холле никого не было, но все равно это прозвучало достаточно дружелюбно.

«Слушай, дай мне пару минут. Я возьму ключ от кабинета, а ты пока поднимись на третий этаж - там, в конце коридора, увидишь табличку, жди меня там. Хорошо?»

«Да, конечно.» - я ответил без особого энтузиазма, но все же принялся выполнять его просьбу.

Помещение уж больно напоминало консерваторию, в которой мы репетировали в прежние времена. Дощатый пол, ряд больших окон, из которых в коридор пробивалось множество солнечных лучиков. Отсюда была хорошо видна лужайка и светлого цвета «Москвич», припаркованный возле входа, который обрамляли несколько больших каменных ступенек. Я осторожно прошел по дощатому полу в один конец коридора, думая о словах Игоря, говорившего о том что я пойму, но кажется ответ был там, где нужен. Деревянная табличка, с приклеенными на нее объемными буквами «Областной клуб любителей Рок-Музыки города...» - название города, было закрыто приклеенной сверху бумажкой с названием «Slayer». Должно быть, это было делом рук какого-нибудь фанатичного завсегдатая рок-клуба.

Игорь поднялся через несколько минут, сияя улыбкой и кивнув мне с привычной директору Дома Культуры вежливостью.

«Ну как тебе?» - он слегка покосился на табличку.

«Slayer я не слушал...» - ответил я слегка улыбнувшись.

«Да...знаешь, за последние три года, я столько всего переслушал.»

Он отпер дверь, и мы оказались в просторном помещении. Должно быть это было *déjà vu*, хотя оно, как нельзя лучше, напоминало мне помещение, в котором мы репетировали. Такой же рисунок на обоях, множество стульев, расставленных в самых разных местах. Большие окна, которые открывали хороший вид на нижний мир. Пешеходы, машины, привычное движение. Это все было таким новым, граничащим, с такими странными и непохожими чувствами, которые я испытывал. Война, через которую я прошел, мелькала в сознании мелкими картинками, как на старом фильмоскопе, который бабушка старательно пыталась настроить, показав мне картинку. У нее в запасе было несколько сказок, уже потрепанных временем. Я вспоминал как она брала отдельные кадры и засунув их в отверстие для пленки, давала мне прочесть отдельные фрагменты этой истории. Сейчас я чувствовал что-то похожее, когда закрывая глаза, видел картины войны. Мои военные башмаки, форма. И медаль. Мне дали ее за храбрость, во время прохождения особо опасного участка пути. Везде было полным-полно моджахедов, а я, с несколькими сослуживцами, вернулся забрать трупы убитых солдат. Это была черная работа, которую я не хотел делать. Мы кидали их трупы в грузовик, словно это был мусор, который мы убирали с футбольного поля, предоставляя его новым игрокам из свежее прибывших. Я не мог смотреть на эту медаль, которую после

отлета, мне на грудь приколол командир батальона – человек, который собственноручно вывез оттуда несколько килограммов наркотиков. Афганистан так и останется для меня клеткой, полной пороков разлагающихся трупов.

«Эй, ты как?» - рука Игоря с тяжестью легла мне на плечо.

«Что? Я в порядке.»

«Слушай. Ты просто выключился на пару минут. Застыл возле окна. Я тут тебя звал. Хотел рассказать, чем мы тут занимаемся. И показать кое-что...»

«Я весь во внимание..Прости, это все...»

«Я понял, можешь не объяснять.»

Он тут же обвел взглядом всю комнату, как бы показывая мне ее. А я, в свою очередь, начал чувствовать еще больше присутствие былых воспоминаний, витавших где-то здесь, среди нас. Барабанная установка стояла в конце комнаты, возле старого шкафа. На вид она была дорогой и достаточно хорошей. Несколько тарелок, еще не успевшими покрываться зеленоватым оттенком окисляющейся меди. Внизу, у самого основания, я увидел два больших барабана. Лева называл такой барабан «котел» - он находился у основания всей установки и держал два поменьше «томы». Но это было что-то необычное. Два барабана, две педали.

«Ух ты! Это что-то новое!» - мое восхищение было единственным, что я смог выдавить из себя, осматривая

комнату. Простенький стол и остальная привычная савдеповская мебель, контрастировали со всем остальным. По разные стороны комнаты, я успел разглядеть несколько массивных колонок, а также проигрыватель, занимавший свое место возле окна – в углу комнаты.

«Смотри, вот что я хотел тебе показать.» - Игорь легонько кивнул в сторону стены, находившейся слева от нас. На нее я не обратил внимание зайдя в комнату, хоть она была абсолютно голой. Хотя все же отдельные ее участки были завешаны различными плакатами и постерами с самыми разными исполнителями. Четверку KISS я знал еще с университетских времен. Тогда только-только начали появляться металлисты, в кожаных косухах и с множеством металла на самых разных частях тела. Я часто наблюдал за тем, как кто-то передавал альбомы этих четверых разрисованных чертены в перерывах или после пар, стоя в курилке филфака, где их бы никто не смог засечь. Iron Maiden были на следующем постере. Хотя не они привлекли меня. А лист бумаги, вставленный в обычную рамку, размера А4. Он был слегка выцветшим, с плохо различимым текстом и размытой картинкой, но все же подойдя ближе, я смог прочесть написанное на нем.

«Неврология» выпускает первый магнитоальбом. Советская панк-группа, единственная в своем роде, записывает свою первую и самую настоящую пластинку. Концертный альбом «КГБ», состоящий из ранних вещей коллектива, не может не обрадовать фанатов панка по всему миру. Яркий звук, рваные

аккорды, все те же пробивающие ударные...» - несомненно статья, которую я читал, была работой «Григория Г.» - Гриппа. Интересно, что с ним стало.

«Они теперь выпускают этот журнал широким тиражом. «Космос» за то время, что тебя не было стал достаточно известным. Да и Гриппа сам частенько ко мне заглядывает – просит пластинки послушать.»

«И что ты слушаешь?»

«Разное. Бывает ребята приносят какой-то альбом.» - с этими словами он подошел к небольшому комоду, на котором стоял проигрыватель и воспользовавшись своим ключом, открыл его. Наружу сразу показалась дюжина-другая пластинок, которые вскоре попали ко мне в руки. Такие знакомые ощущения. Бумажные конверты, вкладки, запах винила вскоре напомнил мне о былых временах. О том, как мы приходили на «ряды» искать что-то свое, что-то, что понравилось бы нам. И хоть я был уверен, что за три года мало что изменилось и ребята все также продают западную контрабанду, мой сдавленный голос сознания все равно говорил сам себе «Это время прошло». Я смотрел на обложки этих пластинок, читал названия групп и невольно задумывался обо всем этом. Они все были новыми для меня. Ни одну из них я не знал. Napalm Death, со странной, почти инфернальной обложкой, значили для меня ровно ничего. Похоже я так и остался в 1987 году, когда пластинка The Exploited, которых я теперь хорошо знал, была для нас чем-то невиданным и новым.

«Ну как тебе?»

«Не знаю...Я тут не одну группу не знаю.» - хотя, все же странная обложка меня заинтересовала. Черный фон, а на нем фотография надгробного памятника, в виде девушки с закрытым лицом. Каменное изваяние так и веяло смертью, что судя по всему было отображено на самой пластинке.

«А, Dead Can Dance!» - он слегка улыбнулся. «Я люблю эту пластинку. У тебя еще есть время?»

«Я думаю да...» - достав карманные часы, я посмотрел на них. Было около часа дня. Еще два или три часа до того, как Алиса закончит смену.

«Слушай, я могу позвонить?»

«Да, конечно. Спустись на первый этаж и попроси у Эммы Михайловны телефон. Скажи, что я разрешил. А я пока попробую тебя удивить.»

Через пару секунд я уже спускался по лестнице с прежним гулом стучащих по ступенькам каблуков. Игорь был прав, Эмма Михайловна действительно оказалась неплохой женщиной. Как только я озвучил его просьбу, она выставила телефон передо мной, после чего незамедлительно удалилась на улицу, посмотреть, как идут дела там.

«Справочная, добрый день!»

«Здравствуйте! Могу я услышать Алису?»

«Да, конечно. Подождите минутку.» - шевеление в трубке, после чего пауза.»

«Алло!»

«Привет, это я.»

«Привет» - необычайная мягкость в ее голосе, заставила меня вспомнить лицо любимой жены сегодня утром. Она, Ева и я. Наконец-то мы стали семьей. По крайней мере, я надеялся, что мы станем.

«Как дела?»

«Хорошо» - она слегка рассмеялась. «Оставила Еву у сестры. Может заберешь ее потом?»

«Хорошо, а где встретимся?»

«Давай дома...или хочешь, я подъеду к вам. Ты хоть увидишься со всеми.»

«Да, давай так...Все хорошо?»

«Да, вроде как да. А ты как? Как съездили?»

«Вроде хорошо...Не знаю...Странно это все как-то. Приехать сюда вот так, видеть все эти старые лица...»

«Ты справишься...» - голос моей жены звучал совсем как голос матери, которая подбадривала меня в детстве, когда я умудрялся подражать с одноклассниками. Я расстраивался и плакал, а лишь один ее голос по телефону, мог меня успокоить. Эта

железная нотка придавала уверенности и сразу заставляла меня-ребенка и эта нотка успокоила меня сейчас.

«Ладно, я пойду. Не буду тебя отвлекать...Я люблю тебя.»

«А я тебя.»

«А я тебя.» - продолжил я. Алиса тут же рассмеялась, после чего сказала:

«Иди уже!» - я с щелчком повесил трубку на староватый телефон. Эмма Михайловна похоже увидел, как я закончил разговор и поспешила на свое место.

«Какая жара стоит! Скоро лето придет, так все будем подыхать с нее!»

«Правду говорите.»

«Все хорошо?»

«Да, конечно. Спасибо за помощь с телефоном.» - она слегка кивнула головой и отмахнулась одной из рук, как бы говоря мне о том, что это совсем пустяк.

Когда я вернулся назад, на третий этаж здания, Игорь уже ждал меня с одной из пластинок в руках. Я не видел ее уже три года, но сам альбом остался таким, каким я его запомнил: желтая обложка, розовая надпись, черная надпись. Он слегка развернулся, демонстрируя мне одновременно сияющую улыбку и пластинку, которой похоже сам любовался до моего прихода.

«Я не видел ее уже пару лет...»

«Знаю. Когда тебя забрали я понял, что и ее скорее всего тоже заберут.»

«За нее меня и повязали.» - сказал я, после чего мы оба рассмеялись.

«Поставишь?» - сказал он, протягивая конверт.

На минутку я засомневался, после чего взял желтый конверт в руки. Гладкая обложка, хоть и немного потрепанная временем. По обыкновению, я вытащил внутренний конверт и взял плоский виниловый диск за краешек, погрузил пластинку на ее место – поместив отверстие точно на свое место. «Never Mind The Bollocks, Here's the Sex Pistols» – этот альбом я вспоминал больше всего, лежа под открытым небом и парящим солнцем. Он всплывал в памяти в виде мелодий, нот и строчек песен, которые я уже хорошо знал. Я учил их на слух, но все равно, в сознании, эта пластинка запомнилась точно такой, какой она была – альбомом, который заставлял меня почувствовать мурашки на коже, вздрогнуть и замереть в оцепенении.

Вскоре, я все же погрузил иглу на басовую канавку и услышал такой знакомый виниловый шум. Игорь принялся возиться с колонками, ставя громкость на эдакий средний минимум, а я, тем временем, сел на свободный стул, стоящий напротив простенького столика, заваленного множественным собранием винила и принялся слушать такие знакомые звуки. Это было

как в самый первый раз – когда мозг выключился на несколько часов, а все, что мы могли делать, это лишь слушать этот альбом думая «О, Боже! Это круто!» - и в процессе подбирать более достойные синонимы к слову «круто».

Включился я уже через несколько часов, когда осознание того, где я и кто я, пришло ко мне. Резкий звук проезжающей мимо нас машины, взрыв снаряда перед моими глазами. Афганистан мелькал в сознании, как старая киноплёнка, порезанная на куски, которую вставляли в фильмоскоп, кадр за кадром, давая мне – единственному зрителю, время подумать.

«Эй. У тебя как, все в порядке? Ты за час ни слова не сказал. »

«Не знаю. После Афгана, я порой выключаюсь сам по себе. Знаешь, как если тебя кто-то выключает. О чем мы говорили?»

«Ты не помнишь?» - спросил он слегка усмехаясь.

«Прости, это все...»

«Да нет, я понял.» - прервал он меня, затем продолжил «Не страшно. Я хотел попросить тебя об услуге, но решил, что ты не согласишься мне помочь. Ты молчал все это время. Что-то бубнил себе под нос. Наверное, не стоило мне ставить ту пластинку «Пистолз».

«Так о чем ты хотел попросить меня?» - мы как раз встали на светофоре, когда черед людей переходила дорогу, ожидающему потоку машин.

«Слушай, я пойму, если ты откажешься.»

«Игорь...говори уже.»

«Давай запишем альбом.»

Его просьба в один момент поставила меня в тупик. Мысли о нашей группе не тревожили меня уже долгое время. Это было время, которое уже прошло, которое было уже не вернуть. Теперь у меня на руках был ребенок, а рядом стояла жена, которых я любил больше всего на свете.

«Я понимаю, что ты откажешься, но послушай меня. Помнишь, когда мы только начали играть. Помнишь, как ты взял ту старую бас-гитару и просто наигрывал. Тогда мы не думали о том, что когда-нибудь сможем играть как они.» - он сделал паузу, давая мне выдержать, а я, тем временем, лишь наблюдал за тем, как движение возобновляется, а наш «Москвич», набирая скорость, проезжал длинный участок пути, в районе хлебозавода. Не отвлекаясь от дороги, Игорь продолжил наш разговор, прикинув то, что ехать нам было еще минут пятнадцать, так что в такой ситуации я буду просто обязан его выслушать.

«...Пока тебя не было, я пробовал заняться этим всем. Помнишь, как Петренко записал наш концерт. Ты же прочел ту статью?»

«Да, Игорь, конечно.»

«Когда ты пропал...Мы решили своими силами издать его на ленте. И звук получился потрясающим. Хотя не знаю, может это мне так казалось. В любом случае, тогда отец поставил мне условие – найти работу. Он устроил меня в филармонию разнорабочим. Я и начал там работать. Сначала осветителем. Достаточно легкая работа – стоишь себе, смотришь на зал. Включаешь свет, когда нужно, выключаешь. Короче ничего сложного. Он потом похоже понял, что это слишком просто для меня и пристроил меня помощником звуковика, там то я понял, чем хочу заниматься. Ничего сложного, просто сидишь за пультом, контролируешь громкость и все оборудование в целом. Когда я только сел туда, я понял, что хочу этим заниматься. Понимаешь? Я понимаю, что нам никогда не стать такими как «Пистолз», ну а что если у нас есть возможность? Давай, в конце концов, запишем эту пластинку для себя, а потом сложим ее в коробку и пусть она там и лежит. Не будем давать концертов, не будем опять играть на публику. Просто будем группой, как раньше. Что скажешь, Алекс?»

«Знаешь, когда я согласился отправиться в Афганистан, я не думал, что вернусь сюда. Шанс конечно был, но он был мал. Мне дали выбор. Два варианта, из которых один мог вытащить меня от уда, где я был, и отправить домой в ящике с надписью: «Груз 200», а второй – остаться где я был, и умереть там. Я выбрал первый вариант, потому что хотел увидеть жену и дочь...ну и всех вас конечно. Я рад, что у тебя все хорошо, но – а что если и мне нужно подумать о себе? Ведь, когда мы играли все те песни, никто не думал о последствиях.»

«Я понимаю, но подумай об этом...к тому же, я все равно хотел предложить тебе должность заведующего рок-клубом...»

«Что?»

Игорь в ответ на мой вопрос лишь улыбался во все зубы. «Вообще я не хотел говорить тебе пока. Ну да ладно...Тебе же все равно нужна работа.»

«Не знаю...я хотел попросить Семена помочь мне с этим.»

«Ой, брось. Я все равно работаю в ДК на две ставки. А так, ты будешь там всем заведовать.»

«И чем я буду заниматься?»

«В основном мы организовываем разные концерты. Самодеятельность, как понимаешь. Временами организовываем какие-то концерты. По сути – это то, чем мы занимались ранее, только теперь мы делаем это законно.»

«Ясно. У вас есть право это все делать?»

«Да, конечно. Правда для всех – мы слушаем там Высоцкого и Машину Времени, а не «Пистолз» или что-нибудь эдакое. Хотя KISS, все еще вызывают недовольство, но уже не такое.»

«Мда...как-то все резко поменялось.»

«Скорее это все мы поменялись...»

«Знаешь, это все вроде как смотришь на красивую девушку. Она каждый день меняет костюм. Сначала один, потом другой,

потом она в ярком платье. И каждый день она смотрится поразному. Но внутри то она все такая же. Может маленькая девочка, считающая себя взрослой, а может еще кто-нибудь похуже...»

Он ничего не ответил на мое утверждение. Легкий кивок, говорящий о том, что он все еще присутствует рядом со мной и думает над моими словами, также, как я думал над его.

«Да и потом...у нас же нет барабанщика...» - начал я рассуждать вслух.

«Да это не проблема. Я думаю смогу найти кого-нибудь.»

«Не знаю...я бы предпочел делать все вместе слевой. Ведь, в конце-концов – Неврология — это тоже он.»

«Мда...Жаль Зельцына нет рядом...он ведь придумал название.»

Последующие несколько минут, мы провели, делясь воспоминаниями друг с другом. Теперь это больше походило на встречу двух друзей «А помнишь, как мы...» - мы вспоминали первые концерты, наши походы на «ряды», где мы, копавшись целый день, наконец-то находили что-то стоящее, все это веселье, общность и нашу дружбу. Выставка Зельцына была самым ярким воспоминанием тех лет. Возможно потому что в тот год мы дали наши первые концерты, или же потому что я встретил Алису.

Дорога, по которой мы ехали, казалось как никогда гладкой и чистой. Машин было мало, хоть мы и ехали в час пик, так что

через несколько минут, мы с поднятым духом проехали школу и завернули вниз по улице, где новостройки постепенно начали разбавляться старенькими домами. Эти обветшалые памятники прошлого, выглядели как никогда покинутыми, хоть и остались такими же, как в моих воспоминаниях. Похоже здесь ничего не изменилось. Крыльцо Дома осталось таким же, разве что теперь сквозь металлическую решетку просматривалась уже знакомая мне коляска. Выйдя из машины, я устремился в это место, которое уже давно называл своим домом. Да, мой дом был там, где мы сейчас жили, там, где я родился, где вырос, где облазил каждый угол и знал его наверняка, но я с теплотой вспоминал жизнь в этом месте. Наши с Алисой вечера, когда она лежала, свернувшись и раскидав свои белокурые локоны у меня на груди. Все здесь напоминало мне об этом времени. От ступенек, по которым я теперь поднимался, вспоминая тот самый вечер, когда она обернувшись, увидела меня, до людей, образы которых мелькали у меня перед глазами. За те несколько лет, что меня не было, стена дома покрылась еще большим количеством надписей, рисунков и прочих свидетельств побывавших здесь людей. Они были самыми разными. От солнечного человека, с пачификом на животе, до множества надписей на русском, которые своим черным прифтом закрывали красочные надписи «Love & Piece». “Неврология», «Алекс!», «Я родился в СССР» - я видел строчки наших песен, из названия, написанные здесь. Все это невольно заставило оглянуться назад – на Игоря, который все еще стоял возле «Москвича», глядя на меня из-под своих очков. Легкая улыбка подбодрила меня и заставила дойти до конца ступенек,

где находилось несколько человек. Заря. Как всегда босиком, как всегда с длинными, свисающими волосами. Рядом с ней стояла малышка Ева, держащая в руках маленькую игрушку.

«Папа!» - тут же сказала она. Слово прозвучало как серенада для моих ушей, заставив почувствовать себя значимым. Заря тут же повернулась ко мне и показала свою широкую улыбку. Она была все такой же, практически не изменилась, как собственно все это место. На крыльце все также стояло плетеное кресло и старый диванчик. Разве что теперь он был накрыт одеялом, состоящим из состроченных вместе кусков разной ткани. «Привет, Алекс!»

«Привет, Кэт! Я соскучился!»

Она подошла ко мне, и привстав на цыпочки обняла, как и в нашу первую встречу - со всей своей любовью и добротой, которой она сияла, подобно солнцу.

«Ну как у вас дела?»

«Ничего. Провожу время с племянницей.» - Кэт не нравилось быть «тетей» для Алисы. Все эти обращения на «вы» они давно свели на нет, называя друг-друга на просто на «ты». С появлением Евы, похоже ее жизнь изменилась. Во всяком случае так я думал.

«Как я давно тебя не видела!»

«Да...ты права. Давно это было...Последний раз мы виделись кажется...»

«На вокзале. Когда вы уезжали в тур.»

«Да, помню.» - сказал я улыбаясь. Я и вправду помнил. Мы отбывали на электричке, по запланированному художниками маршруту. Я, Алиса, Петренко, Игорь, Лева. Лишь Кэт и Зельцын стояли на перроне, провожая нас дружественными взглядами, дорогих нам людей. Это был последний раз, когда я видел Зарю и последний раз, когда видел Зельцына. Еще долго эта картина стояла в сознании, каждый раз как я вспоминал старого друга. Его легкий, неряшливый вид, легкую бородку, которая отросла у художника на лице. Я не помнил точно почему он решил не ехать с нами, но сейчас его не было рядом, и я тосковал по старому другу.

Дочка тем временем подошла ко мне, протянув одну из своих игрушек – куклу-матрешку небольшого размера. Нагнувшись, я взял ее в руки и продолжил говорить с Зарей.

«Как дела вообще? Где супруг?»

«Да он на кухне. Курит. Я запретила ему делать это здесь – все-таки племяшка рядом.»

«Ясно. Ну а сама ты как?»

«Да нормально. Не жалуясь. Рада тебя видеть кстати.»

«Спасибо, Кэт. Давно меня не называли «Алексом» - сказал я, улыбнувшись.

«Почему, Алекс?» - она рассмеялась. Обращение этой девушки звучало как изысканный комплимент, которого я не слышал уж

очень долго. Меня перестали называть так после того, как отправили в психушку, так что во время концертов я сам объявлял себя «и вокалист группы – Алекс Новак», пытаясь повторить интонацию Зельцына, с которой он обращался к зрителям на самом первом нашем концерте.

«А мы тут играем...Знаешь, твоей дочери очень нравится домино.»

«Домино?»

«Ага. Посмотри.»

Внизу, на том месте, над которым они склонились, ожидая нашего прихода, лежала целая стопка мелких доминошек. Они были сложены достаточно странным образом. Некоторые лежали горизонтально, одна на другой, другие стояли вертикально, образуя различные непонятные мне конструкции.

«И что это?»

«Это наш дом.» - ответила мне дочка.

«Мы строим Дом Художников.» - тут же дополнила ее Заря.

«Да.» - Ева похоже была рада провести время с тетей, по крайней мере, довольными выглядели они обе. Пока мы ненавязчиво болтали, Игорь выбросил бычок, который курил в стороне от дома и поднялся к нам, отстукивая мелодию на ступеньках.

«Привет, Ева!»

«Дядя Игорь! Привет!»

«Хорошая девочка.» - шепнула Заря мне на ухо. Я держал Еву на своих руках, ощущая вес ребенка, чувствуя ее дыхание. А она тем временем подняла голову и смотрела на меня, детально изучая мое лицо, как будто я был стихом, сотканным из множества заковыристых строчек, которые ей предстояло запомнить.

«Так где там твой муж?»

«Слушайте, пойдемте в дом, наверное. Похоже он как всегда, в своих мыслях сидит на кухне.»

Заря закрыла калитку дома, после чего принялась складывать домино в плоскую пластмассовую коробку. Еве похоже было все равно, на то, что мы делаем, хоть временами она отрывала взгляд от меня, переводя его на Игоря или свою тетю.

«А когда мама придет?»

«Мама сейчас на работе, солнышко. Она скоро придет. Через часик.» - ответил я ей. «Все хорошо?»

«Да, хорошо.» - сказала она своим тоненьким детским голоском.

Как только Заря закончила с уборкой, мы зашли в дом, а я, несший дочку на своих руках, вновь погрузился в пучину своих воспоминаний. Я, расхаживающий по дому в очках-кругляшках и своей почти-фирменной рубашке. В которой периодически представал перед нашими зрителями. Мой имидж был во

многим отображением той музыки, которую мы играли. Она была грязная, не слишком красивая для многих, но это было то, что мы любили больше всего. Интересно – слышала ли Ева мои песни? Знала ли она кто я такой? И как ей все объясняли в мое отсутствие? Я корил себя за эти три года. Чувства детства, грустная боль от фразы матери «папа ушел и больше он не вернется» - неужели она испытывала все тоже, что и я. Хотя я сам надеялся стать лучшим отцом, чем мой был для меня. Воспоминания о нем все же стерлись в голове, как старый карандашный эскиз, который кто-то силой затер ластиком, но все же они проскакивали в голове. Я не думал о том, как давно это было, впечатления от пережитого в Афганистане затмили все плохое, что со мной приключилось – плохого отца, который только и делал, что избивал меня, неудачи в школе, первые серьезные отношения и их конец. Я всегда думал об этом, как о самых плохих вещах, которые со мной приключались, пока не увидел все то, что заставляло меня содрогаться, лишь от одной мысли. Свист падающего снаряда, звук нового боекомплекта, который я вставлял в автомат, то как в меня первый раз выстрелили, попав в бронежилет, и наконец, та самая маленькая афганская девочка, которую я убил. Она шла к нам, вся в слезах, буквально захлебывалась от них, а мы лишь стояли на дороге, в смятении от перестрелки, возникшей благодаря стараниям моджахедов. Слезы обрамляли ее лицо, стекая и выступая в виде темных капелек на пыльной дороге. Я не сразу понял зачем она идет к нам, пока не заметил несколько проводов, свисающих по ее голой руке. Чертовы исламисты! Они заставили меня выстрелить. Я поднял автомат и принялся кричать ей. Я кричал так сильно, как только мог. «Стой! Стоять!

Я выстрелю!» - она не слушала меня. Она знала, что идет на смерть, а я не знал, как ее остановить. Щелкнув предохранителем, я направил автомат на нее и нажал на курок. «Дикий» - так меня называли все. Моджахеды убивали маленьких детей, грабили дома, убивали советских солдат, а я защищал их. Я не мог жить с мыслью о том, что детоубийцы бродят где-то там живые. Наверное, бабушка не одобрила бы мой выбор, хотя...она сама знала ребят из «Молодой гвардии», кого-то из них она учила. Она часто рассказывала об этом в детстве, сидя в маленькой беседке у себя в саду. А я вспоминал об этом, после того как выстрелил. Что она сказала бы мне, узнав о моем поступке? Я убил ребенка, выстрелил в это маленькое тельце. Все это казалось целой вечностью, но на деле прошло лишь несколько секунд. Три выстрела, откинувших маленькое тельце на пол метра, а затем и мой крик. Всех присутствующих парализовала эта картина. Они отволокли меня в сторону, а сами изучили труп убитой девочки. Чертовы партизаны! Они прикрепили к ее телу несколько килограммов взрывчатки, надеясь, что она уничтожит на всех! Все это из-за горы трупов, которых они сами и расстреляли! За это мне и дали медаль – за убийство ребенка. Как только мне прицепили ее на форму, она сразу же начала жечь то место, где висела – прямо возле сердца, прямо там, куда попала одна из моих пуль, выпущенных в ребенка. Медаль я выкинул сразу же в поезде, надеясь на то, что никогда не смогу вспомнить о ней и об этом случае. Хотя эти воспоминания всегда будут мучить меня, также сильно, как ее лицо, являющееся мне во снах. Один взгляд на Еву, напоминал мне об этой девочке, лицо которой все еще стояло перед глазами. Я видел ее светлые глаза, темные волосы, слышал ее

сопение и то, как ее слезы падали на землю. Я надеялся оставить это позади, как ту часть жизни, которая медленно убивала меня. Наверное, и Зельцын сейчас вспоминает свою жизнь в СССР и рассказывает о ней как он несчастном времени в своей жизни. Возможно даже сейчас он вспоминает нас, его лучших друзей, которых я надеюсь он все же не забыл.

«Папа, все хорошо?»

«Видишь, уже даже твоя дочка спрашивает тебя об этом.» - сказал Игорь, слегка рассмеявшись. Зарю похоже заинтересовал наш разговор, и она тут же добавила: «А что такое?»

«Он сегодня уже пару раз выключался. Я что-то говорю, он кивает, сам что-то себе под нос бормочет...Ну это все...»

«Я поняла.» - она подвела точку. «Алекс, дай-ка мне племянницу.»

Ева начинала вертеться у меня на руках, в то время как я смотрел на разрисованную стену в коридоре. Помню как когда мы только пришли сюда, в самый первый раз - она была белой. Похоже художникам наскучил этот дизайн, так они украсили его длинным рисунком. Слово «Love» тянулось через всю стену, сопровождаемое различными цветными облочками и соответствующими рисунками. Все вместе это напоминало картинку из «Битловской» «желтой подводной лодки».

«Ну так что ты, идешь?» - Кэт к тому моменту уже держала племянницу за ручку и смотрела, как ребенок делает

неторопливые шаги. Она ступала мягко, осторожно, оглядываясь и смотря на меня. Я изо всех сил думал о том, что она не знала меня достаточно хорошо и уже похоже успела привязаться.

Дойдя до ступенек, ведущих в кухню, Заря продолжила прерванный диалог с племянницей:

«Ну а сейчас полетим, дорогая. Ты готова?»

«Я готова!» - решительно ответила девочка. Вся эта картина невольно заставила меня прослезиться. Мы с Игорем стояли невольно и смотрели как Заря, с присущей ей инфантильностью, поднимала Еву ступеньку за ступенькой, держа девочку за руки. Она была хорошей тетей, безусловно Ева была рада проводить время с ней. Она смеялась и смотрела вверх – там, где колыхались темные волосы, свисавшие почти до самой талии Кэт. Как только мы поднялись наверх, меня опять захлыстнули воспоминания. Я старался отместить их, и находится в этой реальности. Дочка тем временем радовалась моему присутствию еще больше. Она оборачивалась и с легким, смехом, который бывает только у маленьких детей, говорила: «Папа! Папа! Посмотри! Я лечу!» - Заря уже давно прошла участок пути на кухню, со ступеньками. Но по-прежнему взяв ребенка за ручки, поднимала Еву от земли, давая племяннице почувствовать себя свободной.

Петренко сидел там же где всегда. Длинные волосы, сигарета в руке. Я не видел его лица, но как только мы зашли на кухню, он сразу же повернулся и устремился ко мне.

«Привет, старик!» - сильные объятия, какие бывают только у старых друзей дали мне почувствовать себя дома. Эти люди не были моими родственниками. В каком-то смысле мы даже не были друзьями. Но за тот год, что мне довелось жить с ними, они стали моей семьей и были ей и сейчас.

«Рад тебя видеть!» - сказал я ему, отпуская свои объятия. Он стоял и смотрел на меня, все такой же, как и три года назад. Разве что фирменные усы исчезли, выделив его орлиный нос.

«Ты побрился?»

«Да.» - он рассмеялся, затем оглянувшись и взглянув на маленькое существо, сидящее у Зари на руках, тут же опомнился. Он подошел к открытому окну и притушив окурочок о подоконник, выбросил его окно, после чего слегка помахал рукой перед лицом, как бы давая дыму рассредоточиться по комнате. Кэт тем временем что-то готовила на привычной мне кухонной плите.

«Как ты?»

«Да вроде нормально...»

«Ты ему уже сказал?» - спросил Петренко у Игоря.

«О Сене? Да, сказал.»

«Мда...Даже не верю, что Зельцын такое вычудил...» - я и вправду был поражен этой новостью. Но так или иначе, Зельцын выполнил мою просьбу – позаботился об Алисе, до того, как она родила, а после решил устроить свою жизнь. Я не

винил его за такое исчезновение. Это был его выбор. Ведь как он сам когда-то сказал: «Каждый выбирает свою дорогу». Через несколько минут, манная каша, которую готовила Кэт для моей дочери, была готова, и усадив ее на колени, я ложка за ложкой кормил ее. Было странно и страшно это делать, ведь прежде я не делал ничего подобного. Она сидела у меня на коленках и широко раскрывала рот, когда я подносил ложку к нему.

«Она любит манку.» - сказал мне Заря.

«Да?»

«Ага. У нас тут как-то отключили газ на целый день. Ремонтные работы, все такое. В итоге бегали к соседям – через дорогу, разогреть кашу для Евы.»

«Так чем ты планируешь заняться?» - спросил меня Петренко.

«Я? Не знаю. Игорь мне тут отчаянно предлагает одну работку...а я даже не знаю...»

«Да ладно тебе. Работа же не пыльная.» - ответил он мне, затем продолжил, обращаясь к супругам: «Я предложил ему записать альбом. А он все равно думает...»

Повисло неловкое молчание. Лишь звук соприкасающихся с ложкой зубов, нарушал ее. Видимо Игорь ожидал поддержки от ребят, но Петренко и Заря молчали, уткнув глаза в пол.

«...ну я к тому, чтобы записать альбом только для нас. Попробовать что мы можем...Алекс, у тебя же должны были сохраниться какие-то тексты.»

Усадив малышку Еву рядом с собой, я полез во внутренний карман пиджака и извлек блокнот. Глаза Зари сразу же загорелись. Она была удивлена. Наверное, в этот момент, мне нужно было что-то сказать, но я лишь подтолкнул блокнот ближе к Игорю и Кэт, сидевшими друг напротив друга.

«Ты будешь еще кашки?»

«Нет, папа. Я наелась.» - девочка перевела взгляд на всех присутствующих. Кэт, которая уже сидела, листая мой старенький, уже потрепанный ежедневник. Тонкий пальцы, украшенные множеством различных колец, аккуратно перелистывали помятые и потрепанные временем страницы. За все это время, ежедневник как следует потрепался, разорвавшись посередине. Но Зарю это не трогало, она лишь сидела молча, читая все то, что я там написал. Все, что случилось в Афганистане. Временами там, сидя под солнцем я открывал его и что-то записывал. Это была своего рода исповедь, попытка снять груз с души, который висел у меня на шее, все сильнее притягивая тело к земле.

«Что там?» - Игорь лишь спросил ее, аккуратно, пытаясь продолжить прерванный разговор. А Петренко тем делом подошел к Заре, в попытке уловить строчку или отдельные слова у нее за спиной. Они сидели так наверное около двадцати минут — я старался не считать минуты, хоть

карманные часы, болтались в кармане старых джинсов, давая мне понять о том, что я без труда мог бы достать их и посчитать минуты, прикинуть, сколько же не было рядом моей жены. Ева тем временем постепенно заскучала. Наши взрослые дела, это молчание, смогли успокоить мою активную дочку, так-что теперь она легла на меня, положив голову на одну из моих ног. Белокурые волосы девочки, как всегда были распущенны, они раскинулись на моих джинсах, рисуя странный узор. Должно быть это Кэт приучила ее не завязывать волосы.

«Слушай...это просто...» - поднеся руку к своему лицу, она смотрела на меня. Она, Петренко, Игорь обернувшись широко раскрыл глаза, показав мне свой обеспокоенный взгляд. Я не говорил им о том, что там произошло, но похоже лишь прочитав несколько изорванных страниц, мои друзья поняли о всем том ужасе, который мы там испытали. Десятки солдат вместе со мной, попавшие в этот ужас, посреди пустыни.

«Ты просто обязан об этом рассказать...» - слезы стекали по ее лицу, заставляя меня вспомнить ту самую маленькую девочку, имени которой я не знал. В конце концов, я перестал так часто думать о ней. А ее лицо, являющееся в кошмарах, вскоре исчезло из них, правда осталось в реальности. Всякий раз глядя на Еву, на ее миловидные черты лица, выразительные глаза, я вспоминал этого ребенка, которого не стало благодаря мне. Может и не стоило этого делать? Может стоило умереть вместе с ней и не брать на себя грех убийства? Эта мысль не отпускала меня еще долгое время. Хотя все же я согласился на предложенную Игорем работу. Дочка постоянно проводила

время со мной, на третьем этаже, в просторном кабинете в конце коридора, а я потихоньку вспоминал как играть. Старенькая бас-гитара, подобная той, на которой я играл три года назад, каждый день испытывала на себе тяжесть моих экспериментов. Как только игла проигрывателя касалась той самой пластинки, я начинал тарабанить по струнам, чем привлекал внимание дочери. Казалось, что ей был чужд громкий звук или неприятные аккорды. Вместе со мной, Ева отстукивала такт песен, громко топая или же совсем подпрыгивая, радуясь тому, что хоть как-то смогла мне помочь. Продолжая наигрывать аккорды, я поворачивался к ней, смеясь и смотря на то, как девочка изображает невидимую гитару, подражая мне. Ее белокурые волосы все еще были растрепаны, напоминая мне Алису. Они были так похожи, хоть временами казались совершенно разными. Вскоре я согласился и на второе предложение Игоря, и мы начали запись альбома. Ничего сверх сложного. Просто в какой-то момент я попросил показать его как все работает и начал запись самостоятельно. Я сидел в своем кабинете, среди множества колонок, пластинок и легенд рок-музыки, смотрящих на меня со всех сторон и представлял, что за барабанной установкой, как и раньше, сидит Лева, который смотря на меня кивками, «отбивает» ритм, который выходил из моей головы в виде глухого звука четырех струн, который распространялся по всей комнате, заставляя мою дочь отвлекаться от разбросанных на полу игрушек и обратить внимание на «того самого Алекса Новака», как меня когда-то представлял Зельцын парочке ребят, пришедших на наш концерт. Я думал о них, исполняя все то, что я написал за три года. Афганистан, мое заключение, это все вылилось в

тридцать песен, которые мы с Игорем записали за пару месяцев. А потом был звонок. Я хорошо помнил этот день. Была ночь. И вдруг зазвонил телефон. Сквозь еще не сошедшую пелену сна, навеянную крепкими объятиями Морфея я слышал звук телефона, доносящийся с кухни. Мы с Алисой не часто им пользовались. Разве что по субботам, когда мы с Евой оставались дома, я бывало звонил жене, чтобы поболтать пару минут во время ее обеденного перерыва. А Ева, выхватывая у меня трубку чтобы сказать пару слов матери. Алиса вдруг проснулась и сквозь сон посмотрела на меня своими глазами. Их цвет и глубину я различал даже в темноте, лишь с одним, приглушенным светом уличного фонаря, я мог видеть ее лицо так, будто это было днем. Тонкие губы, маленький нос – наверное его унаследовала Ева, вместе со всей миловидной внешностью своей матери.

«Это что, телефон?»

«Похоже на то...Пойду возьму трубку.»
Хоть звук звонка разбудил нас обоих, я все еще боялся разбудить дочь, надеясь на то, что ребенок лежит во сне, хотя к сожалению, я ошибся. Ева к тому моменту уже проснулась и наблюдала за моими движениями.

«Папа, это что?» - спросила она меня шепотом. Тоненький голосок, будто боялся обидеть кого-то.

«Это телефон, дорогая.»

«Что-то случилось?»

«Я пойду, отвечу на звонок, а ты сиди здесь, хорошо.»

«Да, папа.» - Да, папа. Она всегда была послушным ребенком. Такая же спокойная, каким был я в ее возрасте. Я надеялся, что эта ее черта сохранится и в будущем, хоть временами ее заряд энергии и усиливался, как во время наших совместных репетиций.

Оставив дочь со своими размышлениями, я подошел к телефону. Его мы держали на самой верхушке холодильника, после того как Ева по ошибке набрала номер скорой помощи, когда по собственному утверждению «хотела позвонить матери». Я подумал о том, что это могло закончиться чем-то плохим, поэтому решил немного ограничить ребенка. Конечно она только познавала мир, со мной в компании. И как отец, я повел себя по-свински, хоть Алиса так и не считала. Тогда же Петренко дал ей старый телефон, который нашел в доме художников, в одночасье сделав Еву самым счастливым ребенком. Она веселилась, беря трубку и говоря сама с собой, рассказывая воображаемому слушателю забавные истории, которые сама придумывала. В такие моменты я невольно вспоминал себя – был ли я таким же? Хотя конечно же был, ведь все мы когда-то были детьми.

Сняв трубку, я услышал несколько щелчков, звук на другом конце провода был слегка приглушен и сопровождался легким шумом, но все же он шел.

«Алло! Кто это? Что случилось?»

«Привет, Алекс!» - черт! Этот голос я узнаю из тысячи!

«Зельцын! Сенья! Да ладно?!»

«В порядке. Как сам?»

«Да вот...пару месяцев работаю тут...»

«Знаю...Петренко мне все рассказал...»

«Вы общаетесь?» - это было для меня новостью. Я знал, что среди наших знакомых, никто не знал точно где Зельцын и чем занимается, хотя теперь все стало на свои места.

«Да, немного. Но сейчас не об этом. Как там жена, дочь?»

«Алиса в порядке, Ева тоже.» - прежняя сонливость начала отходить от меня, давая рассудку больше простора для действий.

«Почему так поздно? Ты сейчас где?»

«В Берлине....Алекс...Стена рухнула. Мы теперь в другой стране!» - он выдержал долгую паузу, будто бы давая мне вспомнить о каком Берлине идет речь, затем добавил в присущей ему манере: «Приезжай сюда!»

- 200...-

«Итак, ребята, как ваши дела?» - Дитмар как обычно обращался ко всем, сидевшим в привычном кругу на двадцать мест. Как всегда, заряженный энергией и несколькими чашками обжигающего языка кофе, он уселся за пустой стул, замыкая проигрышную комбинацию Блек-Джека и начал обводить всех взглядом, отмечая присутствующих в своем «листе сдачи».

«Итак, ребята, сегодня я хотел бы немного разнообразить наши будни. Сегодня я принес с собой вот такой простенький мячик.» - он тут же показал маленький желтый мячик в руке. Обычная детская игрушка в один момент стала центром всего внимания присутствующих. Повертев его в руке, высоко поднятой над головой, он вскоре продолжил: «Пришлось отобрать его у сына...» - сказал он, после чего все дружно залились хохотом. Дитмар был смешным, а еще нравился всем присутствующим, хоть и казался чересчур старомодным. Очки-хамелеоны и закос под 80-е, не делали его ближе к публике, но все же добавляли нужной атмосферы к этому излучающему радость немцу.

«Сегодня я хотел бы немного разнообразить наши «скучные серые будни». Поэтому мы с вами сейчас поиграем. Сейчас я передам этот мячик одному из вас. Человек поймавший его, должен будет рассказать о том, что гложет его. Необязательно говорить много. Это может быть какая-то мысль, или всего пара предложений – решать вам. Вы можете рассказать о себе, немного больше чем мы все знаем. Рассказать о вашей «проблеме». – Слово «проблема», часто мелькало из уст немца.

В большинстве случаев оно звучало нейтрально и корректно, как и все, что он делал. Этому сопутствовали правила, установленные в заведении. А также, те шаги, которые его подопечные изучали. Часто, все же, это было основательно, вроде правила номер три, которое запрещало называть название «вашего наркотика». Формулировка могла включать в себя название одного или нескольких веществ, которые вы употребляли. Но как и в большинстве случаев, у всех правил было свое обоснование. В начале работы с новыми людьми, Дитмар рассказывал о каждом из правил, которое хором повторяли остальные. «Наверное, чтобы создать чувство сплоченности, хотя оно действительно присутствовало.» - но сейчас мысли Евы были заняты другим. Она вспоминала, как немец, подняв указку, водил ей по пунктам, которые были отображены в своде правил. Пункт три служил эдаким предостережением, ведь по словам самого Дитмара: «Лишь один раз упомянув «ваш наркотик» вы можете отбросить остальных на несколько шагов назад.» - памятка звучала в голове так, словно он сказал ее всего лишь несколько секунд назад, после чего, как и в первый раз, сделал паузу, давая ребятам обдумать свои слова. Шаги. Их лечение шло по программе шагов, хоть сопровождалось и различными сторонними вещами, вроде мыслительной деятельности, которую Ева испытывала, играя в шахматы с другом из соседней палаты. И добротной дозы кофе и всяких сладостей, как всегда разложенных на столе. Ева не особо любила, есть сладкое, но в последнее время пристрастилась к кофе. Она добавляла в бурящийся отвар три, а то и четыре ложки сахара, которые заряжали ее организм на целый день. По крайней

мере, так она это себе объясняла. Остальные похоже также следовали этому принципу. Практически у каждого из сидящих в круге, виднелась белая чашка, с поднимающимся из нее горячим воздухом. Дитмар тоже пил его, разве что свою он поставил на пол, возле пластикового стула, где уже лежали ручка и его список пациентов, которых он по обыкновению отмечал среди присутствующих. Бывало, что кто-то не являлся по собственному желанию. Все понимали это, и никто не противился этому факту. В таком случае, к больному посылали психолога, для индивидуальной беседы. У Евы это был Дитмар. Бросив случайный взгляд на девушку, немец словно дал знать ей о том, что все помнит. О том, как она рыдала, не веря в смерть матери, о том, как однажды с криками набросилась на него, расцарапав парню лицо. Он не злился на нее, наоборот, он понимал ее достаточно хорошо, чтобы этого не делать. Лишь кроткая улыбка, изредка появляющаяся на лице немца, давала девушке знать о том, что все в порядке. Она так и говорила об этом, хоть из его уст, Ева не слышала ничего подобного.

«Ну что ж, друзья, начнем?» - все одобрительно закивали.

«Ну ладно...» - Дитмар тут же взял мяч в обе руки и принялся крутить его, зажав между ладоней. Вскоре немец встал, и слегка покачиваясь, вышел в центр круга, который растянулся в диаметре десяти или пятнадцати метров вокруг него. В этом круге находились самые разные люди, которых девушка видела каждый день. Они встречались в столовой, сидели за одним и тем же продолговатым столиком, болтая о всяком. Подобные

моменты, это общение и вся их привычная деятельность, сильно напоминали девушке старый фильм – «Пролетая над гнездом кукушки». Книгу Ева конечно тоже читала, хотя она прочла ее уже гораздо позже, лишив сознание необходимого для воображения простора. Теперь все персонажи повести неизменно виделись ей как герои из фильма, вроде Джека Николсона, которого она помнила из «Бэтмена». Хотя, в отличие от первого, она не видела никакого сходства в жизни супергероя со своими собственными буднями. Утром они вставали в одно и то же время, и после привычного завтрака, сразу же начинали свои обсуждения, сидя в круге, подобно тому, который нарисовался в «комнате для обсуждений» сегодня. Так Дитмар называл спортзал, в котором выставлял стулья и взяв свой отчетный лист, принимался общаться со своими подопечными. Их общение было регулярным, как зарядка утром, после чего немец убирал все стулья в небольшую кладовку, вделанную в стену, давая желающим возможность побросать баскетбольный мяч в корзину, или же переодевшись в форму, пробежать пару кругов по деревянному полу спортзала. Сейчас он сам выпагивал по нему, в раздумьях, кому же передать мяч, который крутил в руках. А двадцать человек, сидевших вокруг, внезапно напряглись предстоящей им перспективе поймать игрушку и рассказывать о себе. Скрестив руки на груди, в своей привычной позе, которую Дитмар называл «закрытой», Ева напряженно думала над тем, что скажет окружающим. Она старалась подумать об этом заранее, потому что боялась выглядеть сконфуженной в глазах всех присутствующих. Они не столько волновали ее, сколько слова,

вертевшиеся у нее на языке. «Что я им скажу?». Идеальным вариантом для девушки казалась перспектива продумать свой ответ заранее, и сказав его самой себе, в рамках сознания, убедиться в том, что слова звучат не так уж дурачки. Что этот ее проект имеет презентабельный вид. Подобные выражения часто использовала преподаватель Евы- фрау Нёллер. Она была умной женщиной, во многом умной. Периодически она произносила слова, значение которых девушка не знала, вроде «инфернальный». Отличное слово, хоть больше подходит для лексикона священников. Чтобы в нужный момент, мягко сказать о богохульстве в отношении тех или иных вещей. Это слово она услышала, когда фрау рассказывала им о произведении Джона Милтона ...или Мильтона. Ева точно не знала, хотя произведение ей понравилось. Вместе с пожилой немкой, они разбирали состав персонажей и битву между Богом и Сатаной, которая легла в основе повести. Это было одно из немногих воспоминаний о жизни в последних классах школы, с которыми у Евы были связаны приятные эмоции. По крайней мере, она ясно отчертила эту тему для Дитмара, который пользуясь случаем, старался при возможности вытянуть как можно больше из своих подопечных. Сейчас ему похоже надоело ходить взад-вперед с мячиком, в то время как все «подопечные» лишь наблюдали за действиями своего руководителя. Повернувшись к молодой девушке с азиатской внешностью, он мягко бросил мячик ей одной рукой. Ошарашенная таким исходом она немного отстранилась, глядя сначала на «тренера», который стоял возле нее, подталкивая к разговору, а также на всех присутствующих, ожидавших истории от нее.

«Привет, всем. Я – Леа. Я – наркоманка.» - после этих слов, все присутствующие дружно зааплодировали девушке, по уже выработанной традиции.

«В последнее время мне уже лучше...наверное. Я стала меньше думать о наркотиках в целом, больше рисовать. До того, как поступить сюда, я работала переводчиком. Мой отец был японцем, а мать родилась в Финляндии...Так что эти два языка я хорошо знала. В итоге, так это и началось...Сейчас я часто думаю о том, чем бы я хотела заняться выйдя отсюда.»

«И о чем ты думаешь?» - спросил девушку Дитмар. Леа немного в смущении потеряла свою правую руку – на плече виднелось множество татуировок. Надписи, звездочки, а вокруг этого всего, большая и объемная жар-птица, которая украшала большую часть руки девушки.

«Я в детстве часто рисовала. Знаете. И я подумала, что могу закончить курсы или что-то вроде того. Не знаю, было бы неплохо поселится где-нибудь на Лазурном Берегу и рисовать все эти поля.» - она сделала паузу, после чего добавила : «Правда звучит конечно глупо, но думаю я бы хотела этого».

После следующей паузы, все зааплодировали.

«Спасибо, Леа, что поделилась!»

«А что мне делать теперь?» - сказала она, в растерянности.

«Можешь кинуть мячик следующему...Выбери кого-то.»

После этих слов, Леа начала рассматривать всех сидящих. Здесь были люди самого разного возраста и профессий. О большинстве Ева не знала ничего. Кто-то из них был молчаливым и лишь тихо слушал, что другие говорят, изредка высказываясь. Кто-то бывало растягивал свой рассказ, добавляя в него множество подробностей. Через несколько секунд замешательства, Леа, бросила мячик женщине сидевшей, напротив. Ей было чуть больше сорока. Вьющиеся окрашенные волосы, с легким оттенком седины, крючковатый нос, а также легкая растерянность в глазах. Именно она говорила о том, что женщина не знала, что сказать, хотя похоже было на то, что она быстро собралась с собой.

«Добрый день всем. Меня зовут Улрике...Я наркоманка.» - положенные пару секунд аплодисментов не сбили женщину, а скорее дали ей время на передышку. «В последнее время мне жутко одиноко. Пару недель назад, мой муж прислал бумаги на развод...чертов...» - тут Дитмар перебил ее громким кашлем, приковав все внимание к себе. Головой он легонько кивнул на табличку, висевшую на стене спортзала. Правило 6: «Не употребляйте нецензурную лексику в отношении присутствующих и людей в целом. Придерживайтесь уважения ко всем.»

«Простите...» - слегка сконфуженная Улрике продолжила рассказ. «Наверное стоило этого ожидать...Во времена нашего брака мы мало с ним виделись, так как я работала полит.консультантом...Мы изучали психологию,

социологию, помогали различным партиям выстроить выборную стратегию. В итоге после этого, я пропустила всю взрослую жизнь. Рождение сыновей, которыми занимался муж...Но сейчас я не столько злюсь. Уже пару дней как я размышляла над тем, что же скажу мужу, когда он придет получить бумаги на развод.»

Закончив свой рассказ, Улрике подняла мячик взглянув на Дитмара, как бы спрашивая – можно ли ей передавать его дальше. Следует ли ей это делать или же продолжить свой рассказ, тем самым, слегка дрожащим голосом, которым она говорила. Еве было жаль эту женщину. Временами они виделись в столовой, даже перебрасывались парой фраз, но до этого дня, она не знала кто она, чем занималась. Улрике так и не сказала с чего начались ее проблемы, но то описание, которое у нее было, позволило Еве сложить четкую картину событий, приведших женщину в эту комнату. Она похоже переживала трудный момент своего принятия. «Принятие» - это было слово, которое Дитмар использовал в большинстве случаев. Оно могло означать что угодно: психофизическое состояние, принятия себя как наркомана, либо же что-то иное. По крайней мере, это были те два значения этого слова, которые Ева уже успела узнать на своем опыте. Она думала об этом, когда мячик перескочил к ее соседу слева, которого она хорошо знала. Петер был славным парнем, по крайней мере, он всеми силами старался соответствовать этому имиджу. Он был учтив, вежлив и интересен как собеседник. Это был единственный настоящий друг Евы. Он заглянул к ней в комнату через пару недель, после того как ее доставили в

клинику, одержимый желанием сыграть в шахматы с кем-то новым. Ева к тому моменту еще не отошла от действий наркотиков. Взглянув на себя саму, девушка испытывала отвращение, смешанное с сильным желанием вновь вмазаться, «по-самое немогу». Синяки на руках еще не сошли, а постоянные боли по всему телу, утолялись лишь небольшой дозой лекарств, которые выдавали Еве раз в день. Она не знала точно, что входит в их состав, просто глотала то, что давали, в надежде получить временное ощущение. Именно тогда и появился Петер.

«Если глотать все сразу, то сложно продержаться весь день. Привет!» - он находился в клинике почти год и досконально знал все проблемы, с которыми сталкивались наркоманы, вроде Евы, попавшей сюда не по своей воле.

Покрутив мяч между ладоней, как это делал Дитмар, Петер начал рассказ с положенного представления:

«Привет, друзья. Меня зовут Петер. Я наркоман.» - аплодисменты прозвучали как по сигналу, хоть в этом и не было ничего удивительного, все же Петер производил сильное впечатление. Он был единственным здесь, кого девушка могла назвать своим другом. По крайней мере, они вместе проводили несколько часов за привычными для этого мужчины шахматными партиями и беседами о своей жизни.

«Эм... Недавно я взял одну книгу в библиотеке и начал читать. Ее я читал много лет назад, почти подростком. А потом уже как редактор издательства, выкупал права на издание этого

романа в Германии...Это «Повелитель Мух» Уильяма Голдинга. Тогда я забросил ее, так и не дочитав, а в сознательном возрасте просто не вернулся к ней. Не знаю, что меня остановило. Наверное, эта ежедневная суета, в которой я жил...А сейчас, постепенно проникся этим произведением. Возможно потому что стал старше...Я вспоминаю себя год назад, когда я плотно...» - поймав осуждающий взгляд руководителя группы, Петер тут же прокашлялся и добавил «когда у меня были проблемы с наркотиками. Я думал об этом всем и понял, что если бы этого не случилось, возможно я бы не стал сильнее. Как те дети на острове. Да, они пережили это все, но после этого они будут говорить по-другому, жить по-другому и думать по-другому. Мне кажется в этом и есть сила, сила бороться со своим внутренним зверем. По крайней мере, так я понял идею этой книги...»

После заслуженных аплодисментов, Дитмар выглядел достаточно приподнятым. Должно быть он был рад за Петера, как и все присутствующие и Ева в частности. Ей нравился этот мужчина. Нравился его вид и этот ореол, который он создавал вокруг себя, своим слегка развязным поведением, напоминая эдакого стареющего гомосексуалиста, или же периодическими шутками, которые проскакивали у него. Хотя несмотря на это, Ева могла назвать его достаточно мужественным, во всех отношениях. Сейчас он сидел слева от нее и все еще крутил желтый мячик между ладоней, ожидая кивка руководителя группы. Повернув к нему голову, Ева смотрела на этого мужчину, изучая его. Ей хотелось узнать, как Петер попал сюда, хоть сам он не особо распылялся о своей жизни. Она

знала, что ему, как и любому наркоману, не особо хочется говорить об этом. По крайней мере, она сама не знала, что сказать на это.

«Спасибо, Петер. Выбрал следующего?»

«Да.» - сказал он и с улыбкой протянул желтый мячик Еве. Девушка обхватила его и начала раздумывать о том, как следует поприветствовать окружающих. Она делала это уже пару раз. Три или четыре. Девушка точно не помнила ничего. Во всяком случае помнила она одно – она не особо старалась поддержать разговор, всякий раз сводя объем высказанных предложений к необходимому минимуму.

«Эм...Привет, всем! Я – Ева. И я наркоманка.» - аплодисменты дали ей необходимую передышку. Всего пара секунд форы, прежде чем начать свой рассказ.

«...Я...Я не общалась со своим отцом уже много месяцев. Похоже ни он, ни я, не хотим видеть друг друга...Сейчас я чувствую себя хорошо, лучше, чем когда попала сюда. По крайней мере, мне легче. Я уже не испытываю болей, которые были у меня прежде.» - с этими словами, девушка посмотрела на руки, сжимавшие средних размеров, мячик. Синяки на сгибах суставов пропали, как и следы героиновых инъекций. Она не знала точно, были ли это героин, или же любая другая химическая дрянь, которую девушке насильно вливали в организм, до того, как отец нашел ее. Воспоминания, они резали ее как нож. Смерть матери...Звуки падающего тела. Она

представляла себе их и они были такими реальными, будто Ева была там, наблюдая за смертью самого любимого ей человека.

«Хорошо, Ева! Спасибо! Давайте поаплодируем Еве!» - оглушающие аплодисменты. Петер, поворачивающийся к девушке и приводящий ее в чувства. Это не значит, что ей было плохо, или же Ева испытывала желание опять вмазаться непонятными веществами из купленного набора наркотиков у очередного дилера. Правда сейчас оно было не таким сильным. Скорее эдакая дальняя перспектива, но все же желание присутствовало у нее. Девушка жалела о том, что не высказала этого – временами даже в этом кругу люди слышали подобные слова. Дитмар не протестовал, совсем наоборот. Он говорил о том, что важно признать это, что бы люди могли тебе помочь. «Ты молодец!» - шепнул он ей.

Петер и в правду поддерживал ее. Ева хорошо помнила первые сеансы гипноза. Это было через пару месяцев после ее прибытия в клинику. Тогда она лишь сидела среди этих двадцати человек, слушая рассказы бывших наркоманов. Она присутствовала там, но все же была в другом месте. Доза выдаваемых лекарств было мало для того, чтобы получить кайф, по крайней мере не какой кайф, какой она ощущала от крэка или того, что ей пускали по вене. Лекарства, которые девушка принимала в первые месяцы, не помогли ей достичь тех ощущений, которые она испытывала там – в притоне, когда ей было все равно, что делали люди вокруг нее, когда она позволяла окружающим делать с ней все. Зажмурившись, Ева свободной рукой ущипнула себя за запястье. Внезапная боль

дала девушке возможность почувствовать себя живой. Почувствовать слегка поскрипывающий пол спортзала, а также убедиться в отсутствии болезненных ощущений, сосредоточенных в желудке. Отсутствие резинового жгута, которым на протяжении нескольких дней были стянуты ее вены, давало ей ощущение полного присутствия в комнате, хоть она все еще чувствовала напряжение, с которым резина стягивала участок кожи, выше предплечья.

«Хорошо, Ева. Ты молодец!» - Дитмар уже второй раз повторил «хорошо», видимо для того, чтобы привести ее в чувства, после этого короткого рассказа, который девушка сложно осилила. Она думала о том, кому же передать мяч следующим, а двадцать сидящих рядом людей, наблюдали за ее решением. Наконец решив не идти далеко, Ева перекинула его одному из сидевших рядом мужчин. Он был куда больше Петера. Практически огромный, со своими виднеющимися мускулами и двухметровым ростом, он сидел в нескольких метрах от нее и похоже все еще обдумывал рассказ девушки. Обхватив одной рукой мячик, он сжал его, и после недолгой паузы сказал:

«Здравствуйте. Меня зовут Ханк. Я наркоман.»

Снова аплодисменты и пауза в несколько секунд между Ханком и его рассказом.

«Раньше я работал в полиции...Ну знаете, как это бывает...» - внимательно изучив лицо, Ханка, Ева позволила себе сделать вывод о том, что ему немного больше тридцати. Хотя, по ее

мнению, он не выглядел похожим на работника полиции. Легкая бородка делала его похожим на байкера...или же какого-то боксера. Хотя на открытых участках его тела, Ева не могла видеть таких татуировок, которые часто видела на ребятах вроде Майка Тайсона.

«Эм..., наверное, мне следует рассказать, как все началось?»

«Ханк, можешь рассказывать то, что считаешь нужным.» - уважительно ответил Дитмар.

«Мой самый первый раз случился на Новый Год, около года назад. Нас вызвали из-за того, что пьяный муж напал на жену...Я приехал туда один и сразу увидел всю картину: он угрожал ей ножом, прямо у меня на глазах...А я не мог стоять там, не мог ничего сделать. В итоге я выстрелил в него... « - длинная пауза, которую все оставили без аплодисментов, заставила гиганта продолжить свой рассказ. Слегка почесав свою бороду, он оттягивал время, уткнув глаза в желтый мячик. «Я не сделал предупредительный выстрел, хотя должен был...В итоге в тот же день, я решил как-то подбодрить себя, зная о том, что у нас в хранилище улики, лежали вещдоки, по одному старому делу. Его уже давно закрыли, а их еще не отправили на хранение. Это было что-то старое. Какой-то дилер, совершил ограбление в магазине. В общем так все и началось...Думаю это все что я хотел сказать.»

Снова все заплодировали. А Ева тем временем думала – что же Ханк чувствовал рассказывая об этом. Может и ей стоило быть немного посмелее? По крайней мере, после рассказа

бывшего полицейского, она смутилась. Он заставил ее сожалеть о том, что сама девушка не рассказала ничего большего, что могло бы помочь ей самой, а как всегда, держала все внутри себя.

Оставшуюся часть собрания, Ева мало кого слушала. Временами до нее долетали отдельные фразы или предложения, а сама она лишь похлопывала, давая знать, что физически присутствует в данном месте, в то время как сама девушка все больше и больше размышляла над словами Ханка. Они никогда не общались, лишь один раз, когда она выискивала книгу в библиотеке, а он попросил ее прочесть благодарность, в конце страницы, потому что забыл очки в своей комнате. Ева всегда думала, что это был лишь повод заговорить с ней. Случайно брошенная фраза, которая могла бы стать началом разговора. Может он этим пытался помочь ей? Она не знала точно, и вряд ли когданибудь бы осмелилась узнать ответ у него.

«Ну что, партия?» - сказал ей Петер, после того как попрощавшись с Дитмаром на пару часов своего отсутствия, предложил девушке их привычные занятия.

«Да, как всегда.»

Ева с Петером жили в двух противоположных палатах. Разве что ее комната, находилась на полметра дальше от его двери. Это было сделано для удобства пациентов, или легкого комфорта. Хотя, так или иначе, эти полметра не ставили большой проблемы между ними. Петер, как обычно, брал подаренную кем-то шахматную доску и приходил с ней в

комнату Евы, где двое собеседников на несколько часов погружались в игру. Девушка не испытывала особого желания играть очередную партию. Исход был понятен еще в начале. Хотя Ева все же старалась научиться чему-то в процессе. По крайней мере, это давало ей возможность пообщаться с Петером, в надежде на то, что он поймет ее нынешнее состояние и даст дельный совет.

«Ты какими будешь?»

«Не знаю. Давай белыми.» - взяв небольшого размера кожаное кресло, он пододвинул его к столику, куда уже положил складывающуюся доску, после чего, удобно усялся. Комнаты пациентов были самыми разными. У кого-то в апартаментах стояла полка с несколькими книгами, у кого-то висела туристическая карта мира. Ева не особо любила туризм, хоть и задумалась в последнее время над этим.

«Куда бы ты хотел поехать, когда выйдешь отсюда?» - он задумался. Ева тут же решила, что думал он явно над ее вопросом, нежели над партией, поскольку Петер без труда ответил на ход E2-E4 стандартным для дебюта ходом E7-E5.

«Хм...Сложный вопрос. Я подумал о том, чтобы остаться тут. Продолжить работу.»

Ева задумалась над его словами. Почему-то девушка всегда полагала, что у такого человека как Петер, есть свой план. Хотя даже и такой вариант соответствовал ему самому. Он не бежал от проблем, как это делало большинство людей. Благодаря

этому качеству, Ева назвала его имя, среди тех, на кого она хотела быть похожа. Это не было обращение к самой себе. Через несколько недель, после ее прихода в норму, девушка все еще ощущала себя сломленной, поэтому психологи регулярно навевались к ней, проводя сеансы гипноза. Они пытались внушить ей отвращение ко всем наркотикам, которые Ева прежде принимала. От травки, до всего того, что входило в рецепт ее внутривенного коктейля. Это помогло ей, отчасти. Отвращение, множество лекарств, выдаваемых для того, чтобы смягчить ломку, помогали. Теперь она приходила в норму, хоть все еще ощущала легкое желание пширнуться как следует. Оно жило в той части ее мозга, в которой все еще жила та мать. В этом времени, которое она отчаянно не могла забыть. Постепенно воспоминания тускнели, будто пройдя через череду лет, болезней, и множества нервных срывов, а воспоминания о наркотиках выливались в неприятные ощущения. Девушка испытывала их, как только Дитмар говорил «препарат», или кивал в сторону таблички с правилами. «Наркотик», сразу заставляло ее содрогнуться. Мышцы в районе предплечья тут же начинали подергиваться в медленном танце, который возникал из простого нервного спазма. Они все еще помнили те ощущения, когда вглубь тела девушки проникала игла, заставляя ее содрогаться и кончать от неистового удовольствия.

«Ева...Твой ход...» - Петер выглядел растерянным, хотя было похоже, что он успел продумать всю партию на много шагов вперед.

«Прости.» - ее тонкие пальцы тут же коснулись фигуры коня, поставив его на поле F3.

«Ну а ты, куда бы хотела попасть?»

«Даже не знаю...Я как-то думала об этом. Думаю, после того, что случилось, я вряд ли смогу смотреть в глаза отцу.»

«Угу...» - соперник посмотрел на нее из-под лба, после чего продолжил разговор, как бы невзначай сглаживая задетую тему: «Такс...Нападение на пешку...Хорошо.» - с этими словами он передвинул черного коня на С6.

«Знаешь, когда я учился в университете, я много думал о путешествиях. Но тогда это казалось мне романтикой...Вроде того, как это описывал Керуак.»

«В дороге» - да, хорошая книга. Помню, как читала ее в средней школе.»

«И как тебе?» - похоже затронутая тема, заинтересовала соперника девушки. Оторвав взгляд от доски, Петер посмотрел на Еву, с пущим интересом, какой у него всегда был, во время ее партий. Она была уверена, что он давно решил ход всей игры, и решил переключить силы на беседу.

«Знаешь, там был один момент...я не помню его точно, но опишу в общих чертах.»

«Да, конечно.» - Ева пошла слоном на B5, угрожая черной фигуре коня.

«В общем главный герой приезжает в один город, путешествуя по Америке. Он живет в палатке...или у своих друзей. Не помню точно...В целом ситуация такова – постепенно у него завязываются отношения с мексиканской девушкой. Они начинают встречаться. И тут, кажется начинаешь чувствовать всю красоту. Герой как бы сам дает себе понять о том, что он понимает, что рано или поздно придется уехать, девушка тоже это понимает, при этом они понимают еще и то, что любят друг друга. В конце концов герой встречается с этой девушкой, они говорят о своих отношениях и жизни и решают, что лучше им расстаться, зная о том, что ничего не выйдет. После чего они поворачиваются и расходятся в разные стороны...И кажется все, ты уверен, что ни он, ни она больше не увидят друг друга. Но через несколько шагов, они оборачиваются и смотрят друг-на-друга...»

«Потому что любовь – это дуэль.» - закончил он за нее, прямо процитировал писателя-битника.

«Да! Именно!» - Ева сначала удивилась тому, как быстро сосед вспомнил нужный ей отрывок, хотя после общения с Петером, это мало удивляло ее.

«Помню, как прочел ее...и думал о том, как поеду путешествовать после университета...Хотя в итоге я немного поездил по Германии, прежде чем начать работать в издательстве.»

«И как все началось?»

«Это были восьмидесятые года...Началось все с того, что мы группой студентов издали сборник наших театральных постановок...Я учился на филологическом факультете университета Гамбурга и играл в театральной труппе. Ничего серьезного. Просто у нас был свой руководитель – один из студентов-магистрантов. Мы и писали пьесы сами себе. На всякие праздники и события. Придумывали роли, персонажей. В общем писали все вместе. В итоге, к концу нашей учебы, мы решили сделать подарок будущим поколениям – собрали денег и напечатали вот такие сборники пьес. Тогда идея была такая – «для будущих поколений». Ведь по сути мы были энтузиастами, и театра как такового у нас не было. Мы просто сами собирались, сами все организовывали, находили тех, кому это было интересно. Кто шил костюмы, находили места для выступлений и все такое. В итоге мы решили издать этот сборник пьес, надеясь на то, что в университете обратят внимание на это. Возможно, кому-то эта идея понравится, и наша самостоятельность приобретет более формальный характер.» - он сделал паузу явно обдумывая следующий ход, а Ева тем временем думала, сколько фигур она уже успела проиграть. Их разговоры часто длились во время игры. Без перерывов на размышления о следующем ходе или обдумывании слов. Они просто играли, двигая фигуры и обсуждая, что с ними всеми происходило. Но сегодня беседа приняла более «формальный характер». Вплоть до этого времени они никогда не говорили о своем прошлом. Ева размышляла об этом, думая о том, что не выбери Дитмар Лею для начала своей игры, этого бы не было. Но теперь, каждый из присутствующих раскрыл им частичку своего прошлого.

Конечно кто-то и говорил об этом, но, наверное, не слишком охотно, не так, как сегодня. Кто-то лишь говорил о том, что чувствует в конкретный день, о том какая погода на улице и тому подобных вещах. Разговор обычно складывался собой, после первых нескольких ходов. Ход Е2-Е4, сделанный девушкой или же ее соперником, обычно давал старт течучке их мыслей и рассуждений. Ева же часто ловила себя на мысли о том, что их разговор принимает черты интервью. Петер делился с девушкой всем, рассказывал, что же ее ждет дальше. «О! Ты злишься. Это нормально.» - сказал он, заходя к ней в палату в самый первый раз. Тогда она, подбежав к маленькому столику, стоявшему вблизи кровати, с силой опрокинула его. Казалось бы, такое поведение должно было вызвать осуждение окружающих, но реакции было никакой. Петер же остался стоять в двери, со всей, присущей ему сдержанностью и педантичностью. Было похоже, что эта ситуация не представляла для него что-то экстраординарное, а скорее наоборот. Позже Ева поняла, что похоже все присутствующие понимали ее. Кто-то из них был закрытым и редко поднимал голову, смотря в глаза остальных на общих собраниях. И она была такой. У Евы этот период, который все ее новые знакомые называли «осознанием», продлился куда дольше, сопровождаясь депрессией. Пару раз ее погружали в электросон, тем самым успокаивая девушку. «Электросон» - так эту процедуру называли все, в том числе Петер, который похоже уже сталкивался с ней ни раз, хоть его лицо этого не выражало. Его глаза были по-прежнему живыми, будто все пребывание в этом месте давалось бывшему директору крупного издательства необычайно легко, а проблемы только

виделись ему. Этими же живыми глазами, он в который раз взглянул на Еву, которая раздумывала над следующим ходом. Партия подходила к концу. «Эндшпиль» - так назывался конец игры. Петер обучил ее всем основам и показал все ходы. Иногда выигрывал он, иногда она. Хотя ни он, ни Ева никогда не расценивали свои победы как что-то экстраординарное. Для них это был всего лишь способ проводить время, не думая о наркотиках, с мыслями о которых они боролись каждый день. Черно-белые воспоминания о матери, о старых друзьях, о старой жизни, наконец мелькали в сознании Евы ежедневно. Особенно в те моменты, когда она не могла заснуть, и мирно вдыхала запахи Берлина, который массивным темным пятном, лишь виднелся в дали, как корабль-призрак в море.

«Ну а что было потом?» - просчитав ходы, девушка поняла, что при выигрышной комбинации из двух ладей и короля, она с несколькими пешками неумолимо проигрывает, учитывая то, что Петер уже начал загонять ее к краю доски.

«Потом мы издали сборник, и меня вызвал к себе декан факультета. Я значился формальным редактором этого издания и как полагалось тогда...да и сейчас, должен был принять на себя основную ответственность. В итоге я пришел к декану и случилось как раз невероятное. Он меня похвалил и предложил возглавить газету университета. А через полгода меня пригласили в издательство на работу...Так в общем все и вышло.»

Несколько шагов, приведших белых к мату, а также рассказ собеседника, заставил девушку напрячь своим мысли,

раздумывая о том, с чего же началась зависимость такого человека как Петер. Он сидел, сложив руки на коленях и смотрел на исход партии. О чем он думал? Неужели о том, как подсел на наркотики. Ева даже не знала, что конкретно он принимал, как попал сюда. Хотя, после того как он приоткрыл ей частичку себя, ей тоже захотелось поделиться.

«Это все мои друзья...» - тут же выпалила она. Она не думала о том, что делала, это была попытка сделать самой шаг навстречу другу, который всегда был добр к ней.

Петера, казалось бы, не удивил этот ответ. Закинув одну ногу на другую, он откинулся на стуле и сказал:

«Ясно...Хочешь об этом поговорить?»

«Да не особо...Хотя...ну не знаю. Может ты что-то спросишь?»

«Как интервью?» - он слегка засмеялся. Должно быть это была попытка сгладить атмосферу. Но глядя на него, Ева все же успокоилась и подумала о том, какой вопрос Петер задаст ей.

«Расскажи о своей семье?»

Она задумалась, размышляя о том, что бы ей рассказать.

«Ну...Я родилась в СССР.»

«Так...»

«Ты что удивлен?» - спросила она, явно радуясь реакции знакомого. Петер выглядел смущенным, будто бы явно не ожидал этого ответа.

«Я просто всегда думал, что ты коренная немка. У тебя и акцента как-то не заметно.»

«Мы переехали в Берлин когда мне было...три или четыре. Примерно так...Мой отец...» - при слове «отец», сознание ее встало. Девушка сразу начала вспоминать тот самый эпизод из ее жизни. Плохо различимые контуры фигуры Алекса Новака. Алекса, которого она знала так много лет, который в детстве пел ей песенки, наигрывая легкую мелодию на своей гитаре. Алекс, который придя за ней, готов был убить всех, кто мог стать между ним и дочерью. Еве сразу стало не по себе от этих мыслей, после чего, девушка сразу перевела разговор.

«Мой крестный...он был художником. Когда ему было чуть больше двадцати, он начал выставлять свои работы в местной галерее. Ну знаешь, какое-нибудь известное местечко в городе, куда заходят иностранцы. А город там был крупный, в итоге его заметили и пригласили на выставку в Берлин. А потом он сбежал...»

«Погоди, я кажется знаю о ком ты говоришь...Об этом тогда много писали.»

«Да, думаю ты знаешь. Он сам себя называет «первый художник из «железного занавеса» - сказала Ева и рассмеялась. Она вспомнила лицо этого добродушного человека. Последний раз

она видела его с отцом, в день смерти своей матери. Казалось бы, это должно было омрачить воспоминания девушки, но почему-то она этого не чувствовала. Его лицо, таким каким она его запомнила, по-прежнему всплывало в памяти, в виде этого простодушного бородача, каким он был. «Дядя Сеня», как сама Ева привыкла называть его, всегда был добр к ней и искренне нравился девушке. По большому счету, у нее больше не было родственников, поэтому она ценила его общество. Она помнила тот чертов колючий свитер, который он подарил ей сразу же после переезда в Берлин.

«...кажется это было на рождество. Он принес его, завернутый в оберточную бумагу, а я раскрыла его.» - Петер внимательно слушал рассказ девушки о новогоднем свитере, ставшем ее первым подарком от взрослых. Во всяком случае, не от родителей.

«Мне этот свитер никогда не нравился. Знаешь, такой светлый, красивый. Но жутко колючий. Помню как я нервничала, когда надевала его. Будто леской себя обвязал...» - собеседник тут же рассмеялся. Слушая девушку, Петер постепенно расставлял фигуры в исходную позицию, давая Еве возможность отыгаться, но после ее фразы про свитер, поляк тут же откинулся на кресле и громко захохотал, чем поднял настроение самой Евы.

«Да, знаешь, ужасный такой свитер. Я пару раз прятала его, а мама потом находила и заставляла меня одеть его.» - Ева обдумывала что же следует дальше сказать, ведь это была ее история, это был ее крестный, которого она любила, хоть и не

видела долго. Это был тот человек, который несмотря на свой возраст, мог крутить романы с девушками младше его, и летать на выходные в Мексику, чтобы «попить текилы и сходить в музей Фриды Кало».

«В итоге, потом я стала старше, свитер стал мне мал и мы с матерью как-то сидели на кухне обсуждали его. Она сказала мне о том, что каким бы плохим не был свитер, самое главное было то, что он выбрал его сам. Я имею в виду, он хотел сделать подарок мне, хотя ни разу не видел меня. Он пошел в магазин и купил его. Сейчас мне кажется, что это очень мило.»

«Да, действительно, это правда.» - теперь он играл за белых, и подводя гипотетическую черту их разговора, как бы сказал «ну что ж, отвлечемся на шахматы.». Ход E2-E4.

Не долго думая, Ева решила попробовать новую вариацию защиты, и передвинула черную пешку на белую клетку D5. Он ответил конем на C3.

«Хороший ход...»

«В действительности, я никогда не думал о том, чтобы куда-то уехать...»

«Почему?» - Ева была удивлена. Петер грезился ей эдаким бравым мореплавателем, прообразом Ричарда Бренсона, только более интеллигентным и не таким пафосным. Но факт, оставался фактом —она всегда думала о нем, как о человеке, который как герои «В дороге» не сможет оставаться на месте долго.

«Знаешь, мои родители встретились в Польше...Я родился когда матери было девятнадцать, а потом они переехали в Берлин. И я думал – может это судьба. Я имею в виду – ты оказался там, где оказался, может тебе и нужно быть тут. Понимаешь о чем я?»

«Кажется да...Дай мне минуту, сложный ход»

«Думай сколько нужно будет.»

Петер с присущей ему деликатностью откинулся на спинку кресла и закинув руки за шею, принялся рассуждать над партией. А Ева тем временем вспоминала то, как оказалась в Берлине. Она плохо помнила события, которые привели ее туда, где она оказалась. Хотя Петер уже знал эту историю, это все равно было одно из самых ярких воспоминаний ее детства. «Наверное у каждого есть что-то такое яркое. Я имею в виду, что ты помнишь хорошо из своих детских лет и будешь нести через всю жизнь.»

«Да, ты права.» - говорил он ей тогда. «У меня это был Берлин. Какой же он был тогда красивый...величественные здания...Берлинская стена. Помню как стоял на помосте и смотрел на другую сторону. А там тоже была своя жизнь, просто не такая как на нашей стороне.»

«Отец говорил мне о том, что раньше, людей, которые подходили к стене могли застрелить...ну...на другой стороне.» - сказала она. Долгое молчание собеседника заставило девушку подумать о том, как бы возобновить беседу. Какую тему

выбрать? Обычно их разговор складывался сам по себе, но сегодня она должна была быть осторожной – она не хотела затрагивать тему семьи и жизни до клиники, она не хотела вспоминать тот самый «День Икс».

«Поэтому ты не хочешь уезжать отсюда?» - Петер слегка напрягся. Насупив лицо, он поднес руку к лицу и внимательно всмотрелся в доску. Ева только что поставила шах его королю, хотя в глубине души она подозревала о том, что соперник думает скорее как ответить на ее вопрос. И в правду вопрос был странным и сложным. В глубине души, девушка боялась о том, что после ответа, он совершенно банально спросит «А ты?». Ева не знала что она может ответить на этот вопрос. Как она сможет остаться в Берлине, после того, что случилось. Конечно в этом была виновата она – она решила добровольно спрыгнуть в ту яму. А как же Петер? Девушка ведь так и не знала какие чувства и проблемы он испытывал. Изредка она ловила себя на мысли о том, что наблюдает у него легкую хандру, которую всегда объясняла себе болезненными ощущениями ломки. Ева и сама помнила эти чувства – когда болевые ощущения достигают предела, все тело пробирает дрожь и хочется еще. Не важно чего – кокаин, героин, спиды, крэк или же простая и банальная травка – тебе просто нужно еще. Она все еще помнила как не переставая ходила по комнате, постоянно натываясь на четыре угла и надеялась что закрытая дверь в один момент откроется и ей внесут свежую дозу. Ничего роскошного... Хотя, может и роскошного. Бредя, она представляла себе как портье в смокинге протягивает ей бархатную подушку, устремляя свой каменный взгляд на

шприц, покоящийся на ней. А вскоре, все эти ощущения прошли. Уже почти полгода она училась жить без наркотиков в крови, наблюдая жизнь в наркологическом центре, где была совершенно одна. За те полгода, которые прошли с «Дня Икс», отец ни разу не позвонил ей, ни разу не дал знать о себе, заставляя девушку еще больше сожалеть о смерти матери. Чувство вины разъедало ее изнутри, так же сильно, как и острое желание вновь пустить себе по вене наркотик. Хотя, в конечном счете, оно прошло. Притупилось и стало не таким сильным. Вроде как маленькая мозоль на пальце руки. Когда ты вдруг начинаешь писать, после долгого перерыва – она дает о себе знать, а потом ты просто забываешь о ее существовании.

«Хм...Если честно – не знаю. Я как-то слишком привязался к Берлину. Да и потом...Берлин – это такое место, которое нужно понять, а я кажется так и не понял его.» - Петер слегка улыбнулся, смотря на нее. Сделав ход конем, он тут же убрал ладью с диагонали, освободив короля. «Черт!» - тут же подумала Ева «Мне нужно быть более внимательной!»

«Все нормально, не переживай.» - она тут же осеклась. Девушка была удивлена тем, что сказала эти слова вслух. Такого с ней давно не было и как минимум это было странно.

«Прости, не думала, что скажу это вслух.» - Петер немного рассмеялся, после чего перевел разговор в более мягкое русло.

«Чем ты думаешь заняться, когда выйдешь отсюда?» - он снова откинулся на спинку кресла, давая сопернице время подумать над следующим ходом. Ход пешкой, был самым очевидным

для Евы. Все фигуры были уже давно в центре доски, так что, таким образом она легко могла потянуть время.

«Я как-то об этом и не думала...Если честно, не представляю что будет потом...» - сказав это, она почувствовала как маленькие капельки, похожие на капли росы, постепенно выступают на ресницах. Картина встречи с отцом вызывала у девушки такую реакцию. Это был вполне обычный вопрос, прозвучавший достаточно легко. Петер, с присущей ему легкой манерой, спросил об этом будто бы это была книга, которую она собиралась прочесть завтра, или телепередача, которую девушка собиралась посмотреть в общей комнате. Она думала о том, как выйдет с порога здания и встретится глазами с отцом. И о том, что теперь её матери не будет рядом, не будет по ее вине. Раздирающее чувство снова мощным комом настигло ее, дав понять, что через минуту Ева Новак будет лежать на кровати в невозможности сдержать приступ слез.

«Слушай, я ненадолго отойду. Ты не против?» - Приподняв голову, Петер посмотрел на нее. Кажется, что он думал над следующим ходом, после ее дурацкого продолжения игры, вылившегося в ход A7-A5.

«Хорошо...» - он кивнул ей, явно озадаченный всей ситуацией. Закрыв дверь ванной на небольшой врезанный замочек, девушка посмотрела в зеркальце, висевшее над раковиной. Ванные комнаты во всех палатах были одинаковые. Небольшая душевая, небольшой умывальник, маленький шкафчик с зеркальцем над ним. Розоватая краска, которой Ева слегка

окрасила кончики волос, уже сошла, не оставив и следа от своего пребывания. Черная же, которой она много лет красила волосы, все еще держалась, на волосах, заставляя ее вспомнить той, кем она была. «Что же с тобой стало, девочка?» - она сказала это в слух. Возможно Петер и услышал ее, но девушка надеялась, что звуки стекающей из крана воды, помогут приглушить ее мысли. Маленькие слезинки тем временем стекали по ее лицу. Немного покрасневшие щеки и такие же глаза – в последнее время она часто плакала вот там, стоя перед зеркалом, либо же лежа в кровати, свернувшись в калачик. Это было ее спасение, ее собственная терапия. Девушка неохотно делилась с остальными своими мыслями, но чувствовала, что вот-вот должна взорваться и отбросив все предрассудки рассказать всю правду. «Что же ты собираешься делать дальше?» - еще один вопрос, который плачущая девушка задала своему отражению, вновь не зная ответа на него. Может быть и стоило подумать, взвесить все варианты и найти наиболее правильное. «Рациональное решение» - как любил говорить Дитмар. «Хорошее слово «рациональное». Вскоре Ева откинула свисающую челку на лицо, после чего, умыв глаза и щеки, посмотрела на себя новую. «Смой свою печаль...Наверное это бы сказал Дитмар...или Петер.»

Легкие, неспешные постукивания за дверью, заставили девушку прервать разговор с той, которая смотрела на нее из зеркала. Это давно уже была не «Старая Ева», которая слушала советский панк-рок по ночам, лежа в постели, а днем отходила от наркотического эйфории. Ева явно не знала ту девушку, которой была раньше. Она не знала ее и не могла объяснить

поступки этой девушки. Хотя возможно это были всего лишь несколько месяцев в клинике, заставивших ее думать так, но было похоже на то, что постепенно она начала меняться.

«Эй, Ева. Ты как?»

«...Кажется нормально...Я не знаю...»

«Понимаю, я могу что-то сделать?»

«Все в порядке...Просто мне кажется, что мне нужно выплакаться.»

«Прости, если я сказал лишнее.»

«Нет, все нормально.» - Ей было стыдно за внезапный выброс эмоций, стыдно больше, чем обычно, ведь, по крайней мере, обычно ее приходилось плакать не на виду остальных пациентов.

«Я понимаю все, Ева...Это нормально. В любом случае, я думаю, сейчас лучше оставить тебя одну...Я буду у себя, если буду тебе нужен.»

«Спасибо, Петер, я ценю...»

Их разговор, грелился ей сценой из какого-нибудь фильма, где главные герои, сев на полу, по разные стороны от двери, разговаривали друг с другом, через такую же деревянную дверь, которая сейчас разделяла их с Петером. Может эта беседа и в правду была такой - Ева уже не могла узнать. Дверь медленно скрипнула в конце, совсем затворившись и девушка поняла,

что осталась одна. В своей обычной обстановке, где ей приходилось размышлять над своей жизнью и тем, что случилось в одиночестве. Поедая себя изнутри, там где ее органы уже давно прогнили от выделяемой желчи, которая омывала желудок во время таких вот приступов. Выброс эмоций был нормальным явлением для девушки, должно быть этого и добивался Дитмар, своей терапией – заставить их говорить. Хотя за эти несколько месяцев она ни слова не сказала о том, что с ней произошло. Догадывалась, что он знал, и каждый раз пытался вывести ее на чистую воду. Во время первых сеансов они почти не говорили. Скорее это был его монолог. Так, этот психолог, сидящий в кресле, где несколько минут назад спокойно сидел Петер, рассказывал ей о том, что ее ждет в этом заведении. Слова разбивались на буквы, буквы на звуки, из которых лишь часть доносилась до нее. Мама. Она умерла. Осознание этого забилося в ее голову, словно мышь, убегавшая от преследователей, и которая наконец-то нашла спасение в маленькой норке. Приоткрыв дверь комнаты, девушка посмотрела туда, где несколько минут назад был Петер. Шахматы все еще стояли на столе, дожидаясь завершения брошенной партии. Но уже было поздно, она проиграла. Она знала об этом еще несколько ходов назад, когда попала под «вилку» и неудачно разменяла Ферзя. Петер бы назвал этот вариант «проигрышным». Так он выражался, когда только начинал учить ее. Вспоминая этот момент, девушка присела на краешек собственной кровати, сидя на которой она обычно играла в шахматы с привычным ей противником. А Петер, как всегда, сидел напротив ее, рассказывая о том, что сколько стоит.

«Понимаешь. В шахматах каждая фигура имеет свою ценность.»

«Это как?» - после этого он улыбнулся.

«Сейчас объясню. Идешь ты например в магазин. Покупаешь...например диетический йогурт. Чем ты будешь платить?

«Деньгами.»

«Да, и соответственно у этого продукта...

«Йогурта.»

«Да, у Йогурта есть своя цена...Три марки...»

«Может Евро?»

Похоже Ева смутила собеседника. Петер, улыбнувшись, снял свои очки и задрал краешек футболки, принялся протирать их.

«Да, наверное. Прости, это я еще не отошел от этого перехода...Но в чем суть. Этот товар, имеет какую-то цену. Так и в шахматах. Самая «дорогая» фигура – это Ферзь. Самая «дешевая» - это пешка. Примерно понятно?»

«Примерно да.»

Девушка помнила этот разговор будто бы он произошел пару секунд назад. Хотя похоже с того момента прошло несколько месяцев – она точно не знала. Первые недели жизни в этом месте прошли у девушки тяжело. Ломка. Постоянная боль и

желание принять хоть что-нибудь. Конечно раньше она получала небольшую дозу наркотиков. Ничего шикарного, ничего супер-сложного, ничего из того, что ей приходилось принимать раньше и ничего, дававшего ей подобные ощущения. Они лишь снимали боль, легко, но оставляя нескончаемое желание уйти в отрыв снова. Эта боль, напоминала ей о том самом вопросе, который Петер задал ей пару минут назад. Всеми силами Ева старалась отвлечься и не думать о нем, хоть у нее это похоже и не выходило. Сев на пол, девушка вытянула босые ноги на тот участок пола, освященный солнцем. Верхушки деревьев, хорошо видимые из ее окна, то ли дело колыхались от сильного ветра, который легким сквозняком обдувал ее конечности. «Что же я буду делать когда выйду отсюда?» - сказала она сама себе. Ева несколько раз повторила его с разной интонацией, смакуя каждую букву, размышляя о прошлом, настоящем и будущем, о котором в отличие от первых двух, она ничего не знала. Бывало что кто-то из пациентов покидал «заведение» - по этому, поводу Дитмар обычно устраивал что-то вроде праздника. Когда всех пациентов ждал безалкогольный пунш, на вкус похожий на талое жидкое и торт. Это было своего рода посвящение. В новый мир, в новую жизнь, которые ждали уходящих отсюда людей. Каждый из них, в конце толкал речь, в которой говорил, что наконец-то изменился и избавился от своих «внутренних проблем».

«Наверное это было правдой...Ведь каждый сам выбирал когда ему следует уйти...».

Ева знала, что большинство пациентов пришли сюда добровольно. Она же была исключением. Как и Петер. Он правда мало говорил об этом. Несколько месяцев общения, немного разогнали тот туман, который клубами окутывал его. Временами Петер мог сказать что-то лишнее, дав Еве знать больше, чем он давал Дитмару, и остальным пациентам, ежедневно собиравшимися в спортзале. Бывало эти фразы проскакивали в их разговорах, вроде совсем безобидных слов. «Так я начал» или «в это время я и...» - эти фразы вырывались из его рта в моменты слабости, после чего Петер начинал извиняться, говоря «прости, не нужно было говорить этого». Он знал, что лучше не давать Еве поводов думать о наркотиках. Весь первый месяц здесь, девушка грезил о шприце с непонятной жидкостью. «Ну хотя бы ложка крэка!» - кричала она Дитмару, сидевшему напротив нее.

«Боюсь, не могу этого сделать.» - отвечал он ей с совершенно спокойной интонацией.

Ева думала о первых месяцах здесь, стараясь не подходить ко «Дню Икс». Это было самое болезненное воспоминание в жизни девушки. Сигаретный ожог в самом центре сердца, который все больше прожигал участки ее души. «Мама. Что же я наделала?» - лишь могла произнести она. Воспоминания никуда не исчезли из ее памяти. Они все еще оставались там, вроде сцен из ее детства: отец сидящий, в том здании где он работал и маленькая Ева Новикова с ним. Евой Новак она стала уже потом, после переезда в Берлин. Она никогда не могла понять, в чем состояла причина того, что он поменял фамилию. Ева

знала, что для отца это было что-то вроде творческого псевдонима, которым он везде пользовался. Сама она видела его много раз. На обложках пластинок и CD-дисков, на которые девушка нередко натыкалась. «Автор всех текстов и музыки – Алекс Новак».

Через пару часов самоуничтожения, Ева поняла, что если не выйдет из палаты, то ее внутреннее я, просто захлебнется в потоке слез. Девушка перестала плакать пару часов назад, но все еще прибывала в подвешенном для сознания состоянии. Как только солнце село, ее ступни начал обдувать прохладный ветерок. Такой, какой бывает только в октябре. До наступления ноября оставалось еще почти месяц, хотя наверняка она не знала. Календарь, который Дитмар ежедневно поправлял маркером, висел в общей комнате, там же, где и находился телевизор, шкаф с книгами и небольшой диван. Солнце уже успело уйти и все потихоньку погружалось в легкое уныние, сопутствующее ночи. Надев свои носки и привычные кеды, которые носили все пациенты «заведения», девушка зашагала в сторону общей комнаты – Ева чувствовала, что просто должна взглянуть на календарь. Почему-то в этот момент это казалось ей необычайно важным. «Во всяком случае, у меня будет повод покинуть зону комфорта.» Это и в правду оказалось сложным для нее. Шагая в сторону общей комнаты, девушка невольно бросила взгляд на дверь комнаты Петера. Слегка приоткрытая, она словно приглашала ее поговорить о всех проблемах Евы, о всем том, что взволновало девушку и не давало ей уснуть. «Похоже уже поздно.» - сказала она сама себе, увидев темноту, в которую погрузилась общая комната, стоило ей зайти в нее.

«Странно...я просидела в комнате дольше чем полагала...Хотя, раз мы сели играть сразу после собрания...я наверное пропустила ужин. Черт!».

Мрачность, которой темнота накрыла общую комнату, прерывалась яркими цветами включенного телевизора. Девушка не хотела смотреть на него, останавливаясь и рассматривая тех, кто там сидел. «Лучше я поздоровуюсь на обратном пути.» - продолжила она размышлять внутри себя. Календарь, к которому Ева проделывала путь, висел в конце общей комнаты – там, где за закрытой дверью начинался реальный мир. Хотя лучше было бы сказать – те его части, которые были более или менее привычными ей. Вроде столовой или спортивного зала, в котором они ежедневно собирались. По утрам Дитмар входил в общую комнату и приветствовал всех находящихся там. После чего, делал свои привычные, бытовые дела: смотрел какие книги пропали из полок в «библиотеке», и зачеркивал очередную клеточку на календаре. Большие крестики, тянущиеся из всех углов квадратов с размеченными числами, заполнили меньшую часть месяца «октября». Добравшись до числа «12», они остановили свою маленькую войну. «Двенадцатое число. Через три недели – ноябрь». Приход ноября значил для Евы, что она провела в этом месте почти полгода. Полгода ее жизни, за которые она должна была измениться и исправить все совершенные ошибки. Это время должно было дать ей возможность смириться со смертью матери и пристрастием к наркотикам. «Меня зовут Ева и я наркоманка» - этот шаблон она повторяла почти каждый день, не только на глазах Дитмара

и остальных, но и утром, стоя перед зеркалом и смотря в свои пустые глазницы. Кажется, они успели утратить свой прежний блеск, легкую, детскую наивность, которая сразу читалась во взгляде девушки. Это все она потеряла. Ее мать ушла навсегда, забрав за собой «малышку Еву», как девушку ласково называли родители в детстве. Одна лишь мысль о них, причиняла ей невыносимую боль, сильнейший приступ самоуничтожения, заставлявший девушку переключить свое внимание на сторонние предметы. Звук включенного телевизора, обсуждение выборов в Рейхстаг «Вот, что мне нужно!» - сказала она, сама себе, после чего повернувшись к дивану, устремилась к двум сидящим на нем фигурам. Дитмар, сидевший с одного края, казалось, не сводил с нее глаз все это время. В то время как женщина, лицо которой девушка не могла различить, сидела уставившись в телевизор. Улрике – это была она. Разве что теперь она не выглядела такой подавленной, как утром. Насупившись и подперев лицо, руками, женщина наблюдала за словами политиков, мелькавших на телеэкране, проговаривая каждое сказанное ими слово.

«Ева, Петер сказал, что тебе было не хорошо. Все в порядке?»

«Да, Дитмар. Спасибо.» - немец привстал с дивана, все также не отрывая взгляд от подопечной.

«Слушай, если ты не против, то мы можем поговорить сейчас.» - Еве не слишком хотелось обсуждать с ним свои мысли. Вообще делится с кем бы то ни было. Хотя, она все же понимала, что он стремится ей помочь, но то, что волновало

ее, было слишком личной вещью. Она не могла рассказать об этом просто так.

«Я в порядке... Но кажется пока не готова для этого...»

«Хорошо, как скажешь.» - на миг ей показалось, что он все понял. Так понимающе и беспристрастно звучал его голос. В этом был весь Дитмар – он не стремился залезть в голову своих пациентов, но иногда мог и подтолкнуть их к разговору. «Иногда даже простой разговор вам может помочь» - эту фразу он часто повторял во время общих собраний.

«Слушай, я попросил сестер оставить тебе тарелку с ужином. Думаю, тебе сейчас просто нужно перекусить.»

«Буду тебе признательна.» - внезапно она почувствовала теплоту этого человека. Получив согласие от Евы, он еще раз бодро окинул девушку взглядом и пошел в конце комнаты. Дребезжание ключей и звук открывающейся двери. Теперь их осталось только дворе. Улрике все еще смотрела свое политическое шоу, не обращая внимание на окружающих. Похоже ей было все равно на то, что происходило вокруг – зомбо-ящик сковал ее рецепторы восприятия, сосредоточив все внимание женщины на картинке.

«Вы не против ?» - Ева слегка прокашлялась, привлекая внимание женщин, после чего подождала ответной реакции. Улрике в свою очередь вопросительно посмотрела на нее, после чего тактично ответила «Ни сколько.»

Неловкое молчание. «Теперь кто-то из нас должен что-то сказать. Что же мне придумать?» - присев на диван рядом с женщиной, Ева почувствовала, что разговор с ней, возможно поможет девушке. Возможно после какой-нибудь случайной фразы они начнут разговор и просидят так почти всю ночь. Но собеседница продолжала игнорировать девушку, смотря за тем, как лица политиков мелькали попеременно с привычным диктором этого телеканала.

«Чертов лгун!» - Улрике произнесла это с неким отвращением, после чего сменив позу, откинулась на спинку дивана. Она была явно возмущена увиденным, в то время как сама Ева, лишь наблюдала за происходящим с экрана.

«Все нормально?»

«О, простите. Вырвалось.» - женщина тут же принялась оправдываться. «Он врет.» - сказала она, указывая на очередного политика, отвечавшего на вопросы журналистов.

«И как вы поняли?» - девушке вдруг стало интересно, что же такого знала Улрике, чего не знала она.

«Посмотрите на него.» - сказала она, улыбаясь. Собеседница была похоже довольна собственной наблюдательностью, а Ева тем временем принялась изучать лицо очередного безликого политика. Он выглядел так же, как и все они. Седые волосы, полное лицо, небольшие усы. Идеальный образчик немца, таким, какого его представляют все. Не доставало лишь милого костюмчика жителя горных регионов провинций и сосиски в

одной руке и бокала пива в другой. С экрана телевизора, политик говорил о реформах в современном образовании, о том, что система обучения давно устарела.

«Почему, представители министерства образования называют вашу инициативу шагом назад?» - политик выглядел сдержанным, но тут же, подняв палец, будто бы поставил время на паузу и потянулся к стакану воды. Улрике тут же засмеялась, залившись почти-истерическим хохотом. К тому моменту как Дитмар вернулся с тарелкой риса и небольшой котлетой с подливкой, она успела объяснить Еве в чем обстояло дело.

«Прости!» - сказала женщина, убирая маленькие капельки, выступившие на ресничках. «Обычно, когда так делают – не знают, что ответить. В итоге он сам не знает что говорит – забавно правда?» - на секунду другую, Ева засмеялась, глядя на то, как поправляя галстук, «фриц» уклончиво пытается ответить на вопрос.

«Ой! Ну от опять! Теперь он пытается провести всех!»

«Вы поняли это только взглянув на него?»

«Обычно это сразу заметно...Обрати внимание на галстук. Он выступает как «радикалист», а сам носит светлый галстук синего цвета. Это для того, чтобы успокоить всех. Подобные приемы, обычно подавляют пыл. Ведь зритель следит за ним, за каждым движением. Это психологический прием.»

Слушая рассказ Улрике, Ева ничего не отвечала. Котлета, разогретая Дитмаром в микроволновке, отдавала рыбным вкусом. Что-то похожее на то, что готовил ее отец. Бывало, что приходя с работы, он подолгу хозяйничал на кухне, стремясь вкусно накормить семью или же каких-то своих знакомых. Эта картина виделась девушке хорошим временем, которое у нее было. «Оно прошло...»

«Что ?» - спросила Улрике. Рассказывая новой знакомой о важности психологии она сосредоточила свой взгляд на очередном безликом политике, указательным пальцем показывая на его ошибки. Вроде того как мужчина потирал пальцем бровь, или же чесал рукой за шеей. Улрике умудрялась найти ошибки в поведении каждого, после чего принималась объяснять их Еве.

«Да нет, простите. Я немного задумалась обо всем этом...» - затем добавила после паузы. «Подумала о том, что раньше мы все жили в другой стране...до падения стены. Тогда все наверное было по-другому.»

«Хм...» - собеседницу кажется впечатлил ответ девушки, так что немного задумавшись, она вскоре дала свой профессиональный ответ: «Думаю ты права. Тогда и вправду все было по-другому...»

Через пару минут их вялого разговора, Улрике тяжело поднявшись с дивана, пожелала девушке спокойной ночи, после чего ушла. Санитары не разрешали пациентам оставаться в гостиной подолгу, хоть и нельзя было сказать, что

они были чересчур против. «У вас все хорошо?» - спросила ее, появившаяся из коридора девушка. Темные волосы, за сорок, и маленький бейджик «Марта» на груди.

«Да, да я уже уйду... Простите». – Ева подумала про себя о том, что сейчас должна была быть ночь, раз Марта совершала свою прогулку из одного корпуса заведения в другой. Темнота давно спустилась на землю, окутав ее своей пеленой. И хоть девушка и не видела звезд, ей нравилось думать, что они светят ей прямо за окном. Эти маленькие лучики надежды, рассыпанные по небу. Их не было видно, но идя по коридору, она думала, что каждый из них смотрит в отдельное окно, на отдельного человека, будто Леа, Ханс, Улрике, Петер или еще кто-то из тех людей, которых она видела ежедневно. Ева не знала имена каждого – наверное этого было и не нужно. Имена перемешивались в голове, сливаясь в кашу, в то время как в самой памяти оставались лишь лица, которые смотрели на нее. Желтого мячика уже не было у нее в руках, но сидя на полу своей комнаты и смотря на свои руки, Ева чувствовала, что несмотря на это, она хочет кому-то рассказать. «Не знаю... смогу ли я... Может это и неправильно...». У себя в голове, она все еще держала слова Петера, произнесенные пару часов назад. Они стояли у нее на виду, также, как и шахматы, все еще занимавшие свое место на столике, между кроватью и креслом. Да, похоже было на то, что она явно растерялась. Проиграть ферзя, коня и одну ладью. Петер сразу бы сказал, что эта партия проигранная, если бы не был таким тактичным и вежливым. Петер. Похоже он был единственным, кому девушка могла все рассказать, не боясь за себя. Ева тут же

представила себе эту картину: она. Незамеченной проходит к нему в палату и рассказывает обо всем. «Можно поговорить?» - спросит она его. «Конечно...» - Петер будет как всегда любезен и выслушает подругу. «Во всяком случае, это только мои мысли...» - сказав это, Ева легла на пол, прислонив голову к двери в комнату. Сквозняк, проходивший через маленькую щель между полом и самой дверью, обдувал ее лицо холодным воздухом. А сама она лежала, прислушиваясь к сторонним звукам. К тому как очередная медсестра, прохаживается по плитке коридора, просматривая, каждая ли дверь закрыта, и нет ли кого-нибудь в общей комнате. Или же тихому сопению, которое доносилось до нее, из коридора. Это все казалось было должно успокаивать Еву, но лежа на полу, она чувствовала то, что ее сердце начинает биться еще быстрее. Пульс напоминал удары по наковальне, а мысль выйти из комнаты и пройти к Петеру, не покидала ее голову. «Может мне зайти на минутку...?» - подумала она. Медсестра совершила свой привычный обход, значит путь был чистым. Аккуратно встав, Ева медленно опустила дверную ручку. Металл был холодным, а скрипление, вызванное изменением положения ручки, казался непривычно громким. Девушка аккуратно приоткрыла дверь и убедившись, что в коридоре не было никого, осторожно ступила босыми ногами на плитку, нащупывая каждый ее квадратик в темноте. Лампочка, висевшая в конце коридора была единственным источником света, так и не доходя до той части коридора, где одинокая фигура пыталась нащупать дверь на противоположной стене. Вытянув руку в сторону, девушка осторожно нащупала ей шероховатую поверхность обоев, по которым вела руку,

касясь поверхности кончиками пальцев. Это помогало не натолкнуться на стену в темноте и не вызвать страшный шум. Воспоминания. Она вспоминала как щупала кирпичную стену под кислотой в свой самый первый приход. Он все еще отдавал яркими воспоминаниями, которые Ева хранила глубоко внутри себя, закрытыми от всех. Вспоминая те самые ощущения, девушка невольно вспоминала своих друзей, которые не были ей друзьями вовсе. Лишь люди, которые помогли ей упасть туда, где она благополучно пролежала не один месяц. В этом она смогла разобраться лишь благодаря Дитмару, чьи слова теперь вольно цитировала в своем воображении. Ненависть к ним у нее все же присутствовала. Хотя вряд ли это можно было назвать ненавистью как таковой.

«Мне просто все равно» - сказала она Дитмару, который интересовался у девушки о состоянии ее близких.

Это было во время одной из их первых сознательных бесед. Чувство ломки вскоре покинуло ее, а осознание того, где она и кем стала, осталось. Конечно он знал о том, что с ней случилось, ведь все это было записано в личном деле пациента. Маленькая папка, которую он просто перелистывал, ничего не говоря ей. Взгляд этого человека, временами лишь напоминал Еве о том, что он один из немногих, знает ее историю.

«Fuck! Сколько же прошло времени?» – она сказала это сама себе, после того как потеряла счет времени. Уже несколько минут девушка лишь стояла и смотрела на номер двери, за которой скрывался Петер. Номер три. Металлическая цифра была прибита к деревянной двери и словно звала ее. «Ну что

же...пути назад уже нет.» Легонько повернув ручку, Ева вошла во внутрь. Комната была практически такой же, как и ее собственная. Кровать, удобное кожаное кресло. Полки, забитые книгами, а также шахматной доской, которая теперь, дожидаясь своего часа, стояла у нее в комнате. Разве что привычный девушке стол, заменяла прикроватная тумбочка, на которой виднелся небольшой светильник. Петер не сразу обратил на нее внимание. Вытянув ноги, поляк читал одну из книг, взятых в библиотеке.

«Ева, как ты? Все в порядке?» - увидев знакомую, он сразу же встал с постели и отложив книгу в сторону. Очки все еще виднелись на переносице у мужчины, куда он, в своей обыкновенной манере, обычно приспускал их. Похоже это было его привычкой. Во всяком случае, замечая их не снятыми на носу, Петер то ли дело смеялся, говоря: «Эх, старая привычка!» или что-то вроде того. Эта старческая манера все же не старила его, а наоборот увеличивала ауру доброты, которая исходила от человека мощным потоком. Он стоял прямо напротив девушки, лицо которой заметно покраснелось от обильных потоков слез. Настольная лампа, направленная на кровать, плохо освещало комнату. Достаточно плохо. чтобы увидеть каждый ее миллиметр, но при этом достаточно хорошо, чтобы рассмотреть обильно стекавшие по лицу девушки слезы.

«Что случилось?»

«Я...Я...Я не знаю, как сказать...» - она заикалась словно пятнадцатилетний ворюшка, которого поймали в

супермаркете.

Петер похоже почувствовал неладное. Подойдя к Еве, мужчина взял ее за руку и осторожно повел в направлении кресла, стоявшего в углу комнаты.

«Все хорошо. Не волнуйся. Я просто хочу усадить тебя...» - он говорил это, не спуская глаз с ее лица. «Зрительный контакт важен при охоте на крупных зверей» - говорил очередной безликий тележурналист, из зомбо-ящика. Она не была диким зверем, но чувствовала себя как зверь, загнанный в угол.

«Да, конечно» - согласившись девушка присела на отведенное ей место, после чего попросила сделать собеседника тоже самое. Он взял табурет, стоящий в другом углу комнаты – Ева часто видела как он залезал на него, ставя ту или иную книгу на полки, развешанные параллельно кровати.

«Слушай, я просто чувствую, что должна с кем-то поговорить... Не знаю. Может это все не глупо.»

«Не глупо.» - он повторил это два раза, заметно понижая интонацию. Петер не сводил взгляда с девушки, пытаясь ее успокоить. «Что ты хочешь рассказать?»

«Я не знаю... Каждый день Дитмар спрашивает о том, чем мы хотим поделиться. А я не знаю, как сказать ему... тебе и остальным. Можно я просто расскажу и все? Без «почему и зачем» - я просто должна сказать это... Кому если не тебе?»

Увидев медленно стекающие слезы на лице девушки, Петер лишь кивнул.

«Все началось как-то легко...Знаешь, как когда напиваешься в первый раз на какой-нибудь вечеринке. Все кажется веселым, твои силы безграничны. Тебе хочется попробовать еще. Думаю, это вполне нормальное желание, учитывая то, какой я тогда была... За год я перепробовала почти все, что могла достать. ЛСД, метадон, кетамин, спиды...Даже кокаин один раз. Мне казалось, что я могу бросить в любой момент. А о последствиях я не думала — как ты можешь думать о чем-то, испытывая все эти ощущения...Верно?»

«Никто из нас не задумывается о последствиях.» - Петер лишь тихо сказал это. Неизменная истина, которую Ева итак знала, но которая прозвучала с новой силой для нее самой. Он не сказал ей продолжать, давая девушке время выдохнуть и обдумать сказанное. Он лишь сидел там, слушал и не сводил с нее взгляда.

«Дальше все стало еще хуже...Родители не знали ни о чем. Наверное, я так хорошо играла на публику. Хорошая дочь. Тихий ребенок. Я была такой всю жизнь, поэтому изменения в поведении они списали на гормоны. А потом все началось. Я попробовала крэк. Не помню кто мне его дал. Одна ложка и этого хватило...Окружение постепенно менялось. Друзья становились расплывчатыми, я не могла запомнить их имена и лица, даже если мы вместе принимали... Как последняя дура, я влюбилась в одного парня. Симпатичный, интересный...таким он был для меня. Он был хорошим, как мне казалось. И понимал меня. Но дураку было ясно, что ему нужно было от меня только одно — хороший приход и я рядом. Во время

нашего первого раза, он подсадил меня. Я ничего не сказала, никак его не остановила. Я просто дала ему это сделать...» - переведя дыхание, Ева тут же зажмурившись, представляя себе эту картину. Кожаный ремень обтягивает ее руку, а игла входит в вену вместе с неведомым наркотиком. Петер молчал не прерывая ее размышления и уход в себя...Ведь девушка хорошо знала, что подбиралась к той части воспоминаний, к которой не хотела подходить. Это был тот самый «День Икс».

«...Меня не было дома целую неделю...Не знаю как мои родители выдержали это. А я была там. В очередном притоне. И позволяла им делать все, что они хотели...со мной. Мне лишь нужна была доза. Ничего другого. Ничего роскошного, о чем мечтают «маленькие принцессы» ни шикарного состояния, просто шприц с тем, что бы заставило меня кайфануть. А они в отчет делали это со мной...Это была плата, которую я брала за все, что они пускали мне по венам...» - поток слез, постепенно усиливался, а дыхание девушки, становилось все более неровным. Она чувствовала, как задыхается, но ничего не могла с этим сделать. Чувство стыда постепенно окутывало ее, заставляя найти в себе силы и закрыв глаза, несмотря на сидящего напротив Петера. Ева знала, что он как друг, выслушает все, что он скажет, но не знала как на этоотреагирует. Сознание рисовало разные картины и варианты развития событий. Петер вскакивает, выгоняет ее из комнаты. Петер, бьет Еву по лицу и называет «шлюха!». Она знала, что ничего из перечисленного, он не сделает, но незнание, слившись в экстазе с ее распатанными нервами, само рисовало эти ужасные картины.

Она не могла поверить в то, что рассказывает эту историю кому-то. Ева боялась даже вспоминать об этом, представляя образ своего отца, направляющего пистолет на окружающих людей. Дядя Сеня. Ее самый любимый человек на свете, после родителей. Он стоял там, рядом с ним и смотрел на Еву. Его взгляд не выражал ничего хорошего. А она, не отойдя от очередной дозы наркотиков, не могла понять, что же он выражает. Печаль или сострадание. Так или иначе, он ничего ей не сказал, лишь перевел взгляд на Алекса, который все еще держал трясущихся от страха посетителей притона на мушке.

«Отец нашел меня...не знаю как. Я слабо помню это все...разве только кусками.» - Петер знал, что это было правдой. Они никогда не обсуждали кто какие наркотики принимал, так как это было запрещено правилами. Но похоже он знал все то, о чем она говорила. Хотя это знает и каждый наркоман: воспоминания между дозами становятся расплывчатее, а мозг перестает реагировать на внешние раздражители.

«Когда он нашел меня, я уже была глубоко под кайфом. Там, внутри...Это как сидеть в коробке. Он стоял там, направив пистолет на всех стоявших...Хотя из тех, кто мог что-то сделать или встать, там было мало людей. Он вытащил меня оттуда...Дальше все было как в тумане. Скорая, огни, все размыто. А потом он, сидит у меня возле кровати. Я никогда не видела его таким. Он просидел там несколько дней, после чего сказал...Сказал, что она умерла. Моя мама умерла...» - Подняв свои руки, девушка прикрыла лицо, словно пытаясь спрятаться

от стороннего наблюдателя, которым был Петер. Ева не видела его, но через пару секунд услышала осторожные шаги, и ощутила объятия. Она все еще прижимала ладони к лицу, захлебываясь в потоке своих слез.

«Тише-тише» - Колыбельная. Так звучал его голос, который она ощущала прямо у себя под ухом. «Ты не виновата...» - продолжил Петер. Он не отходил от нее, а оставался там, на своем месте. Не раскрывая объятий. Ева не знала сколько они так просидели. Возможно десять минут, а возможно час. Она успокоилась, прежде чем он успел что-то сказать. А сам Петер, в свою очередь, лишь наклонился к ней и сказал «Ты ни в чем не виновата...» - это была ложь, и она это знала. Все случившееся случилось по ее вине. Это сама Ева отняла жизнь своей матери, которую так любила.

«Ты хочешь знать, что случилось?»

Ответа не последовало, но девушка все равно продолжила.

«Когда отец позвонил матери, сказать где я и что со мной случилось...Она просто упала в обморок. Упала и ударилась головой об угол стола. Больше она не проснулась. Дурацкая банальная смерть. Как такое только могло случиться?!»

Петер взял Еву за руку и снова принялся успокаивать. «Лучше бы я вообще не рождалась...» - сказала она, прикрывая лицо рукой. Она ненавидела себя. За то, что никому не сказала этого. За то, что оправдывала саму себя. За все, что сделала и за свою мать. Каждый раз смотря в зеркало, девушка думала о том,

насколько она была похожа на Алису Новак. Ее глаза, доставшиеся от матери. Легкая россыпь веснушек на лице и светлые волосы, цвет которых она так старательно скрывала. Ева была копией своей матери, как говорил сам отец. А теперь, она же и страдала от этого.

«Послушай меня.» - Голос Петера прозвучал мягко и нежно. Ева понимала, что сейчас он примется успокаивать ее и говорить о том, что не она виновата в этом, а чертов случай. Дурацкий случай, от которого ни она, никто другой не был застрахован.

«Ева. Я знаю, что не могу дать тебе совет, который тебе поможет... Я сам не уверен, что знаю, как помочь себе.» - Петер слегка улыбнулся. Ева не знала, как реагировать на это высказывание, ведь смотря на Петера, она видела лишь ореол, исходивший от этого человека. Человека, который, по ее мнению, не должен был испытывать проблем вовсе.

«Но вот самый главный совет, который я тебе хочу дать. Оставь это в прошлом. Пусть это все утечет туда, где оно было. Пусть твои проблемы останутся там, в этом самом месте, где ты лежала. И не важно, что там было. Ведь, если ты смогла пройти через это и не сломаться, не умереть, то ты стала другим человеком. Возьми эти возможности и стань другой. Забудь все, что было до этого и живи дальше, не думая о том, что было позади...»

«Мне будет больно?» - спросила Ева, смотря на то добродушное лицо, сидевшее в нескольких сантиметрах от нее.

«Сначала да. Будет плохо и трудно. Но потом это пройдет. Ты забудешь то, что было и постепенно поймешь то, чего не понимала раньше. Смиришься и будешь помнить об этом, что случилось, как о совете отца или друга.»

Дитмар, стоявший в коридоре, ничего не сказав, увидел ее. Ева не боялась быть пойманной, теперь, когда она рассказала все, о чем думала уже многие месяцы, ей было в принципе все равно. Она лишь перевела взгляд с очков, которые носил немец, на дверь собственной комнаты, находившуюся в нескольких сантиметрах от него.

«Доброй ночи, Ева.»

«Доброй ночи» - Девушка сказала это не громко, боясь разбудить кого-нибудь. После чего, также осторожно, как и до этого, опустила металлическую ручку двери и зашла в свою палату. Ночь забрала ее себя, оставив лишь контур Евы Новак, освещенный лунным светом. Она не знала насколько далеко ее разум уплыл от тела, и куда двигался. Штурвал похоже сменил свой курс, как и слезы на щеках девушки, которые уже не стекали по тоненькой шее, пробуждая новый поток мурашек на коже. «Спасибо» - она сказала это, надеясь, что Петер услышит ее. Возможно не сразу, но поймет насколько сильно он помог девушке.

Впервые с момента смерти матери, Ева ощутила легкость, внутри себя. Не слишком сильную, но тяжесть в сознании немного отступила. Это чувство, которая казалась Еве не больше горошины, зарылась куда-то глубоко, во внутрь тела девушки, отдавая теплом. Словно там, где она стояла, вдруг заиграл джаз, который под свой неторопливый ритм, уносил Еву с собой. Туда, где она еще не была, но туда, где собиралась оказаться. Но уже не другим человеком, а все той же Евой Новак.

Эпилог

Закончив свой рассказ, музыкант перевел взгляд на Эмму. Он ничего не сказал, лишь взгляд, вззирающий на нее из-за приспущенных очков-кругляшей, дал понять, что интервью окончено. Несколько секунд тишины, после чего Эмма клацнула одной из кнопок на стареньком кассетном магнитофоне, окончательно поставив точку в сегодняшнем дне. Она, сидевшая прямо напротив него, не знала что сказать. Кажется, что ее вид над которым девушка старательно работала, не произвел на него никакого впечатления, в то время как его рассказ, оставил ее без слов. Проведя целый месяц за подготовкой, девушка раздумывала над тем, каким же будет он, и какой же будет она, как поведет себя, понравится ли ему, и все подобное.

«А теперь простите, я наверное пойду...» - голос его звучал совсем не так, как на тех песнях, которые Эмма предварительно закачала в плеер, за несколько недель до встречи с музыкантом. Возможно, потому что с тех пор прошло много лет, возможно потому что последнее выступление он отыграл чуть больше семи лет назад.

«Да, конечно.» - конец этой встречи девушка рисовала себе уже несколько недель. Он сидит напротив нее, порядочно отвечает на вопросы. Рассказывает истории о своей жизни, а она изредка отходит от утвержденного списка. Возможно вставляет уместные шутки, тем самым разряжая атмосферу. За пять лет работы, Эмма уже порядком преуспела в этом. Карьера политического журналиста у нее сложилась хорошо. Удачно

сказанные шутки, удачные интервью, хорошая репутация. Работа нравилась ей в целом, что соответствовал профессионализму девушки, но сейчас она совершенно не знала как себя вести. «Мы закончили?» - этот вопрос он задал ей еще несколько минут назад...» Минут или секунд? - Эмма точно не помнила. В голове смешались все фрагменты истории Алекса, которые она пыталась запомнить. Открытый блокнот был наполовину исписан. Конечно она доверяла диктофону, но параноик внутри журналиста, постоянно твердил

девушке о том, что техника может в любой момент выйти из строя, лишив ее долгожданного материала. Алекс тем временем, встал из-за своего насиженного места, пряча зажигалку в карман куртки. С пачкой сигарет он справился быстро. Достаточно быстро, насколько это было возможно за те пять или шесть часов, которые они провели в кафе. Периодически его рассказ сменялся долгими паузами, будто бы сам он отчаянно пытался вспомнить о чем говорил. В такие моменты обычно появлялась девушка, вышедшая из стойки, и позванивая множеством металлических украшений на шее и руках, выполняла свою работу, снабжая их свежей порцией горячего кофе. Бывало, что на ней взгляд Алекса задерживался, а интервью на несколько секунд останавливалось, после чего, он ухватив нить разговора, продолжал, забыв о возникшей паузе.

Подойдя к этой самой девушке, он протянул ей купюру, после чего, покинул кафе. Одинокaя фигура. Эмма представляла его в образе этакoгo отшельника-битника, но сам Алекс оказался

куда сложнее, чем она думала. Он стоял там, в нескольких метрах от нее, а Эмма не решалась догнать музыканта и сказать ему все, что она думала о его рассказе. Она и сама толком не знала что думала. СССР, Афганистан, «Неврология». Как только обычные тезисы в ее голове закончились, она начала вспоминать газетные вырезки, адресованные группе: «Неврология» - первая панк-группа СССР», «Из железного занавеса: «Неврология» - лидеры сегодняшних чартов». Однако постепенно эти размышления закончились, а мысли девушки сосредоточились возле Алекса. Распечатав только что купленную пачку сигарет, музыкант снова закурил, а после чего, принялся постепенно отдаляться. Его фигура растворялась в потоке людей, появляющихся из подземного перехода, где он вскоре скрылся, ведомый таким же потоком людей. Каждый из них знал его песни, слышал его голос. А он шел там, вот так. Во все тех же очках-кругляшках, подаренных старым другом, немного неряшливый, немного странный, но такой, каким он был.

По пути домой, Эмма все еще думала о стареющем музыканте. Интервью не слишком волновало ее, хотя она и готовилась к нему несколько недель. Множество видеороликов и документалок, несколько сотен прослушивания тех самых песен, которые знал практически каждый второй. Вставив наушники, она включила одну из песен «Неврологии» - «Угольное Варенье», после чего, принялась размышлять о том, что будет делать дальше. Вагон метро слегка покачивался, убаюкивающее действуя на Эмму, которая за эти пять часов, порядком подустала. Временами ей приходилось брать

различные интервью у политиков, писателей, художников, к которым ее посылал журнал. Эмма не была слишком известным журналистом, хоть порой ей и приходилось встречаться с самыми разнообразными личностями. Вроде Tricky, у которого девушке пришлось брать интервью. Она хорошо помнила этот случай. «Передай ему привет от меня!» - говорила Эмме мать. Не смотря на свой возраст, Софи достаточно хорошо разбиралась в современной музыке, в отличие от Эммы, знания которой ограничивались несколькими альбомами Элливотта Смитта и White Stripes в их лучшие годы. Софи же предпочитала типичной инди-классике множество групп, которые любой беспристрастный слушатель, вроде нее, самой называл «клёвыми». Да и вообще, выглядела она сродни своей дочери. Высокие каблукы, хорошая фигура. Встретив их на улице, можно было и не узнать кто из них дочь, а кто мать. По крайней мере, такие шутки, часто проскакивали, стоило матери с дочерью выбраться на какой-нибудь ужин к давним знакомым. Должно быть это был порядок вещей. Ведь всю свою сознательную юность, девушка провела изучая базовые предметы в школе журналистики Гамбурга. Она сидела в общежитии целыми днями, уча и уча. Она хотела стать лучшей и в каком-то смысле стала ей. Не то чтобы у Эммы стояла статуэтка лучшей студентки вуза. Она никогда не размышляла о себе как о лучшей, никогда не говорила фразы «Не хочу хвастаться, но на курсе я лучшая студентка.» и уж тем более никогда так не считала. «Всегда найдется кто-то, лучше тебя» - говорила ей Софи. Эта была железная истина, которую Эмма знала. Популярной среди других она точно не была. Девушка

посвятила большую часть своей сознательной юности учебе, чтобы добиться того, чего она добилась. Место журналиста, в самом крупном ежемесячнике Германии далось ей с трудом. Сначала новостной отдел. «То еще веселье.» - Эмма всегда вспоминала эту работу примерно с таким энтузиазмом. Нужно было сидеть целый день в интернете, искать новости и переводить их. Она неплохо знала английский. Во всяком случае, лучше, чем многие работники новостного отдела, хоть они работали там дольше ее. Вся работа отдела велась через веб-сайт, и помимо заработной платы, новостники получали еще и плату за количество просмотров. «Крысиные бега» - так она это называла. Возможно все работавшие там и вправду были настоящими крысами. Хмурые лица, недоверчивые взгляды, каждый из них, хотел опубликовать ту самую новость, которая бы сорвала куш в количестве просмотров и принесла бы обладателю несколько лишних сотен евро в плюс к обычной заработной плате. Через какое-то время девушке начало все надоедать. «Думаю каждый бы ощутил это оказавшись на моем месте.» - хмурые лица, презрительное отношение, язвительные шутки. Все это во многом давило на девушку в коллективе, где у нее не было друзей. А потом началась новая гонка. Одна из корреспондентов «верхнего этажа» вдруг ушла в декрет, и у Эммы появился шанс. Нужно было проявить себя, как только она могла и девушка твердо намеревалась сделать это. Новостной отдел был дырой. Она уже порядком насытилась от этих вечных гонок, в которых нужно было быть быстрым, упорным и уметь давать отпор остальным «овчаркам». Эти качества никак не ущемались в скромной и тактичной Эмме, но она все же начала работать. И

потом случился «БУМ!» - во время ее обеда с подругой, в отеле «Sofitel». Маленькие столики, уютная атмосфера. Ей нравилось это место. Эмма часто забегала туда, перекусывая после длинного рабочего дня. И вот, как раз, случился этот фурор. Один из немецких политиков, ужинающий там в одиночестве. Сразу после новогодних праздников, когда выборы президента были в самом разгаре. Это было задание, которого она ждала. Интервью, которое могло бы пролить свет на предстоящую предвыборную компанию. «Из первых уст» - так она назвала материал, который вскоре оказался в февральском выпуске журнала. Внимание, успех, место корреспондента, свой кабинет. Все так и случилось. Быстро и стремительно. Эмма вовсе не жаждала этого. Скорее она была рада той возможности, которую ей предоставили, чтобы показать все, на что она способна. Выйдя из метро, Эмма все еще раздумывала над тем, как за три года поменялась ее жизнь. Алекс Новак переехал в Берлин в самом начале 90-х – что же он чувствовал тогда? «Глупо сравнивать меня и его...» - Эмма понимала, что успех музыканта, миллиардные тиражи пластинок по всему миру, не сопоставимы с ее маленьким интервью, сделанным в самый разгар предвыборной компании.

«Доча, это ты?» - голос матери, послышался из гостиной, как только девушка вошла во внутрь. Дождь уже кончился, хоть в воздухе все еще стояла жаркая весенняя влага, оповещающая о скором потеплении.

«Да, мам.» - она не знала зачем Софи задала ей этот вопрос. Жили они вдвоем, уже почти десять лет, после развода родителей. «Разводом» это называла только Эмма, в отличие от матери, которая все время повторяла «грязный ублюдок, просто сбежал с очередной юбкой». Эмме не хотелось обсуждать это, скорее она просто воспринимала этот факт как данность, в отличие от своей матери, которая время от времени повторяла мантру, в которой отец девушки приобретал образ «грязного ублюдка, упустившего свое счастье».

Софи вышла в коридор, встречая дочь. Просторный шелковый халат шел в разрез очкам, которые женщина надевала, вяжа очередной свитер. Именно так она коротала большую часть своего времени. Включив National Geographic, и вяжа очередную безделушку из ярких ниток, под звуки передачи о львах.

«Ну как все прошло?» - тонкими пальцами, она сняла огромные, не типичные для самой себя очки. Они больше подходили для гардероба какой-нибудь богемной жительницы «столицы Германии», чем для матери Эммы. Но в последнее время, «старость» начала давать знать о себе все больше. Ее зрение заметно упало, в отличие от легкого загара, который Софи закрепляла регулярными походами в солярий. Эти очки были подарены ей одной из старых подруг, имя которой Эмма совсем позабыла. Может это была ее легкая растерянность, а может виной тому было интервью, которой заняло почти весь рабочий день девушки.

«Даже не знаю, что тебе сказать...Вроде хорошо, только...»

«Только что?»

«Не знаю. Я как-то странно себя чувствую.» - Алекс Новак, подобно революции, сбил молодую журналистку с ног, лишив ее дара речи. Все мысли, которыми девушка хотела поделиться с матерью, вдруг осели где-то глубоко внутри нее самой, все еще доходя до нужной кондиции.

«Он мне показался очень интересным.»

Софи, которая к тому моменту благополучно вернулась на диван в гостиной, тут же заявила.

«Доча, разумеется он интересный! Это же Алекс Новак. Знаешь. Я слухала «Неврологию» еще когда ты была у меня в животе.»

«Угу» - Эмма слышала эту историю уже как минимум неделю подряд. Похоже мать была рада проделанной работе больше, чем она сама. Но натянув улыбку, Эмма все же удовлетворила мать своим видом, после чего последовала в свою комнату.

Стол все еще был завален различными заметками и статьями о группе «Неврология». А в истории поиска браузера Эммы, почти каждая вторая ссылка была как-то связана с этой группой «Неврология» - история группы», «Неврология» - Википедия», «Алекс Новак», «Неврология – «Угольное Варенье» - слушать». Все эти ссылки она пересмотрела в течение нескольких дней. Ровно как и те несколько документальных фильмов, повествующих о жизни советских панк-рокеров. Множество тех, о котором Эмма сегодня

услышала, мелькали на экране или в подписях под черно-белыми фотографиями. Алекс Новак тоже был там – кто-то из зрителей решил заснять музыканта на сцене, запечатлев этот момент. Там он был не таким как в жизни, по крайней мере для Эммы, которая все еще ощущала присутствие музыканта, видела это лицо перед собой и вспоминала то, как он посвящал ее в каждый укромный уголок своей жизни.

Телефон зазвонил рано утром, разбудив Эмму. «Что же случилось?» - думала она, с трудом раскрывая глаза. Девушка все еще лежала во вчерашней одежде, которая была на ней во время интервью. Белая футболка и темные джинсы. Свой излюбленный малиновый пиджак, она повесила на спинку стула, стоявшего поодаль от рабочего стола. Телефон прозвонил еще несколько раз, вибрируя в кармане того самого пиджака, прежде чем Эмма, собравшись с силами, встала с кровати и нашла его. Диктофон, еще несколько часов назад разделявший ее с Алексом, лежал на столе. «Должно быть я уснула...» - Девушка начала припоминать как включила запись, начав пересушивать сделанное накануне интервью.

«Вы были участником, наверное единственной в своем роде, группы в СССР – «Неврология». Вас называли настоящим голосом поколения, как нельзя лучше повлиявшим на альтернативную музыкальную культуру. Расскажите о вашем первом концерте?» - долгая пауза между ответом, обдумывая который Алекс несколько раз затянулся сигаретой, после чего произнес.

«Знаете, я вообще никогда не хотел давать интервью или быть известным или что-то в этом роде. Но так получилось, что теперь мы с вами сидим здесь. Вы задаете мне вопросы, а я не знаю как на них ответить. Не обижайтесь пожалуйста.»

«Нет, что вы...Я все прекрасно понимаю» - Эмма надеялась, что ее ответ прозвучал как можно искренне и аккуртно.

«Давайте сейчас забудем о том, что у вас с собой есть лист вопросов. Я просто расскажу вам то, что должен рассказать. Вы послушаете меня и зададите те вопросы, которые захотите задать. А потом...» - он сделал паузу, слегка приспуская свои очки. Вы можете сделать с этим все, что хотите. Опубликуйте в журнале, напишите книгу...Я не буду против.»

Примерно так начался их разговор. Это была одна из первых вещей, которые повергли Эмму в шок, после чего девушке пришлось собраться и показать весь свой профессионализм, которому ее учили четыре года. «Журналист должен быть готов провести интервью без подготовки!» - это говорил ей один из преподавателей, во время учебы в колледже. И это она сделала за те пять часов, которые ей удалось провести с Алексом.

«Привет, Эмма! Как интервью?» - голос на другом конце провода принадлежал ее выпускающему редактору- Робу Наджару.

«Привет, Ролло! Похоже все хорошо.» - Роб был хорошим парнем, с которым они были в достаточно дружеских

отношениях. Временами, он приглашал весь коллектив выпить чего-нибудь, эдакого в местном баре, что служило отличным способом укрепления отношений среди корреспондентов. «Ролло», как его все называли, был в своем роде неплохим парнем и нравился Эмме. Он так же, подобно ей пришел в отдел корреспондентом, и уже через пару лет стал выпускающим редактором.

«Что же рад слышать? Как он тебе?»

«Слушай, я пока не могу ничего сказать...Если честно, все пошло немного не по плану.»

«В каком смысле?» - голос друга, которым он был, вдруг перебил интонацией выпускающего редактора, заботящегося прежде всего о материале.

«Я провела все по привычной схеме...Вернее хотела провести, но все немного вышло из-под контроля...Материал есть и его много. Я правда не знаю что с ним делать.» - такой ответ похоже удовлетворил Роба, на что надеялась Эмма, все еще пребывающая в состоянии полудремы.

«Слушай, материал у нас есть. Плюс – это же «Неврология»! Это его первое интервью, так что вполне ожидаемо, что и тебе и ему было неудобно...»

«Угу!» - Эмма тут же вспомнила, как после внезапно возникшей идеи, она принялась добиваться внимания Алекса. Ролло мало что знал о ее затее, так что можно было сказать, что действовала она самостоятельно. За пару месяцев, девушка

отправила музыканту десятки писем с предложением встретиться, пыталась найти его номер телефона, но безуспешно. В итоге все решилось само собой, как любила говорить ее мать. «Не расстраивайся. Давай сядем, посмотрим какой-нибудь фильм. Все решится само собой.» - сказала ей Софи. Через двадцать минут, после того как они усадились смотреть «Девятые врата», который в целом всегда нравился Эмме, Роб позвонил ей. «Эмма! Эмма! Мне только что позвонили!»

«Ролло, что такое?»

«Слушай сюда! Алекс Новак только что звонил мне. Он согласен дать интервью!» - судя по интонации, было похоже, что Роб почти захлебывался собственной слюной в приступе паники.

«Что там такое?» - спросила ее мать, глядя на девушку сквозь припущенные очки, «для вязания».

«Похоже я все-таки сделаю интервью с ним...» - Тогда Эмма не представляла во что это может вылиться для нее самой.

Прервав возникшую паузу, Роб продолжил свой неторопливый разговор. А Эмма, тем временем принялась искать резинку для волос, скрытую среди множества бумаг на столе.

«Слушай, работай сколько тебе нужно будет. Я вообще хотел попросить тебя поработать над неделей моды. Съездишь туда, пообщаешься с модельерами. Ну ты в общем знаешь что и как

– кого я буду учить?» - сказал он, слегка рассмеявшись. Эмма тут же уловила эти знакомые нотки, которые могли проскочить только у старого друга. После чего, повесив трубку, она снова рухнула на кровать.

«Вы можете сделать с этим все, что хотите. Опубликуйте в журнале, напишите книгу... Я не буду против.» - слова Алекса все еще крутились у нее в сознании. Книга. «Напишите книгу.»

«Черт.» - тут же сказала девушка, сама себе. «Может спросить совета у матери?»

Софи, в конечном счете ответила дочери в своей привычной, слегка ироничной манере: «Конечно напиши чтонибудь! Если твоя книга хорошо разойдется, то я смогу переехать в Майями... Представь, сколько там загорелых красавцев...»

Эмма поморщилась лишь после одной мысли о том, что ее мать, загорает на пляже, демонстрируя все свои формы проходящим мимо двадцатипятилетним парням. Но все же отбросив всю свою критичность, подумала: «А что, если?» - у нее был один знакомый в издательском деле. Эмма познакомилась с ним несколько лет назад. В самом начале работы в новостном отделе. Во время практики, в колледже, девушке довелось взять интервью у директора издательства, коим он был, после чего они регулярно поддерживали отношения, вплоть до того, что новый знакомый снабжал Эмму новостями о различных новинках в мире книгоиздания. Его телефон был записан в записной книжке, где девушка хранила самые важные для себя номера. Он не был забит в

телефон – после одного случая, когда во время похода в бар, Эмма начала обзванивать бывшего парня, она, по настоянию Ролло, удалила все номера из телефона, оставив лишь часть из них в записной книжке. Именно там покоились эти несколько цифр, которые могли помочь девушке расставить все по местам, сделать что-то значительное. Не просто взять интервью у очередного безликого политика, являвшего собою лицо Социал-демократической партии Германии, но что-то большее. Ей хотелось рассказать о человеке, с которым девушка виделась всего несколько часов назад. Пусть это был один день, всего лишь один день из его жизни, ставший поворотным моментом. С этой мыслью, Эмма включила элэптоп и открыла новый документ в Word.

Ежедневные порции кофе, который помогал девушке справляться с творческим застоем, помогли ей дописать роман до конца, каким он был. Все то, что рассказал Алекс ей более трех месяцев назад. Все то, о чем она думала каждую ночь, каждый день, отвлекаясь от работы и заканчивая новую страницу в word-овском документе, озаглавленном «Неврология». Волнение сковывало пальцы девушки на последних страницах, но все же она их дописала. «Я закончила» - Эмма сказала это в слух, чтобы почувствовать всю радость и облегчение от проделанной работы. Словно это был ее первый секс, когда она с опаской не знала что делать и как. Постепенно оно прошло, хоть и не совсем. Набрав тот самый номер, записанный на обложке записной книжки, девушка стала ждать, пока не услышала хрипловатый голос.

«Привет, Эмма! Рад тебя слышать. Чем могу помочь?»

«Привет, Петер. Слушай, у меня тут дело по твоей части.» - пауза. Девушка чувствовала, как ее сердцебиение усиливается, а в голосе появляется неприятная дрожь.

«Ну не тяни резину! Я весь в предвкушении!» - Петер умел это. Хорошо скрасить любой разговор. Снять волнение и напряжение лишь одной своей интонацией.

«Я написала книгу!» - быстро протараторила Эмма, после чего добавила «Фуух! Слушай, не поверишь как тяжело это было сказать!»

«Отлично, дорогая поздравляю! Я так понимаю тебе нужна помощь...»

«Да...Я собственно поэтому и звоню...Не знаю даже как сказать.»

«Можешь ничего не говорить! Я растерян! Я в предвкушении! Одна из лучших журналисток Германии выпускает первый роман...Он же первый, да?»

«Да.» - разговор начинал походить на дружескую беседу, а волнение постепенно отступало от Эммы, которая присев на помятую кровать, стала ждать, что же будет дальше.

«Слушай, я как раз повысил одну из своих сотрудниц. В общем мы поработали над созданием отдела отбора авторов, она теперь его возглавляет. Но, я могу попросить изучить твою работу детально...Если хочешь...»

«Да, спасибо...» - Эмма выдохнула. Она не знала, что будет с word-овским файлом, но облегчение вскоре настигло ее саму, убрав все следы прежнего волнения.

«Давай сделаем так. Перешли мне на почту файл с текстом, а я отправлю его прямиком главе отдела отбора авторов.»

«Хорошо, Петер! Спасибо!» - она несколько раз повторила «Спасибо», давая другу понять, насколько она ценит то, что он сделал для нее.

Петер слегка засмеялся, после чего добавил.

«Нет проблем. Я буду рад помочь старой подруге.»

Еще раз поблагодарив старого знакомого, Эмма тут же повесила трубку и сосредоточилась на текстовом документе посреди «рабочего стола». Электронный адрес Петера хранился на ее почтовом ящике, в котором помимо него была переписка с множеством людей. Правда временами Эмма старалась чистить ее, оставляя лишь то, что находила главным. Вроде кратного обсуждения предстоящей выставки с Дэмьено Хёрстом или краткой беседы с Tricky, по поводу их давнишнего интервью.

Наконец, найдя переписку, озаглавленную «я,Петер». Эмма открыла ее и прикрепила документ к сообщению «Привет еще раз. Присылаю рукопись романа. Всего наилучшего, Эмма Ландгрэн.»

Сидя и смотря на готовое сообщение, девушка чувствовала некое беспокойство в душе. Все тоже волнение внутри живота,

которое не давало ей покоя. А вдруг ей следует изменить название или дописать еще что-то. Нажав на крестик в графе отправки сообщения, девушка удалила документ из загрузки, после чего открыв все тот же word-овский файл, принялась смотреть на него. Титульный лист с написанным на нем словами «Угольное Варенье» - эта песня всегда нравилась Эмме, еще с тех времен, когда девушка, слушая «Неврологию», выполняла очередное задание, сидя в общежитии колледжа. Но сейчас, глядя на него, она чувствовала, что название кажется не подходящим. Должно быть это внутреннее чутье журналиста прорывалось на нее. «А может это просто перфекционист внутри не хочет молчать?». Она и в правду думала о себе как о человеке, который мечтает сделать все идеально. Настолько насколько можно. Но сейчас речь была не об этом. Алекс, со всей своей грустью, все еще сидел прямо перед ней, хоть с их первой и последней встречи прошло более трех месяцев. Каждый день, Эмма вспоминала его слова, то как он прослезился, вспоминая дочь, думая о том, что за стеклами своих очков, Эмма не увидит этого. Но она увидела, увидела и запомнила. Это воспоминание беспокоило девушку, и заставляло задуматься. Она думала о собственном отце, с которым ни разу не общалась за последние десять лет и о Еве Новак, которую собственный отец, нашел в притоне с кучей наркоманов вокруг и передозировкой наркотиков. Покидая это место, Алекс просто сжег его. Так он сказал ей. Он не мог оглядываться и видеть как этот дом все еще стоит там, а какая-нибудь другая девушка вскоре займет место его дочери. Эмма не написала об этом не слова, хотя и должна была. Но в данный момент, она просто знала это и представляла себе как Алекс,

выносит дочь на руках, как свисают ее волосы, над землей и то, что он чувствовал дальше. Она не могла ничего сделать с этим. Ровно как не могла и испытать все те чувства, которые он испытал. Невыносимая боль, поселилась в душе этого человека. В один день, он потерял двух своих самых близких людей и теперь превратился в призрак того Алекса Новака, которого Эмма видела на одной из пластинок группы, найденной дома, пару лет назад. Она ничего не могла сделать с ним и дочерью музыканта, никак не могла помочь им. Разве что могла напомнить девушке, которую она не знала, о том, что отец ее любил, ровно как и ее мать. С этой мыслью, Эмма выделила прежнее название и нажала «Backspace». Курсор в начале строки намекал ей на то, что она должна придумать какое-то название, а сознание постепенно подбирало нужный вариант. Наконец девушка поняла, что должна делать. Уверенность наполнила Эмму, сменив дрожь и волнение которое она испытывала. «Я родился в СССР» - эти строчки девушка набрала на титульном листе, после чего, спустившись на несколько строк, добавила «Посвящается Еве Новак». Эмма не знала, насколько это хорошее название, насколько это хороший текст и вообще будет ли кто-нибудь его читать. Безусловно старый друг поможет ей. По крайней мере она надеялась на это, как и на то, что ей не придется ничего менять. «Кажется все...» - с этими словами девушка загрузила новый документ и прикрепив его к сообщению нажала кнопку «Отправить», в надежде, что когда-нибудь, послание, написанное ею на титульной странице, найдет своего адресата. Ровно как и все то, что Алекс хотел сказать, но не сказал.

©Данил Волохов – «Близость», 2021

©El Chulito – оформление обложки.

© «Полутона», 2021 – 402 с.